

команда против пыток

ДОЗВОЛЕННОЕ-НЕДОЗВОЛЕННОЕ

исследование государственного насилия в России и
общественных представлений о нем

Авторы: Мария Бунина, Мария Василевская, Дарья Рудь,
Анна-Мария Филиппова, Юрий Шубин, Дарья Ш.

Иллюстрации: Ася Киселёва, визуализация: Любовь Захарова

18+

© Команда против пыток, 2023

Распространяется по лицензии [Creative Commons «Attribution» 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

От Команды против пыток – вместо предисловия

Наши юристы работают с пострадавшими от силового насилия уже без малого четверть века. И эта дистанция измеряется не годами, а сотнями человеческих историй. Порой их героям удавалось стойко пережить насилие и конвертировать свой опыт в задел на новую жизнь, нередко более счастливую, чем до соприкосновения с жестокостью.

Но всё же чаще мы вспоминаем обратные примеры. Примеры, когда страх, беспомощность и разочарование – типичные спутники тех, кто принудительно оказался в позиции слабого, – необратимо надламывали и разрушали людей. Они теряли семьи, здоровье, работу, стабильность и весь нематериальный капитал, накопленный до столкновения с пыткой. А порой и жизнь. Невозможно в точности предугадать, кто пострадает следующим и хватит ли у него сил на восстановление. Двадцать три года работы наших юристов показывают, что у оказавшихся в ситуации насилия нет единого портрета и одинаковых обстоятельств. Последствия травмы не всегда предсказуемы, а попытка их устранения – это зачастую игра с непредсказуемым концом.

Опыт Команды против пыток и различные исследования подтверждают, — что пытки, насилие и произвол в масштабе всей России – это аномалия, экстремальные проявления самых болезненных недостатков нашей правоохранительной системы, неудачным образом сливающихся однажды воедино. Пытают далеко не всех и не везде, но когда пытка случается, то мы считаем, что молчать о ней столь же преступно, сколь и совершать её. Нужно обличать виновных, порицать произошедшее и – самое главное и сложное – помогать пострадавшим вернуться в общество, чтобы жить полной жизнью и не распространять насилие дальше. Одна из целей работы правозащитников – сделать неприемлемой саму мысль о допустимости любых форм унижений – будь они физическими или психологическими – можно сделать неприемлемой.

Любой успешный путь начинается с рефлексии. Исследование ниже в очередной раз подсвечивает проблематику насилия с позиции тех, кто в него вовлечён. И речь не только о переживших и применявших пытки, но и о тех, кто находится словно на периферии произвола – друзьях, родственниках, правозащитниках и даже простых обывателях. Этот текст помогает понять, где находится точка входа в насилие, какие взаимодействия возможны внутри него и как люди борются за свои права и достоинство. Для нас важно, что данное исследование показывает примеры того, как о насилии говорят, как его понимают, и почему это важно.

Мы выражаем благодарность авторам исследования – независимым социологам, которые по нашей просьбе включились в этот разговор. Этот текст, как любое отдельное исследование, не может стать истиной в последней инстанции; кроме того, он не предлагает строгих определений для пытки и насилия. Не все его тезисы и выводы легки для восприятия. В некоторых моментах он оставляет

пространство для несогласия, спора или самостоятельного осмысления. Материал рассчитан на тех, кто хочет и готов вовлекаться в дискуссию о насилии, его формах, предпосылках и последствиях. Он может шокировать примерами и сюжетами, к этому нужно быть готовыми.

Однако главная его ценность для Команды против пыток и вовсе не в описаниях, обобщениях и категоризациях. Он ценен нам тем, что в нём людские истории, зачастую остающиеся за пределами материалов уголовных дел, обретают лица. Лица, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не должны были столкнуться с насилием.

Благодарности

Людам, пережившим недозволенное обращение со стороны государства, которые доверили нам свои истории.

«Команде против пыток» за помощь с поиском респондентов, юридические консультации и конструктивную критику.

Координаторам и волонтерам за помощь с расшифровками интервью:

А. Аминову
А. Краевой
Айя Ямалутдиновой
Александру Д.
Алине Щукиной
Алисе Донниковой
Анастасии
Анастасии Вышневецкой
Анастасии Г.
Анастасии Коробковой
Анастасии Куршевой
Анастасии Максимовой
Анастасии Неклюдовой
Анастасии Николаевой
Анастасии Рыбниковой
Анастасии С.
Анне Вдовиной
Анне Никитиной
Ане К.
Ане Щетниковой
Ассе Бисмют
Асе С.
Варваре Даниловой
Варваре Дикой
Васе Еленкину
Веронике Каменцевой
Войовнича Вербе
Д. А. Кондратьевой
Дарии Максимовой
Дарье Ивченко
Диане Гулиной
Дэри В.
Евгению Петрову
Евгении Ефимовой
Екатерине Лесных
Екатерине Пахомовой
Елене Овчинниковой

Елизавете Вергель
Елизавете Гавриловой
Ивану
Ивану Иванову
Карине С.
Кате Логиновой
Кристине Савельевой
Ксении Спиридоновой
Лизе Смирновой
Лиле
Лине Чельшевой
Маргарите Тащиан
Марине Алиевой
Марине Гагариной
Марии Беккер
Михаилу Ат_ву
Насте Рыбниковой
Наталье Царюновой
Наташе Рекичинской
Нине Тимаковой
Ольге Лариной
Ольге Софт
Оле Зима
Полине Щеблановой
Светлане Федоровой
Софии Крыловой
Т. Усевич
Табуретке
Татьяне М.
Татьяне Шохман
Ульяне
Эдите С.
Юле Антроповой
Юле Тихоновой
Яне
Anastasiia Kooklin
Elmatava
Liuba Samylova

И еще 32 волонтерам, пожелавшим остаться анонимными.

Экспертам и активистам, которые согласились побеседовать с нами и делились контактами:

Петру Хромову;
Альбине Мударисовой;
Адаму Торосяну;
Георгию Иванову;

Леониду Агафонову;
Анне Коцаревой;
Светлане Яблонской;
Наталье Верховой;
Сергею Шунину;
Алексею Федярову;
Дмитрию Чичерину;
Марине Литвинович;
Роману Веретенникову;
Сергею Романову;
Илья Платонову;
Анне Богатыревой;
Федору Богатыреву.

И еще 11 экспертам, пожелавшим остаться анонимными.

Список сокращений

ГИБДД – Государственная инспекция безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, ранее ГАИ (госавтоинспекция). структурное подразделение центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ВВК – военно-врачебная комиссия; медицинская экспертиза, обязательная к прохождению, в частности, сотрудниками различных силовых государственных ведомств.

ДСП – гриф «для служебного пользования»; категория, используемая в госорганах для документов, предназначенных для ознакомления только ограниченным кругом лиц.

ЕПКТ – единое помещение камерного типа; наиболее строгая изоляция злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания от других категорий осуждённых.

ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека; международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства — члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, включающий все вопросы, относящиеся к толкованию и применению конвенции, включая межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц.

ИВС – изолятор временного содержания, ранее КПЗ (камера предварительного заключения). Место заключения при отделении внутренних дел.

ИК – исправительная колония; вид исправительных учреждений для содержания совершеннолетних граждан, осуждённых к лишению свободы. В России существуют ИК с различными режимами содержания: колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого режима.

МВД – министерство внутренних дел Российской Федерации. Включает в себя полицию, управление по контролю за оборотом наркотиков, управление по вопросам миграции и др.

МРТ – магнитно-резонансная томография; здесь – вид медицинского обследования.

ОВД, РОВД – (районный) отдел внутренних дел.

ОМОН – отряды мобильные особого назначения Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации; специальные подразделения, привлекаемые для решения задач обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, в том числе на массовых акциях и мероприятиях, а также в «горячих точках» на территории России и в предотвращении массовых беспорядков.

ООН – Организация Объединенных Наций. Создана для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества между государствами.

ОНК – общественная наблюдательная комиссия по защите прав человека в местах принудительного содержания. Члены ОНК посещают участки, тюрьмы, колонии, психбольницы, оценивают условия содержания и следят за соблюдением прав задержанных и заключенных.

Росгвардия – Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. В число задач Росгвардии входит участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом и проч.

СИЗО – следственный изолятор; место содержания под стражей лиц, находящихся под следствием, судом, осужденных и ожидающих этапирования, а также ожидающих экстрадиции. Находится в подчинении ФСИН.

УДО – условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; прекращение исполнения уголовного наказания, связанное с достижением его целей, до отбытия назначенного осужденному срока наказания, с установлением для освобождаемого лица испытательного срока, в течение которого оно должно доказать своё исправление.

УКОН – управление МВД по контролю за оборотом наркотиков.

УГРО – уголовный розыск; специальная оперативная служба полиции, в задачу которой входит предупреждение, пресечение, раскрытие готовящихся либо совершённых преступлений общеуголовной направленности, розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда, и без вести пропавших граждан.

УК (РФ) – уголовный кодекс (Российской Федерации); основной источник уголовного права и единственный нормативный акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяний на территории Российской Федерации.

УПК (РФ) – уголовно-процессуальный кодекс (Российской Федерации); основной источник уголовно-процессуального права, устанавливающий и регулирующий основные общественные отношения в области уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации.

УФСИН – управление Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации по субъекту.

ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации; решает задачи в области обеспечения безопасности Российской Федерации, борьбы с терроризмом и проч. Наделена правом ведения предварительного следствия и дознания, оперативно-розыскной и разведывательной деятельности.

ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации.

ШИЗО – штрафной изолятор; отделение исправительного учреждения, где расположены камеры для нарушителей режима содержания, предполагающее существенное поражение в правах (например, запрет на свидания и телефонные разговоры, запрет хранения личных вещей и т.п.).

Введение

О государственном насилии

Можно сказать, что представления о допустимости насилия в обществе постепенно меняются, и посягательство на другого человека все чаще воспринимается как неприемлемое. Так, во многих странах можно наблюдать существенное снижение числа убийств за последние 30 лет¹. Государственного насилия (то есть насилия, которое осуществляют правоохранители, в том числе через посредников, или которое связано с условиями задержания и заключения) этот тренд на гуманизацию тоже касается. Власти ряда стран давно отказались от казней на городских площадях и перенесли исполнение наказаний в специальные учреждения. Государственная борьба с преступностью сместила акцент с необходимости внушать ужас перед жестоким телесным наказанием на идею неотвратимости ответственности, и к концу XX в. передовые мыслители считали, что в государственном насилии – по крайней мере, в телесном наказании – исчезла нужда².

Тем не менее данные показывают, что сегодня государства продолжают применять пытки. К примеру, [по данным Amnesty International](#), такая проблема существует в большинстве стран – членов ООН, подписавших Конвенцию против пыток. Оказывается, что пытка – это не пережиток средневековья, она существует до сих пор. Современным развитым государствам не чужды пытки, они используют их не случайно, а систематически, причем каждое вырабатывает собственный инструментарий³.

Сегодня новый виток публичной дискуссии о границах дозволенного в применении силы государством можно наблюдать во многих обществах. Применение силы к «маргиналам» – бунтующим, врагам, террористам, то есть отдаленным от нас «другим» – вызывает неоднозначные реакции и активные обсуждения. Так, в США тема пыток актуализировалась в связи с атакой 11 сентября 2001 г. и последовавшими за ней мерами⁴, а до этого дискуссии возникали, например, в моменты окончания колониальных режимов в середине XX в.⁵

В России дискуссия о проблемах государственного насилия и пыток тоже набирает обороты в общественном поле. Например, значительным новостным поводом для разговора послужила [публикация](#) в 2021 г. фото- и видеоматериалов о пытках в системе Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) Согласно опросу Левада-центра, 25% россиян попадали в конфликтные ситуации с сотрудниками

¹ Global Burden of Disease Collaborative Network. Global Burden of Disease Study 2019 (GBD 2019) Results. Seattle, United States: Institute for Health Metrics and Evaluation (IHME), 2021.

² Фуко, М. (2013). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ad Marginem.

³ Rejali, D. (2009). Torture and Democracy. Princeton: Princeton University Press.

⁴ Lisa Hajjar. Torture: A Sociology of Violence and Human Rights. Routledge, 2013

⁵ Brian Crozier, Torture: Cancer of Democracy. France and Algeria 1954–62, International Affairs, Volume 39, Issue 4, October 1963, Page 598, <https://doi.org/10.2307/2609237>; Ruth Blakeley, Sam Raphael, Accountability, denial and the future-proofing of British torture, International Affairs, Volume 96, Issue 3, May 2020, Pages 691–709, <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa017> ;

полицей, 10% сталкивались с пытками. Интерес к теме полиции и ФСИН также растет⁶.

До определенной степени российские власти реагируют на этот интерес. Так, прокуроры признают многие из вскрывающихся случаев пыток реальными и указывают на их массовость. Кроме того, в 2022 г., был принят законопроект об ужесточении наказания за пытки, совершенные представителями власти (хотя эксперты подвергают этот законопроект критике). В то же время трудно сказать, что проблема решается, по крайней мере, на системном уровне. К примеру, голоса людей, столкнувшихся с государственным насилием, и тех, кто готов обсуждать эту тему, слышны редко. Доступ ко многим СМИ, освещающим ситуацию в полиции и во ФСИН, затруднен⁷. На побывавших в тюрьме, подвергшихся насилию и пыткам, нередко смотрят с подозрением: «нет дыма без огня». Соответственно, их опыт – тоже не вполне адекватный для внешних наблюдателей источник: он носит на себе клеймо недоверия. В результате дискуссия о пытках в России оказывается фрагментированной, а потому менее эффективна как инструмент борьбы с ними.

Может показаться, что насилие и пытки в полиции и во ФСИН – это проблема исключительно правонарушителей, а также специалистов, которые занимаются непосредственно защитой пострадавших от силового произвола. Однако известно, что ситуации, связанные с любыми формами насилия, накладывают серьезный отпечаток не только непосредственно на пострадавшего, но и на его близких. Если мы говорим про насилие со стороны государства, то круг тех, кто прямо или косвенно страдает от пыток, расширяется до всех граждан⁸.

Представления о насилии в России

Исследования показывают несколько повышенную готовность россиян, в сравнении с жителями других стран (включая, например, бывшие страны советского блока), оправдывать насилие – особенно в тех случаях, когда насилие осуществляют люди, обладающие властью (государственная власть над населением, мужа над женой, родителей над детьми и т.п.)⁹. Почему мы позволяем больше? Исследовательница наказаний и пенитенциарной системы в России и СССР Джудит Пэллот предлагает¹⁰ в качестве одной из причин низкой чувствительности россиян к насилию со стороны представителей закона рассматривать коллективные убеждения, представления и идеи, укорененные в истории и культуре страны, например, это могут быть идеи

⁶ Например, по данным Google trends, с 2007 г. уверенно растет (по сравнению с нейтральными темами) число поисковых запросов «полиция»

⁷ Такие ресурсы как, например, «Медиазона», «ОВД-Инфо», «Мемориал» (все три внесены в перечень иностранных агентов, «Мемориал» также ликвидирован решением Верховного суда) и др.

⁸ Maček, I. (Ed.). (2014). Engaging Violence: Trauma, memory and representation (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203490778>

⁹ <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> Переменная «Justifiable: political violence».

¹⁰ Пэллот Дж. ГУЛАГ как горнило российской пенитенциарной системы XXI века // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст. Под ред. М. Дэвида-Фокса. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020.

внешнего врага, культа силы, негативное отношение к заключенным в целом и т.п. К таким убеждениям часто апеллируют политики и СМИ, поддерживая тем самым их популярность¹¹.

Популярность таких идей позволяет предположить, что в России насилие со стороны представителей власти по отношению к гражданам до какой-то степени воспринимается как норма. Нормативность государственного насилия делает его устойчивым к большинству тех инструментов, которыми обладает гражданское общество: публичная дискуссия не приводит к изменениям, а за работой гражданских контролирурующих институтов и частных инициатив («Русь сидящая», «Команда против пыток» и др.) следит относительно небольшое число людей.

В то же время верно и обратное. Причина, по которой эти коллективные убеждения столь влиятельны, может также заключаться в их постоянном применении на практике. На основании выводов этого исследования авторы делают вывод, что рутинное насилие со стороны государства в отношении своих граждан вызывает массовый страх перед государством. Если постоянные насилие и страх исчезнут, то и эти кажущиеся сегодня непоколебимыми представления могут измениться. Эмиль Дюркгейм¹² в начале XX в. сформулировал следующий принцип: верования и представления людей служат основанием действий в повседневной жизни, но если повседневная жизнь меняется, то верования и священные идеи тоже меняются. Если перевести эту мысль на язык разговора о пытках, получится, что когда насилие перестанет быть частью повседневности правоохранительных органов, которые являются важным элементом государства и политического режима, тогда большие идеи, стоящие за этим насилием, могут превратиться в пустые слова.

Таким образом, для того чтобы эффективно бороться против пыток, оказывается важным выяснить, что именно делает пытки частью повседневной жизни, и искать точки сопротивления такой рутинизации.

Что и зачем мы делали

С целью выявить механизмы рутинизации государственного насилия и способы борьбы с ним, мы попытались понять, как ситуация насилия выглядит в представлении людей. Для этого мы реконструировали содержание практик дозволенного и недозволенного отношения в представлении различных акторов, определили основания этих представлений, а также логики и способы рассуждения о пытках, насилии и недопустимом обращении. В этом смысле нам были особенно интересны системы аргументов, апеллирующие к морали, которыми пользуются люди, когда рассуждают о допустимых и недопустимых способах обращения с

¹¹ Иллюстрацией этого верования может служить один из множества анекдотов, рассказанных президентом России Владимиром Путиным: «Есть довольно современная шутка. К бывшему офицеру приходит сын, он сына спрашивает: "Тут кортик был, где он?" Тот отвечает: "Не ругайся, я поменял его на часы у мальчика с соседнего двора". "Покажи часы, да, хорошие. А если завтра придут бандиты к нам, убьют меня, мать, братьев твоих, сестру изнасилуют. А ты им что скажешь? Добрый вечер, московское время 12 часов 30 минут?" ссылка: <https://lenta.ru/news/2017/12/14/anekdot/> (дата обращения 01.09.2022)

¹²Социолог, сыгравший центральную роль в зарождении социологии как научной дисциплины, автор таких работ, как «Правила социологического метода» (1895), «Самоубийство» (1897) и «Элементарные формы религиозной жизни» (1912)

задержанными и заключенными. Являются ли они универсальными, или зависят от социальных характеристик задержанных и заключенных, от их взглядов, убеждений и действий?

При выборе собеседников мы руководствовались их близостью к ситуации государственного насилия. Кого мы видим внутри и вокруг такой ситуации? Во-первых, самого пострадавшего, столкнувшегося с системой, на которого направлено насилие и который не может свободно покинуть место задержания, заключения или отбывания наказания. Во-вторых, правоохранителя – сотрудника МВД РФ или ФСИН, который применяет психологическое воздействие или физическую силу. Чуть дальше от ядра насилия находятся непосредственные свидетели эпизода, а также, если пострадавший обратился за помощью, медик, адвокат, правозащитник, члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Примерно на той же ступени по удаленности от эпизода насилия находятся близкие и «группа поддержки» пострадавшего, которые могут не иметь прямого контакта с ситуацией, но вовлекаться эмоционально, тратить временной и другие ресурсы на помощь пострадавшему так, что их жизнь в итоге меняется. Еще чуть дальше находятся люди, так или иначе информированные об эпизоде насилия, но не имеющие с ним прямой связи. Сюда можно отнести знакомых, коллег, земляков, тех, кто более активно вовлечен в ситуацию, бюрократических служащих, работающих с делом, журналистов, исследователей. Наконец, максимально удаленной от эпизода насилия оказывается «широкая общественность» – люди, которые узнают о произошедшем из СМИ (или не узнают вовсе), для которых произошедшее оказывается как бы «на периферии» информационного поля.

Для того чтобы проанализировать спектр существующих в обществе представлений о дозволенном и недозволенном обращении, в рамках данного исследования мы определяем государственное насилие максимально широко. В это определение могут входить как пытки в определении ООН, так и «просто» меры дисциплины¹³. Ключевой для нас момент – соприкосновение человека с правоохранительной системой, которое само по себе может привести к насилию и пыткам. В связи с этим под государственным насилием мы понимаем любое проявление насилия – психологического или физического – правоохранителей по отношению к гражданам, будь то истязание, жестокое избиение или излишне долгое ожидание в отделении.

¹³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ад Маргинем, 2018

логику и принципы отбора данных (*sampling*) и отмечаем другие важные методологические решения. Далее мы описываем процесс получения доступа к полю, а также технику анализа собранных данных. В конце обсуждается этика полевой работы.

О понимающей социологии как основном методе

Для того чтобы ответить на вопрос о сути представлений о допустимом и недопустимом обращении с задержанными и заключенными, мы использовали методы понимающей социологии.

Обычно под социологией понимают проведение и статистический анализ опросов. Однако для поиска ответов на наши вопросы такой метод не предоставил бы нам описаний того, как действуют разные стороны насилия, и объяснений, почему пытки в России все еще применяются. Во-первых, опыт переживания насилия и пыток сложен и индивидуален – нет простой анкеты, по ответам на которую можно было бы описать подобный опыт во всех его событийных, материальных и эмоциональных составляющих. Во-вторых, анкетирование («как вы относитесь к пыткам?») подразумевает заранее известные исследователям варианты ответов, а в нашем случае не только неизвестно, какие точки зрения относительно применения пыток существуют, но и неясно, что представляют разные люди, когда слышат слово «пытка». Наконец, большинство людей не слишком часто размышляют о пытках, поэтому, если бы мы проводили опрос, многие предпочли бы ответить на вопрос о пытках «не знаю», но это не значит, что у них нет мнения на данный счет.

Понимающий подход к сбору и интерпретации данных – интервью, текстов медиа и обсуждений в соцсетях – позволяет ухватить собственные представления людей о допустимом и недопустимом, а также основы формирования этих представлений. Важно отметить, что этот подход не включает в себя количественного измерения распространенности тех или иных представлений в обществе. Тем не менее, поскольку представления каждого человека о каком-либо вопросе не существуют в вакууме, а основаны на его жизненном опыте и зависят от социального окружения и потребляемой информации, понимающая социология дает возможность пролить свет на то, как эти представления выглядят и соотносятся друг с другом в обществе в целом – не за счет количества, но за счет глубины собираемых данных.

Основным инструментом понимающей социологии является глубинное интервью¹⁴, которое представляет собой продолжительный разговор, в нашем случае – с непосредственными участниками ситуаций применения пыток или тех, кто находится близко к пыткам в связи со своей работой (как с задержанными и заключенными и их близкими, так и с сотрудниками, и другими специалистами в этой сфере). Интервью дало нам возможность понять то, как одни и те же ситуации проживаются и воспринимаются различными участниками (заключенными и задержанными, сотрудниками правоохранительных органов). При этом понимающий подход позволил нам проанализировать события с точки зрения того, какое значение и интерпретации им придают сами участники ситуаций. Вопросы к такому интервью

¹⁴ Vagle, Mark D. (2014) *Crafting Phenomenological Research*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press.

готовятся исследователями заранее, но сама беседа проходит естественно – у собеседников есть возможность установить доверие и человеческий контакт, подробнее остановиться на более интересной теме, отойти в сторону, пропустить ненужные вопросы.

Фокус-группы с так называемыми обывателями, то есть с людьми, которые прежде лично не сталкивались с пытками, – это групповые дискуссии ранее незнакомых между собой людей. С помощью фокус-групп мы собирали обыденные восприятия, то есть представления людей, потенциально далеких¹⁵ от ситуаций насилия в отделениях полиции и местах отбывания наказания. Взаимодействуя, участники выражают свои идеи и сравнивают их с точками зрения других участников, в результате чего возможно производство новых идей¹⁶. Таким образом, в ходе групповой дискуссии появляются интересующие нас данные. Следуя логике столкновения людей с разным опытом в рамках общей дискуссии, мы также провели одну фокус-групповую дискуссию с юристами и правозащитниками, которые, несмотря на схожие специальности, занимаются различными аспектами сопровождения своих доверителей и работают в разных регионах РФ.

Большинство сотрудников правоохранительных органов, с которыми нам удалось пообщаться, на момент проведения интервью уже не работали в МВД или ФСИН: одни вышли на пенсию, другие сменили профессию. Для того чтобы снизить влияние этого факта на собираемые данные, а также чтобы в целом лучше понять довольно закрытый мир повседневности работников правоохранительной системы, мы изучили несколько интернет-форумов, групп в социальных сетях и открытых чатов, в которых состоят и общаются нынешние и бывшие сотрудники. Мы пообщались с ними в формате интернет-переписки и проанализировали наиболее яркие посты-сообщения на этих ресурсах. Изучение онлайн-сообществ сотрудников МВД и ФСИН, а также практик внутри них опирается на традицию цифровой этнографии – исследовательского направления, которое показывает, каким образом техники, использующиеся для анализа интервью и офлайн-наблюдения, могут быть применены на происходящее в онлайн-среде¹⁷.

С кем мы говорили и как мы искали информантов¹⁸

Всего в ходе исследования наша команда взяла 71 интервью и провела 9 фокус-групповых дискуссий, в каждой из которых участвовало от 3 до 5 респондентов. Количество проведенных интервью и дискуссий представлено в следующей таблице.

¹⁵ В основном, участники фокус-групп действительно не имели опыта прямого столкновения с государственным насилием, однако было и несколько исключений.

¹⁶ Morgan, David, L. (2012) 'Focus groups and social interaction', in Jaber F. Gubrium and James A. Holstein (eds.), *Handbook of Interview Research* (2nd edn). Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 161–76.

¹⁷ Caliandro, A. (2018). Digital methods for ethnography: Analytical concepts for ethnographers exploring social media environments. *Journal of Contemporary Ethnography*, 47(5), 551-578.

¹⁸ Более подробно см. Схема сбора данных в Приложении.

Группа	Количество интервью	Количество фокус-групп
Пострадавшие от насилия (обратившиеся к правозащитникам), люди с опытом задержания, заключения и их близкие	33	–
Сотрудники МВД, ФСИН	16	–
Эксперты	22	1 (4 участника)
Обыватели	–	8 (3–5 участников в каждой)

В конечном счете нам удалось побеседовать с 33 столкнувшимися с правоохранительной системой и их родственниками, 16 сотрудниками МВД и ФСИН, 26 экспертами и 34 обывателями. Респонденты проживают в 25 регионах России, один из участников фокус-группы – за рубежом.

Поиск респондентов, пострадавших от насилия со стороны правоохранительной системы, осуществлялся при содействии Команды против пыток. Среди них есть как столкнувшиеся с правоохранительной системой однократно (например, единственное задержание или заключение), так и сталкивавшиеся несколько раз. Двое респондентов среди группы экспертов тоже имеют опыт пребывания в СИЗО (к которому мы в числе прочих тем обращались в ходе интервью). Мы беседовали с респондентами о них самих, об их семье, о столкновении с правоохранительной системой в целом, об опыте насилия и пыток со стороны правоохранителей, а также о том, что происходило после.

Сотрудники правоохранительных органов и органов исполнения наказания были найдены через личные связи, благодаря приглашению принять участие в исследовании, размещенному в тематических интернет-сообществах, на форумах и в социальных сетях. Нередко наши собеседники имели опыт работы в разных органах внутри правоохранительной системы. Интервью с ними касались их профессиональной траектории, повседневных рабочих задач, отношения к профессии, ситуаций из рабочей практики, в частности отношения к задержанным и заключенным и их опыта взаимодействия с ними. Кроме того, во время беседы с сотрудниками обсуждались различные кейсы¹⁹ – случаи того или иного обращения с задержанными и/или заключенными, для того чтобы определить их восприятие одних и тех же ситуаций (описанных одинаково). Те же самые кейсы обсуждались совместно с экспертами и с обычными людьми на фокус-группах.

Эксперты, а именно адвокаты, правозащитники, медики, психологи и даже священники, работающие в приходах ФСИН, набирались посредством личных социальных контактов исследовательской команды, а также с помощью

¹⁹ Описание кейсов и то, как они составлялись см. Приложение, Исследовательский инструментарий.

правозащитных организаций и взаимных рекомендаций экспертов своих коллег, которые могли бы поучаствовать в исследовании²⁰. Интервью с экспертами были посвящены их карьерной траектории и сфере экспертизы, специфике работы в целом и работе с пострадавшими от пыток и насилия в России. Кроме этого, и на интервью, и на групповой дискуссии с экспертами обсуждались упомянутые выше кейсы – конкретные случаи применения насилия, отобранные исследовательской командой.

Обыватели для участия в групповых дискуссиях набирались с помощью размещения объявлений на сайтах поиска исполнителей для выполнения той или иной работы. Все потенциальные участники фокус-групповых дискуссий заполняли анкету, данные которой использовались в процессе отбора респондентов и формирования групп. Участники набирались таким образом, чтобы сформировать группы, разнообразные по полу, возрасту, месту проживания и сфере занятости. Все участники перед встречей ознакомились с темой дискуссии и письменно подтверждали свою готовность общаться на тему взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов.

В ходе беседы участники обменивались опытом и отношением к правоохранительной системе, знакомились с кейсами и обсуждали допустимые и недопустимые способы обращения с задержанными и заключенными, а также возможности потенциального реформирования этой сферы. За участие в дискуссии выплачивалась небольшая компенсация.

Интервью и групповые дискуссии проводились в период с мая по июль 2022 г. Для проведения интервью исследователи использовали телефон, *Zoom*, *WhatsApp* и *Telegram*. 69 из 71 интервью и все фокус-группы были записаны на аудио, а затем расшифрованы. Получившиеся транскрипты были закодированы²¹ и проанализированы, причем разработка кодов и интерпретация осуществлялась коллективно и в несколько итераций²².

Цифровая этнография

В рамках интернет-этнографии и анализа медиа мы изучили все найденные нами через поисковые сервисы *Google* и «Яндекс» материалы СМИ, связанные со [случаем пыток](#) в ОВД «Братеево», а также записи участников четырех онлайн-сообществ («Подслушано ФСИН России», «Форум сотрудников МВД», отзывы на «Яндекс.Картах», форум «ЯПлакаль» по связанным с полицией темам) по состоянию на июль 2022 г. Кроме того, исследователи вступали в активное взаимодействие с участниками интернет-сообществ посредством личных сообщений, участия в чатах, общения на форуме и т.д. Наиболее информативные с исследовательской точки зрения

²⁰ Такой метод рекрутинга, когда у одних участников исследования просят помощи в поиске новых участников, называется методом снежного кома. Этот метод особенно эффективен для поиска информантов в малых, закрытых сообществах.

²¹ Кодирование – это процедура анализа смысловых частей неструктурированных данных интервью, в целях последующего объединения в группы по смыслу, сравнения, обобщения и интерпретации сказанного.

²² Подробную информацию о методологии сбора и анализа данных см. в Приложении.

сообщения и публикации были подвержены той же процедуре кодирования и анализа, что и данные интервью.

Этика

Мы придаем большое значение исследовательской этике, а именно принципам, важным для качественных методов: непричинение вреда, уважение информантов и их частной жизни, точность и непредвзятость²³. Все те, с кем нам удалось побеседовать, давали устное информированное согласие на участие в исследовании и презентацию его результатов в обезличенном виде, а также имели возможность отозвать свое согласие на любом этапе нашей работы вплоть до публикации её итогов.

Для того чтобы соблюдать принцип конфиденциальности, вместо реальных имен респондентов нами были использованы псевдонимы²⁴, а собираемые данные анонимизировались таким образом, чтобы невозможно было идентифицировать личности участников. До начала интервью все участники были уведомлены, что они могут не отвечать на некомфортные для них вопросы, а также в любой момент прервать или закончить интервью.

Большое внимание исследовательской командой было уделено вопросам рефлексивности, непредвзятости и точности при сборе, интерпретации и изложении материала. Хотя исследование выполнялось при поддержке Команды против пыток, организация не влияла ни на ход исследования, ни на полученный результат с точки зрения содержания, даже если правозащитники КПП не соглашались с некоторыми изложенными выводами. Другими словами, при проведении всего исследования мы обладали полной исследовательской свободой.

Как читать этот текст

Перед вами текст исследования, проведенного летом 2022 г. Впереди несколько десятков страниц. Кратко представим основные части.

Во **введении** мы говорили о том, что мы понимаем под государственным насилием, и рассматриваем мировой и российский контекст, в котором оно происходит. Здесь же мы рассказывали об использованных методах исследования, о данных, на основании которых мы делали выводы, и о том, как именно мы их анализировали.

Основная часть – **«Результаты исследования»** – поделена на пять глав. Все главы содержат анализ, цитаты из проведенных интервью и материалы, полученные в ходе онлайн-наблюдений. В тексте также представлен «сквозной сюжет» – рассказ

²³ Traianou, A. (2014). The Centrality of Ethics in Qualitative Research, in Leavy, P. (ed.), The Oxford Handbook of Qualitative Research. Oxford: Oxford university press, pp. 62–81.

²⁴ Кроме случаев, когда респондент отдельно пожелал сохранить свое имя неизменным

Платона²⁵, одного из наших собеседников, пережившего опыт пыток. Отрывки его истории, выделенные во врезки, иллюстрируют различные аспекты, которые рассматриваются в той или иной главе.

Первая глава – «Путь человека в правоохранительной системе» – рассказывает о том, какие обстоятельства обычно приводят к ситуации, когда к человеку применяют насилие и пытки, и как он с ними справляется.

В этой главе мы рассказываем, на каких этапах контакта с правоохранительной системой и по каким поводам применяются насилие и пытки и что может происходить с человеком в эти моменты. Здесь же мы приводим анализ личных характеристик, повышающих риск того, что к человеку будет применено насилие со стороны правоохранительной системы. К таким характеристикам – мы называем их уязвимостями – относится возраст, национальность, предыдущий опыт столкновения с полицией и многое другое. Также мы выделяем особые жизненные ситуации («невидимые проблемы»), которые делают взаимодействие с правоохранительной системой особенно тяжелым.

Вторая глава – «Соседи по тотальному институту» – рассказывает о том, каким образом правоохранители и те, кто оказался под их контролем, сосуществуют в одном пространстве, здесь мы опираемся на понятие тотального института, то есть закрытой от взаимодействия с внешним миром организации с четким распределением ролей и распорядком. Мы показываем, как эта общая рамка, разграничивая роли надзирателей (правоохранителей) и поднадзорных (заклученных, иногда также задержанных), формирует взаимодействие между теми, кто проживает внутри нее, и к чему это приводит на практике. Тотальный институт и его суровые условия становятся общими и для правоохранителей, и для заключенных, оставляя свой след – нередко навсегда – на тех, и на других. Мы демонстрируем, что шансы быть вовлеченным в функционирование тотального института правоохранительной системы в России в любой роли выше у людей сравнительно низкого социально-экономического статуса, а потому культура материальной нехватки, усиливающаяся в стенах такого учреждения, является не только источником проблем, но и возможной основой для взаимодействия, взаимопонимания. Общие условия и схожие черты делают правоохранителей и лишенных свободы не только оппонентами, но и соседями по застенку, внося дополнительные смыслы в их отношения.

В третьей главе, «Агентность», описано, что помогает, а что мешает действовать человеку, столкнувшемуся с правоохранительной системой. Для этого мы пользуемся понятием агентности, которое определяем как возможность и готовность человека активно участвовать в своей судьбе. В рамках данного исследования мы считаем, что как источники агентности, так и препятствия к ее возникновению у человека могут быть как внутренними, так и внешними. В частности, мы рассматриваем, как меняется агентность в зависимости от финансового положения и наличия сетей поддержки, как работают обращение за помощью, вера в свою невиновность, угрозы, бюрократические проволочки, последствия «маршрутизации» человека в

²⁵ Здесь и далее используются не реальные имена собеседников, а псевдонимы.

менее и более благоприятную среду внутри пенитенциарной системы и другие факторы.

В четвертой главе, [«Продолжение следует»](#), описаны последствия государственного насилия. Мы показываем, как текущее состояние российской правоохранительной системы усиливает неравенство, существующее в обществе. Когда человек проходит через правоохранительную систему и тем более получает опыт государственного насилия, все, соприкасающееся с ним, слабеет: ухудшаются его здоровье и материальное положение, страдают его близкие и защитники. Меняются представления о себе и моральных ориентирах у всех непосредственных и опосредованных участников ситуации насилия и пыток, включая наблюдателей. Здесь закладывается спираль вовлечения в насилие, поскольку уязвимости (описанные в первой главе) усиливаются и повышают шанс повторения.

Последняя глава, которая называется [«Дозволенное и недозволенное: как об этом говорят»](#), описывает спектр представлений людей о насилии и пытках, отношение к ним, а также аргументы о справедливости или несправедливости происходящего. Мы выделяем несколько систем аргументов, которые встречаются в высказываниях, оправдывающих или осуждающих насилие. Например, одна из таких систем – «мир психического здоровья» – объясняет поступки правоохранителей и задержанных недостатком контроля и самообладания. Другой пример – «мир легализма», который для вынесения суждений о справедливости насилия обращается к существующим законам. Иллюстрируя различие этих миров, мы показываем, что зона наибольшего согласия сегодня – патриархальный мир, апеллирующий к необходимости обеспечить безопасность гражданам. В завершении мы фиксируем запрос на реальное применение аргументов из области этики, межлического общения на равных в ситуации столкновения с насилием и выработки суждения о нем.

В Приложении можно ознакомиться с [«технической» частью](#) – программой, гайдами интервью и другими подробностями исследовательской составляющей проекта.

Результаты исследования

Это было в День полиции. Утром в семь утра я отвез жену в больницу, сына отвез в школу, потом домой зашел, кофе попил. И часиков в девять или полдесятого я выхожу, и меня прямо во дворе вяжут.

Я во дворе-то крикнул «помогите», что-то еще. Спрашиваю у них: «Кто такие? Зачем?». Они все в гражданском, ничего не показали. Они говорят: «Просто человек с тобой хочет поговорить». И наручники вытаскивают. Я не такой уж боязливый, я говорю: «Поговорить? Так вези его сюда, давай поговорим». За своими ушами-то я ничего не чувствую, знаю, что за мной ничего нету. Они мне наручники надевают. Я давай брыкаться. Смотрю, там еще трое или четверо подошли.

Пакет на голову, наручники. И увозят. Запихали в машину и увезли. И катали меня минут 40 по городу. Я не понимал, куда я еду, чего они творят, куда меня везут. Страшновато было.

Минут через тридцать я подумал: «Меня за город вывозят, что ли? Что творится?». Непонятно было. Ну, я просто взял резко и пакет вырвал. Смотрю – они меня катают по городу. И привозят к какому-то дому в частном секторе. Поднимают на второй этаж в дом, кидают на бетонные полы. Когда уже в конце с меня пакет сняли, я понял, что это был опорный пункт полиции. Где участковые сидят.

А сначала я был в таком состоянии, что ничего не понимал. Меня заводят, ставят на колени, потом прижимают коленями по спине и вяжут прямо буквой «Л». Ничего не комментируют и начинают меня дубасить. Ногами, и дубинкой прилетало, потому что у меня почки отбиты были, я прямо ссал кровью, двое суток у меня прямо кровь шла. Ну и электрошокером.

*А от него-то ожог остается, оказывается. У меня на одной ноге от электрошокера 60 точек было, это 30 ударов. На другой ноге то же самое. Весь просто... Через брюки меня, через джинсы били, они не видели, но и я сам тоже не видел. Когда в больнице уже мне штаны сняли, я чуть не офигел, я весь обгоревший был: руки, ладони там, пятки, шея, голова – все. У меня два отростка позвонка сломано было, тазовая кость повреждена, ноги опухли, руки, опухли – ужас что было, п***ец что было.*

А вот это помещение, оно вам вообще запомнилось? Что это было за помещение?

Это кабинет участкового. Со столами, с портретом Путина, Колокольцева. С бирочками на тумбочках: инвентарный номер – все это. Я все запомнил, где что стоит: где шкаф, где телевизор, где телефон. Я даже запомнил, там сейф стоял с двумя замками, двухуровневый сейф, и у одного личинка торчала, сантиметра на три – я это запомнил. Потом, когда все закончилось уже и когда Следственный комитет приезжал, мне говорили: «Поехали, покажешь, где все было». Я говорю:

«Зачем ехать, я вам нарисую». И я им так нарисовал, что они не стали меня туда везти уже.

Это фрагмент истории, которая случилась с 55-летним Платоном, рассказанной его собственными словами, – мы только заменили его имя и немного отредактировали ее для удобства читателя.

Ни один опыт пыток не похож на другой, и все же мы думаем, что рассказ Платона может дать голос другим людям, пережившим пытки или преследование правоохранителей, которое они считали несправедливым. Мы будем приводить отрывки его интервью и далее по тексту, а затем рассказывать, как она, на наш взгляд, соотносится с ситуацией в целом.

Путь человека в правоохранительной системе

Согласно опыту наших информантов, применение насилия и пыток по отношению к задержанным чаще всего не случайно, а обыденно и интегрировано в рабочую повседневность сотрудников. Как правило, случаи насилия, которые стали нам известны, не являлись чем-то исключительным в тех отделениях полиции, где они происходили, – пытки и насилие там были поставлены на поток и случались регулярно, что могло быть известно местным жителям.

«Когда мы начали работать, с 2017 года, у нас пошли обращения из одного города. Потом у нас были обращения из другого города на сотрудников уголовного розыска района. Потом у нас были жалобы из станицы, там тоже мы получили 7-8 обращений граждан, они жаловались на одних и тех же сотрудников уголовного розыска. То, что они применяют к ним пытки».

Роман, правозащитник

Наши собеседники нередко отмечали, что при применении пытки полицейские действовали слаженно и четко, у них было своего рода распределение обязанностей, сотрудники не мешкали и не обсуждали происходящее между собой. Из такой отточенности командной работы можно заключить, что они не в первый раз поступают подобным образом. Иногда наши собеседники становились свидетелями того, как одни сотрудники учат пыткам других.

«Один из них зашел и говорит: «вы его не так пытаете, аппарат не так крутите. Дайте, я вам покажу, как надо». И вот я ждал момента, когда аппарат начинал крутиться, и там звук типа ограничения. Такой звон, после этого звона электричество переставало поступать. Я ждал этого момента и этого звона. Вот так издевались надо мной. «Ты, – говорит, – неправильно крутишь, дай, я побыстрее буду крутить».

Ильдар, имеет опыт задержания

Другим косвенным свидетельством того, что в некоторых отделениях пытки воспринимаются как норма, была спокойная реакция на происходящее у сотрудников полиции, не участвовавших в пытках. Так, в ряде случаев физическое и

эмоциональное насилие осуществлялось при их молчаливом согласии: крики, стоны и призывы о помощи людей, которых часами избивают, бьют электрошокером и обливают кипятком, не становились поводом для того, чтобы другие сотрудники отделения пришли разобраться, что происходит.

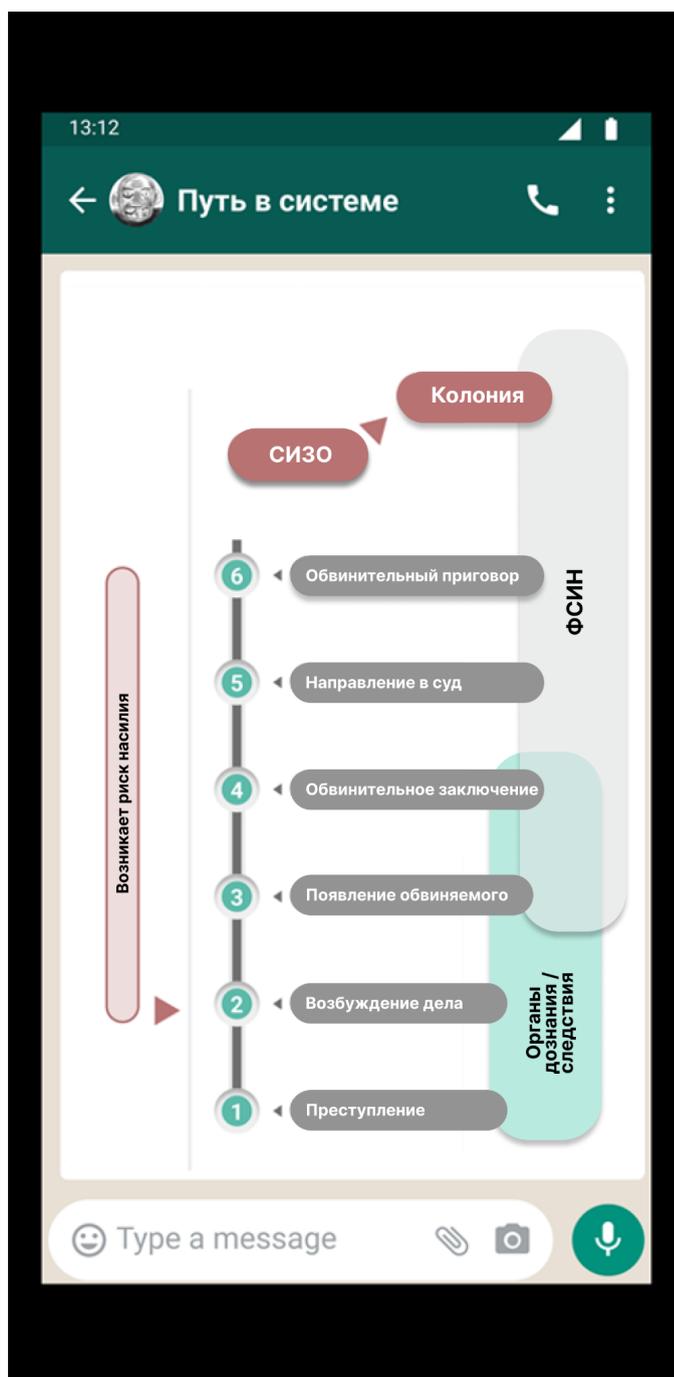
«Он слышал мои крики, как я кричал, просил этого не делать, меня не бить, не лить кипятком и так далее, и просил людей, которые мимо ходили, мне помочь, а все... Но я одни ноги видел просто, я фиг его знает, кто там был. Но все равно, всем было все равно».

Даниил, имеет опыт заключения

Исходя из вышесказанного можно предположить, что насилие и пытки как метод работы могут быть нормализованы в масштабе одного участка, муниципального образования или даже региона. Это, однако, не означает, что подобные нарушения повсеместны, или они всегда происходят по единому образцу или общим правилам.

Разговор о том, за счет чего пытки сохраняются в российском обществе, стоит начать с описания того, к кому, кем и как они применяются, а также вопроса о том, насколько они систематичны. В данной главе мы рассматриваем этот контекст, анализируя различные поводы и сценарии применения пыток.

Для этого напомним основные этапы пути человека в правоохранительной системе.

Траектория человека в правоохранительной системе

Обычно этот путь начинается с задержания и доставления в отделение полиции. В это время человеку впервые угрожает применение физического и эмоционального насилия и пыток.

В отделении полицейские составляют протокол о задержании и правонарушении. Если речь идет об административном правонарушении, то после подписания протокола задержанного обычно отпускают, но могут и задержать до суда. В случае потенциальной уголовной ответственности решается вопрос о мере пресечения. На время этого решения при достаточной тяжести статьи человека могут поместить в изолятор временного содержания (ИВС).

В течение 48 часов суд обычно выносит²⁶ решение об избрании меры пресечения: могут быть подписка о невыезде, залог, домашний арест, запрет определенных действий или заключение под стражу. В последнем случае человек автоматически приобретает статус подозреваемого или обвиняемого и, отправляясь в СИЗО, переходит под юрисдикцию Федеральной службы исполнения наказаний.

Во всех случаях, вне зависимости от меры пресечения, в это время начинают разворачиваться ключевые процессы уголовного судопроизводства: предъявление обвинений, очные ставки, дача показаний и т.д. На протяжении всех этих процедур человек имеет право на защитника – по выбору или по назначению. Адвокат – важная фигура в жизни обвиняемого, но его помощи не всегда оказывается достаточно. Формально в обязанности адвоката входит как юридическое отстаивание интересов доверителя на досудебном этапе, в самом суде и на этапе оспаривания меры пресечения, так и его защита в ситуациях нарушения установленных условий содержания, применения противоправного насилия и отказа в контактах с родственниками. Однако на практике, когда доверитель находится в заключении, коммуникация с адвокатом бывает затруднена, а оказание им помощи принимает факультативный характер и зависит от мотивации самого защитника. Часто адвокаты сознательно избегают контактов с родственниками заключенных по всем вопросам, которые напрямую не связаны с юридическими процедурами уголовного производства. Зачастую адвокат также остается «внешним наблюдателем» в отношении условий, в которых пребывает заключенный, а также норм и правил, регулирующих его жизнь в них²⁷.

Если суд выносит решение о виновности, человек получает статус осужденного. Он может инициировать апелляционный процесс после объявления приговора, и тогда в апелляциях также участвует адвокат. В случае обвинительного приговора с реальным заключением контакт человека со ФСИН либо начинается – если ранее его не брали под стражу, – либо продолжается: его либо оставляют в СИЗО, либо этапируют в исправительную колонию. В зависимости от условий содержания такие учреждения делятся на колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого режимов. Для несовершеннолетних осужденных функционируют ещё и воспитательные колонии. Внутри этих институций контакты осужденного с адвокатом и близкими, как правило, прекращаются, и он остается один на один с системой ФСИН.

Отдельно следует сказать о людях, которые принимают решение писать заявления и подавать жалобы в Следственный комитет, Прокуратуру или МВД по факту применения к ним насилия со стороны представителей закона. Правоохранители обязаны реагировать на все заявления и инициировать проверки. По результатам против должностных лиц, применивших пытки, может быть возбуждено уголовное дело. Если дело доходит до суда, они могут быть привлечены к ответственности по статье о превышении должностных полномочий: им может быть запрещено занимать в дальнейшем определенные посты или может быть назначен срок лишения свободы до 10 лет. Однако, как рассказали участники нашего исследования,

²⁶ Titaev, K. D. (2016). Pretrial detention in Russian criminal courts: a statistical analysis. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 41(3), 145–161.

²⁷ Бочаров Т., Моисеева Е. (2017). Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге

часто подобные дела не доходят до суда, а отправляются на дополнительные проверки и не получают хода. Для того чтобы защитить человека на время рассмотрения уголовного дела, возбужденного по его жалобе, от угроз и давления, государство может предложить пострадавшему участие в программе госзащиты.

В случае, если пострадавшему от полицейского насилия всё же удастся дойти до осуждения виновных, он может подать иск о компенсации морального или материального ущерба. Однако даже в случае его удовлетворения размер компенсаций, как показывает практика, небольшой. Ранее пострадавшие от пыток могли обращаться в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) – этот механизм позволял добиваться справедливости и последующего пересмотра решений по их делам в России, а также получать от государства достойную материальную компенсацию. Однако Россия прекратила исполнять решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года.²⁸

Согласно данным нашего исследования, риск столкновения с пытками есть на протяжении всего контакта с правоохранителями, к какому силовому органу они бы ни относились: в момент задержания, в отделении полиции, в ИВС, в СИЗО и в колонии (даже процесс этапирования в колонию часто можно признать пыткой²⁹), нередко наши собеседники и их близкие подвергались угрозам при подаче жалобы. Однако вероятность, сценарии и способы применения насилия различаются от этапа к этапу и в зависимости от характеристик самого человека, столкнувшегося с системой. Далее мы описываем эти различия.

Делайте, что говорят: поводы для пыток

История Платона (продолжение)

И вот они просто часа два-три молча (молча!) избивают и все. А потом вдруг говорят: «Ну что, тогда рассказывай, как ты похищал женщину». Я говорю: «Какую женщину?». Они говорят: «Как телефон украл, как машину угонял». Я говорю: «Подождите, вы путаете что-то». Нет, у нас, говорят, все доказательства есть, все.

А я все еще в пакете был. Но тут я просто по голосу узнал этого начальника уголовного розыска. Я говорю: «Дамир, это же ты». Он говорит: «Давай, рассказывай».

²⁸ Иванова А. Выход России из Совета Европы: к чему готовиться россиянам / Политика. Россия / DW. – 2022. – URL:

<https://www.dw.com/ru/vyход-rf-iz-soveta-evropy-k-chemu-gotovitsja-rossijanam/a-61100779> (дата обращения 29.08.2022)

²⁹ Pallot J. Russia's Penal Peripheries: Space, Place, and Penalty in Soviet and Post-Soviet Russia // Transactions of the Institute of British Geographers. 2005. Vol. 30. № 1. P. 98-112.; Pallot J. Piacentini L. Geography, Gender, and Punishment. The Experience of Women in Carceral Russia. Oxford UP, 2012.

Часа через два-три, наверное, я просто уже начал огрызаться. Ты, говорю, трус. Ну всякими словами его. Они сидят, они водку пьют. День полиции отмечают там же. Перепили все на свете уже, наверное. И вообще себя не контролировали. Ничем, никак уже.

Ну, я этому начальнику из УГРО там и крикнул: «Ты трус просто, привязанного бьешь. Что, поговорить тебе слабо?». Он такой: «Я ничего не боюсь, на, смотри». И взял с меня пакет сорвал. Я смотрю: там вся толпа этих полицейских.

И они мне объясняют: «Ты похитил женщину». Я говорю: «Когда? Да, слышал такой случай, но меня там нету». Они говорят: «Ты, говорят, все равно нам подпишешь». Я говорю: «Этого не было». «Мы, – говорит, – знаем, но надо сделать так». Я говорю: «Нет». Ну и давай опять, по новой. И вот до шести вечера там уже. Терял уже сознание несколько раз, кровь идет. Я весь перебитый, но они не получили ничего.

В конце концов менты, перепитые вконец, и говорят: «Давай тогда, найди мне человека, кто может это взять на себя». Я говорю: «Сейчас, без проблем. Вызову человека». И они на это подписываются. Я звоню. У меня друг приезжает, он видит, в каком я состоянии. «Это, – говорит, – что такое?» Я говорю так и так. Я ему моргнул, конечно. «Давай, – говорю, – сделай так, как они хотят». Он говорит: «Все, все, без проблем, сейчас сделаю». Те аж поверили.

Поверили. Его отпускают. Но он, конечно, выходит, и весь город поднял там, кого знал, друзей моих. Те все приехали туда, чтобы меня уже ночью не вывезли куда-нибудь, не выкинули. И так простояли до утра. А этим деваться уже утром некуда. Жена уже знает, она звонила на горячую линию МВД, всех подняла. Пришлось меня отпустить уже, и ребята мне прямо со двора сразу вызвали скорую. И меня увезли на скорой.

Применение насилия может объясняться разными мотивами – желанием правоохранителя получить показания, деньги или другие ресурсы пострадавшего, личной неприязнью. Применение пыток при задержании, в полиции и местах отбывания наказания структурно схоже, хотя можно выделить и специфические различия. Ниже описаны различные случаи насилия на разных этапах взаимодействия с правоохранительной системой.

Для получения показаний

Во многих случаях, о которых нам рассказывали пострадавшие от насилия со стороны сотрудников органов, пытки применялись для того, чтобы улучшить показатели обнаруженных и раскрытых преступлений (так называемые “палки”³⁰). Для

³⁰ Сленговое название палочной системы (формально – АППГ, аналогичный показатель прошлого года) – формальной системы оценки эффективности работы правоохранительных органов, широко применяемой как минимум в МВД. Чем выше различные показатели по сравнению с предыдущим отчетным периодом (например, раскрываемости по отдельным статьям), тем, как считается в органах, лучше. Падение показателей грозит различными формами формальных и неформальных

этого правоохранители были готовы фабриковать дела или назначать «преступников» среди людей, не связанных с обстоятельствами дела. В этом случае они использовали пытки, чтобы получить признательные показания, согласие подписывать необходимые документы или на переквалификацию статьи на более тяжелую, или чтобы вынудить человека содействовать, например, путем оговора других людей. Когда пытки применяют в отделениях полиции, с их помощью производят такие необходимые для фиксации «преступления» и его «раскрытия» манипуляции и процедуры, как подписание протоколов, снятие отпечатков пальцев, проверку содержимого мобильного телефона, содействие сотрудникам в фальсификации доказательств – при этом в суде подобные действия правоохранителей доказать с великой долей вероятности будет невозможно.

Ниже мы приводим историю Даниила, которая произошла в отделении полиции. Сотрудники пытались его, чтобы получить признательные показания, а когда это не увенчалось успехом, стали угрожать пытками его пасынку. В результате Даниил взял на себя вину за преступление, которого не совершал.

«Только поднялись на этаж, меня сразу в лоб кулаком. И начали: «Давай, говори, как и что было, рассказывай». Я начал все так говорить, как есть. Говорят: «Ты врешь». Начали меня бить. По бокам, по рукам, потом в кабинет меня – лицом вниз на пол ложись, и начали дверью бить по голове, открывать дверь и бить. Икры отбивать, бедра отбивать и прыгать на них, скакать. А там под сто килограммов мужик. Потом один сказал: «Тащи кипяток». Начали лить на затылок, на щиколотки. Потом подняли меня, поставили около шкафа, снова начали бить по бокам. Один сказал: «Ты что думаешь, мы зря тебя сюда привезли, что ли? Да мы тебя сейчас вывезем и убьем к черту». Потом снова вывели в коридор, снова на пол, снова начали прыгать по бедрам. Люди ходили, всем пофигу было. Как будто это нормально, что бьют человека в коридоре прямо. Снова кипяток, снова полили на ноги, потом другой позвал пасынка. В другой кабинет. И он уже там ему сказал: «Сейчас если он не признается, то ты следующий». Сыну погибшей. Он говорит: «Я вообще ничего не делал, ничего не знаю. Никто ничего не делал». Ему говорят: «Ну, ты следующий будешь». Я когда это узнал, мне пришлось взять на себя то, чего я не делал. Чтобы его не били. И тогда они только успокоились. Потом мы сразу поехали к следователю, я все это повторил, пасынка отпустили домой, он был напуган, его трясло всего, у меня то же самое».

Даниил, имеет опыт заключения

В том, что получение признательных показаний является одной из наиболее распространенных мотиваций пыток, сходятся не только пострадавшие, но и эксперты, и сами сотрудники, объясняющие логику действий своих коллег.

«Раскрываемость для них [сотрудников] тоже очень важна. Иначе бы они не пытали. Если бы они делали только то, что им сказал следователь, они бы не пытали. Он сказал «отработать на причастность», они побеседовали. Потом

взысканий. Наличие палочной системы широко критикуется в правозащитных и научных кругах.

сказали: «Ну мы побеседовали, все говорят, что никто не крал, мы свою работу сделали». Если бы был такой формальный подход, то тогда и пыток не было бы. Потому что, видимо, не было бы ответственности на оперативниках. Но, видимо, она есть, и какая-то мотивация, наверное, отрицательная. Скорее всего. «Ребята, либо раскрывайте, либо не знаю...»

Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

«Кто-то превышает полномочия, пытаясь свою работу выполнить. Бывает, задерживаешь... задерживают человека и случайно причиняют... вред здоровью. Это одно. А бывает, полномочия превышают, когда показания выбивают принудительно. А это уже... желание, опять же отчетность, раскрыть преступление по-быстрому, не особо напрягаясь – не бегать, не искать преступника настоящего, а поймал какого-то дурачка, побил его, он сознался, взял на себя и... Как формулировка-то? «Ложно воспринятые интересы службы» – вот так это формулируется в судебных документах. <...> Никто ведь не ходит, не рассказывает: «Вот я сегодня показания выбил». Это не афишируется. Все понимают, что это незаконно.

Николай, бывший сотрудник МВД

– Есть ли какая-то возможность по косвенным признакам предположить, что в этом деле, наверное, есть пытки?

– Да, если в деле есть признательные показания, например, то большие шансы. Можно спорить на деньги, что не просто так там появились признательные показания. Вообще, признательные показания – хороший критерий. Если человек принадлежит к какой-то уязвимой группе и сотрудники полиции понимают, что у него не будет денег на адвоката, он не знает, как функционирует система, не сможет попытаться организовать себе медицинское освидетельствование, то они чувствуют себя более безнаказанно».

Василиса, бывший член ОНК

Пытки в целях получения показаний могут осуществляться и тогда, когда человек уже находится под следствием и помещен в СИЗО, где имеет неопределенный статус: из-за отсутствия приговора и вина не доказана, и подозрения не сняты. Это делает человека в СИЗО уязвимым перед угрозой пытки – будь то ради получения показаний или добычи доказательств – ведь следствие продолжается и у правоохранителей есть возможность таким способом «раскрыть» преступление. Нередко пытки и насилие могут быть обыкновенной практикой, применяемой во время следствия как инструмент, с помощью которого можно «расколоть жулика» или заставить пойти на сделку со следствием.

Для того чтобы добиваться дачи показаний от тех, кто находится в СИЗО, могут использоваться как физические истязания, так и психологическое насилие, например, ограничение коммуникации с близкими и адвокатами, использование других заключенных для давления на человека, помещение человека в невыносимые условия содержания, угроза здоровью (например, помещение в камеру с человеком с открытой формой туберкулеза). Кроме того, как будет показано ниже, СИЗО – это именно то место, где чаще всего пыточными являются сами условия заключения.

«Вот со мной было – меня неделю каждый день вызывали на этап. То есть следователь просто-напросто подписал, чтоб на этап меня на неделю. То есть в 06:00 меня будили. Я собирался, и вниз в отстойник меня спускали, и я ждал, что за мной кто-то придет от следователя, и куда-то повезут. Там очная ставка, или еще чего, или к следователю, неизвестно. Но меня никуда не возили. Я вот в подвале, в этом отстойнике и сидел до двух часов, а иногда и до трех часов дня. Не жравши ничего. Потом приходят, говорят: «Все, сегодня машин не будет, поднимайся наверх к себе в камеру». И все, тебя в камеру поднимают, домой. И вот так каждый день. Это психологическое такое вот давление, чтобы ты сознался быстрее во всех своих грехах».

Вениамин, имеет опыт заключения

«Его [подследственного] лупасить не надо. Но ему можно создать какие-то условия именно пребывания, содержания в СИЗО, в ИВС, где-то чего-то лишить. Где-то в конвое чуть-чуть его неаккуратно поводить. То есть начать какие-то такие физические напряжения. Понятно, что он взрослый человек, уважаемый, его никто лупасить не будет. Тут экономика, тут немножко другая специфика. А у нас в следствии все считают, что признание вины – это царица доказательств, хотя признание вины подозреваемым, обвиняемым по науке никогда не кладется в основу обвинения. Но все следователи, опера, все хотят явку с повинной с человека взять».

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

Вымогательство

Иногда целью насилия со стороны правоохранителей является личная выгода, вымогание денег или выкупа, ради которого сотрудники могут избить и запугать задержанного. Примером такой ситуации является случай Евгения и его друга, которых сначала избили при задержании, а потом вымогали деньги.

«Если они понимают, или видят, что человек «невменько» [невменяем], то, наверное, это все. Проблемы будут большие у человека, я думаю. Дай бог, его просто в отдел отвезут. Мне кажется, все очень печально в этом плане. <...> Вот конкретно в моем случае, я думаю, это были именно заработки. Но закрывание палок – это тоже абсолютная норма. Просто если бы они хотели закрыть палочку, они бы, наверное, все-таки что-то нам подкинули».

Евгений, имеет опыт задержания

Личная месть

Другим мотивом сотрудников полиции к задержанию, постоянному «наблюдению» и вызову в участок, а также к применению насилия может быть сведение личных счетов с конкретным человеком, для чего ими активно используется их служебное положение.

В части случаев месть ситуативна. К примеру, человек делает что-то, что не нравится полицейскому, – наши информанты не раз сталкивались с тем, что из себя сотрудника может вывести видеосъемка, неприятная ему реплика или поведение. В ответ полицейский может забрать человека в участок сразу или вернуться через несколько дней, чтоб «проучить» или «поставить на место» – то есть избить и вменить административную или даже более серьезную статью.

«Тут получилось дело так, что наши сотрудники полиции разъезжали по поселку, видимо, в непристойном состоянии. Ребята стояли около дома, они [сотрудники] вышли из машины и начали к ним докапываться: «Кто вы такие? Вы чего тут делаете? Чего вам тут надо?». Они ответили, что мы вообще-то около своего дома стоим, просто разговариваем. Начальник полиции сказал: «Ты знаешь, кто я такой? Я тебе сейчас в багажник посажу, увезу тебя, куда хочу, и чего хочу с тобой сделаю». Мой сын отдал трубку телефонную другу, сказал «снимай», и его отпустили. На этом инцидент закончился. Через неделю приехали к нам домой, [сына] вызвали для беседы. И в течение 5 часов мутузили ребят в отделении полиции нашем».

Екатерина, мать пострадавшего от пыток в отделении полиции

В случаях, когда сотрудник чувствует, что какое-то поведение способно навредить его положению в правоохранительной системе или имиджу всей системы целиком, насилие и угрозы носят систематический характер. Так, человек, подавший заявление по факту совершения в отношении него пыток, сотрудничающий с правозащитниками или просто жалующийся на условия содержания в правоохранительной системе, сталкивается с повышенным риском насилия и угроз. Последние могут поступать как непосредственно от сотрудников, проводивших пытки, так и от их коллег, и даже от местных криминальных авторитетов. В примере ниже заключенный столкнулся с пытками и даже угрозой убийства в результате жалоб и голодовки.

*« – А почему вот начальник [колонии] мог потребовать его убить, как он сказал?
– Но, видите, сам человек предполагает, что это связано с сухой голодовкой и жалобами. То есть этот человек не очень удобный был, жаловался много».*

Игорь, правозащитник

Подавление и дисциплинирование

Насилие, которое применяют полицейские, имеет своей целью подчинение человека. Способы подавления могут быть весьма разнообразными и включать не только физическое насилие. Методы могут быть основаны на уязвимостях конкретного человека, попавшего в систему. Пример взаимодействия с сотрудниками привела мама молодой девушки, пострадавшей от физического и психологического насилия в отделении полиции.

«Нет никаких инструкций [как пытать]. Просто. «Пару вопросов вам зададим, вам надо будет на них ответить». И все. Больше ничего такого не было. Единственное, полицейские проходят психологию, да? И уже анализируя эту ситуацию, какая была, они выявляют слабые места человека. У моей дочери, допустим, слабым местом был этот мальчик. То есть она постоянно о нем спрашивала, где он, что с ним, все ли с ним хорошо. Они говорят: «Вот это и это. И я тебе разрешу его увидеть на 5 секунд, чтобы убедиться, что он жив-здоров». Или: «Сделай это, а мы тебя отведем к нему, чтобы ты посмотрела, какую-то помощь оказала». Вот такого плана манипуляции».

Кристина, мать задержанной

Одна из наших собеседниц, молодая сотрудница полиции, как мы можем предположить, похожим образом описывает свой подход к задержанным. При этом она не считает подобные методы вынужденными, а скорее говорит о грамотном подборе вида и степени давления на человека как о признаке профессионализма и мастерства работы правоохранителя.

*«Также психологическая работа тоже очень важна в плане моей работы. Наблюдать за реакциями человека и так далее. Очень много камушков, по которым можно вывести человека на чистую воду, так скажем. В общем, я вам говорю загадками, но, **думаю, и так все понятно** (здесь и далее в цитатах респондентов выделено нами. – Авт.)».*

Юлия, сотрудница полиции

Насилие в системе исполнения наказания на первый взгляд отличается от полицейского насилия как по обстоятельствам, так и по методам, которые применяют сотрудники. В то же время, его основная задача остается прежней: добиться от человека беспрекословного послушания и содействия системе.

Продолжительное нахождение в том или ином учреждении (ИВС, СИЗО, исправительная колония) меняет условия взаимодействия заключенных с сотрудниками. Меняется и насилие – оно становится регулярным и дисциплинирующим. Мы делаем вывод, что здесь оно используется не единоразово, а системно и для достижения растянутой во времени цели, например, для поддержания принятых в месте лишения свободы правил. Со временем каждый заключенный усваивает эти негласные внутренние правила и узнает, за какие действия он может понести наказание. Такими мерами система исправительных учреждений стремится добиться от заключенных беспрекословного подчинения. Эту логику дисциплинирования описал сотрудник колонии.

«Законодательство очень мягкое в этом плане. Я должен на это пойти, если осужденный отказался выполнять какие-то законные требования сотрудника. Я составляю на него бумагу, где все пишется, и законодательством [он] лишается каких-то привилегий, допустим. <...> Поэтому люди тоже, конечно, серьезные, не первый раз в зоне работают, то есть пытаются их, конечно, воспитывать иными методами. Там по-разному бывает. <...> Вот, представляете, осужденный сидит, сделал что-то, по факту он, допустим... Есть такое требование, он должен ходить в столовую, посещать общественные мероприятия независимо от того, что он хочет есть, не хочет, болит у него живот. Надо встать и идти в столовую, хочешь – ешь, хочешь – не ешь, это твое право, но идти ты должен на это мероприятие. Вот если он не вышел на это мероприятие, его можно привлечь к какой-то ответственности. Хорошо. Или матерился он, либо еще что-то он делал. Привлекли его к ответственности. А ответственность заключается в том, что посадили его в штрафной изолятор. Штрафной изолятор – это уже не пионерский лагерь, не отряд, а отдельные камеры содержания. Там условия жестче, подъем, похуже шконка и поговорить-то не с кем особо. И когда он совершает что-то негативное, они там все нарушают, эти нарушения записываются, и он идет в штрафной изолятор, посидел он свои 15 суток, продлили ему 15 суток, все, вышел, дальше он делает все то же самое.

Плюсом к тому, ведь он злостный нарушитель общественного порядка, так скажем, ему не дадут право на УДО, досрочное освобождение, уйти на колонию-поселение, на облегченные какие-то работы, то есть на послабление режима».

Марк, сотрудник МВД и ФСИН на пенсии

Спектр применяемых мер насилия очень широкий, при этом неформальные правила колонии не всегда соответствуют закону. Пример неправовой, но распространенной практики – это негласный запрет на жалобы на условия содержания в исправительных учреждениях. По закону каждый заключенный имеет право составлять и подавать жалобы на неправомерные действия сотрудников или нарушение условий содержания, однако на практике такие действия могут привести к жесткому наказанию, «превращению жизни в ад», «мордованию». Кооперация с другими задержанными для коллективной подачи жалоб наказывается еще сильнее.

Часть используемых сотрудниками ФСИН методов допускается законом. Такими методами могут быть помещение в ШИЗО или одиночную камеру, запрет на свидания или запрет на коммуникации с адвокатом. Вот так описывают систему наказания за нарушение негласно принятых правил правозащитники.

*«Применяют от угроз до предложения УДО или запугивают, что ты никуда не выйдешь из ШИЗО. Человеку предлагают варианты, перечень дают. На каком-то этапе от угроз до благ, то есть обычно он как бы отказывается. То есть «мы тебе это сделаем, это сделаем, или ты скотина у нас сгниешь. Мы будем долбить, и будешь у нас в ШИЗО сидеть, мы там договоримся с блатными, чтобы жизнь манной не казалась». Формально по закону тебя будут отлавливать и давать сутки за то, что ты не поздоровался, эти наказания идут чисто, быстренько. Например, зашли в камеру, а тебя нет, или пошел в туалет. Или ты только встал и идешь помыться. Тебя подлавливают, что ты нарушаешь режим. Вот тебе пять суток. Или зашел и не поздоровался – значит, не уважаешь администрацию. Провоцируют. **Замордовать** – это спектр того, что можно сделать с человеком, чтобы **превратить его жизнь в ад**. Или могут альтернативу предложить, то есть «тебе УДО дадим, или свиданочку дополнительно дадим, мама придет, или три дня свидание, или ты будешь сидеть в ШИЗО». Они же тоже психологи. У них есть механизмы, отработанные годами, десятилетиями, как работать с заключенными, чтобы они не вопили».*

Мирон, правозащитник

«Бывают, собственно, законные методы воздействия, относительно. Можно приписывать человеку нарушение режима и помещать его в штрафной изолятор или в карцер, где условия просто по закону хуже, там у тебя нет передач и нет свиданий и так далее, ты не можешь днем сидеть или лежать. Важно стоять. Можно лишать человека доступа к любой интеллектуальной деятельности. Пыточные колонии, например, у них любимое занятие – это просто заключенные должны сидеть, ничего не делать весь день, не спать, не закрывать глаза, не

читать, просто сидеть. В изоляторе ФСБ³¹ первую неделю люди находятся в камере, им не дают ни писем, ни книг. Единственное, что включено, – радио. И они начинают сходить с ума, потому что очень плохо, когда единственный твой источник внешней информации, особенно после пыток, после какого-то стресса, – это какое-то безумное радио с безумными песнями и анекдотами».

Василиса, бывший член ОНК

Собранные в ходе нашего исследования данные не позволяют судить в целом о точных цифрах и масштабах распространенности пыток, а также отдельных форм насилия. Однако мы можем утверждать, что там, где практикуется насилие, оно интегрировано в систему общепринятых социальных правил, которым необходимо

³¹ Имеется в виду СИЗО «Лефортово» – изолятор, традиционно используемый Федеральной службой безопасности для содержания подозреваемых и обвиняемых в преступлениях, подследственных ФСБ. С 2006 года перешла от ведения ФСБ к ФСИН.

следовать как заключенным, так и сотрудникам. В этом смысле они являются системными. На основании интервью с теми, кто имеет многолетний опыт взаимодействия с пенитенциарной системой, мы можем зафиксировать снижение жестокости и физического насилия в пользу бюрократических и невидимых форм. Для иллюстрации этого тезиса мы приводим историю Артура, который имеет опыт пребывания в системе ФСИН в нулевых и в недавнее время.

«Два года в Магнитогорской тюрьме был, постоянно били. Я весь синий ходил от их дубинок. Всего изобьют – а за что? Чем больше ты что-то спрашиваешь или требуешь от них (свое, положенное по закону), тем больше тебя и... Как говорится, для них ты враг народа. Начинают тебя и бить, и все <...> Но дают сейчас [в 2020-х гг.] маленько по-другому. Начинают тебе злостные нарушения делать, если жалобы пишешь – создают невыносимые условия. Через суд освобождают, пишут, что ты злостный нарушитель, суд тебе дает надзор в девять лет (до девяти лет может дать). <...> А так тебя в зоне сделают злостным нарушителем: одна передача в год, ни посылок, ничего. Тяжелую жизнь создают. Бьют, конечно, но не как раньше».

Артур, имеет опыт заключения

Уязвимости и группы риска

История Платона (продолжение)

- Как вам кажется, можно ли было насилия как-то избежать? Или это просто прилетает, и с этим ничего не сделаешь?

- Прилетает точно как кирпич.

- Скажите, а где прошло Ваше детство? В какой среде Вы росли?

- Родился в деревне. Учился в городе. Закончил – армия. Семья у меня, дети. Работал механиком. И вот этот случай произошел.

- А случалось ли Вам иметь дело с правоохранительными органами до того случая?

- У меня с правоохранителями вообще проблем никаких не было. Я с ними дружил и дружу, по идее. Вот этого отдела начальник полиции, я с ним, прямо вот... Ну, как сказать? Не один литр выпили. И в такую ситуацию попал.

Я просто был ошарашен. Я даже не думал, что там происходит. Но потом понял, чего они хотели. Они хотели отжать фирму, в которой я работал.

Вот говорили они мне про эту женщину. А я-то в тот момент, когда ее типа похищали, я вообще был в другом регионе.

И когда все это случилось, я им говорю: «Не похищал я». «Мы знаем, – говорит, – ты нам не нужен, нам нужен человек... Давай сделаем так: ты сейчас напишешь, что тебя наняли, ты нанял еще кого-то».

А тот человек, который им был нужен, – это директор. Довольно-таки крупная компания была. Я там работал около 10 лет. И, получается, я якобы похитил конкурентку.

Была договоренность у них, скорее всего. Мы теперь уже знаем, что похищения не было. Если я подписал бы, они бы директора взяли и закрыли, потому что у меня же обвинения такие, минимум, не знаю, 10-15 лет – вооруженный разбой, угон, кража и похищение человека. Тяжкие статьи же. И мне ребята потом сказали, что если бы подписал, ничего не помогло бы уже. И фирму просто съели бы. Полицейские готовились хорошо, тщательно готовились, но на меня просто не рассчитали.

– Вы оказались крепче, чем они думали?

– Да. Так получается. Ну и потом, когда мы встречный иск на них подавали... Вы понимаете, чтобы бодаться с полицейскими, нужны средства, да? Ладно, я был при деньгах, чтобы адвокатов нанять. Но остальные... После того, как посадили мы этого, из УГРО, ко мне человек, наверное, пять-шесть подходили. Один, которого также избили и он подписал, даже прямо говорит: «Когда услышал, что посадили его, я реально заплакал».

Определенные социальные характеристики, ситуации и модели поведения могут усиливать риск попадания в поле зрения правоохранителей, влиять на дальнейшую судьбу человека внутри системы, а также увеличивать вероятность повторного столкновения с правоохранительной системой. Кроме того, наличие уязвимостей увеличивает степень незащищенности и от потенциального насилия, пыток со стороны сотрудников уже после того, как столкновение с правоохранительной системой произошло. Даже если не всегда понятно, какие именно факторы влияют на решение конкретного сотрудника задержать человека и применить к нему пытки и насилие, уязвимые группы в целом находятся в зоне повышенного риска.

Возраст

Возраст – один из факторов, усиливающих риск задержания, в том числе неправомерного. Например, если сотрудники полиции оценивают возраст человека мужского пола, находящегося на улице в компании, как молодой, в их глазах такое стечение обстоятельств скорее будет указывать на ситуацию преступления. Кроме того, молодой возраст увеличивает и вероятность того, что у человека еще нет опыта взаимодействия с правоохранительными органами, он не знает своих прав при задержании и не умеет их защищать, – а потому ему легко вменить административное правонарушение и легким способом улучшить отчетность. Таким образом, молодые люди чаще сталкиваются с подозрительным отношением со стороны сотрудников полиции, которое может выливаться в насилие при

задержании и пытки в целях получения показаний (не важно, верят ли правоохранители в виновность задержанного или нет).

При этом во время задержания полицейские могут ошибиться в своих оценках и применить насилие к несовершеннолетним. Так произошло с Евгением, которого избили при задержании. Но как только полицейские узнали, что ему лишь 17 лет, их отношение резко изменилось. В итоге сотрудники пытались вымогать деньги, а затем просто отпустили подростка и его друга.

«Возможно, это у них слаженная схема, наверное, отлавливать людей, которые в каких-то местах определенных. Тогда же еще была открыта «гидра»³². И для них это обычная практика была: поездить, покататься по паркам, поискать того, кто чего-то копается. Но мы [с другом] даже близко к этому месту не были и просто увидели фары, и к нам подъехали. И сразу же начали выскакивать просто без удостоверений, без всякого «Здравствуйте, меня зовут такой-то такой-то», сразу «Покажите карманы». <...> [Стали] паковать, начали заламывать мне руки, после чего у меня шок. Я не понимаю, что я делал противоправного, противозаконного. <...> Я остался один с полицейским в «гражданке» и во время того, как за моего друга принесли деньги, мы находились на расстоянии друг от друга, со мной общались на отвлеченные темы. Потом как узнали, что мне не было 18, мне сразу же принесли салфеточки, воду».

Евгений, имеет опыт задержания

Национальность

Другая черта, повышающая внимание со стороны правоохранителей и риск быть задержанным ими, – это национальность (или в случае Центральной России «неславянская» внешность). При прочих равных условиях люди с отличающейся внешностью или языком могут восприниматься как чужаки и, следовательно, подозрительные личности.

«До этого я сталкивался с правоохранительными органами только из-за своей внешности, потому что я азиат. И где-то, наверно, еще лет 8-10 назад меня регулярно останавливали, чтобы паспорт проверить, из-за чего я постоянно его ношу с собой. Я помню, что как-то раз на меня наехали, пытались наехать двое полицейских, когда у меня его не оказалось с собой. Но проходил мой друг, он заступился за меня, сказал, что это свой, я с ним учусь и всякое такое, поэтому у меня не было каких-то проблем на тот момент. Но я всегда к ним относился с недоверием, потому что всегда был неприятный осадок: почему вы меня регулярно останавливаете?»

Алихан, участник фокус-групповой дискуссии

Более того, как отмечают некоторые правозащитники, представители не доминирующих национальностей зачастую оказываются ущемлены в правах. В

³² Крупнейший маркетплейс в российском сегменте даркнета. Закрыт по решению властей в апреле 2022. В числе прочего, использовался для покупки и продажи наркотиков.

частности, закон остается слепым в случаях, когда в отношении данной группы людей совершается насилие.

«На заре нашей работы, связанной с расследованиями пыток, избили сильно в Следственном комитете человека, гражданина Узбекистана. И в Следственном комитете нам честно сказали, что они не будут возбуждать дело, потому что если бы его убили или если бы он был русский, они возбудили бы дело... Но в ситуации, когда не убили узбека, они возбудить ничего не будут».

Василиса, бывший член ОНК

Гендер

Насилие может принимать разные формы в зависимости от того, к какому полу принадлежит человек, столкнувшийся с системой. Абсолютное большинство наших собеседников, которые подвергались насилию, были мужчинами. Возможно, женщины меньше обращаются за помощью к правозащитникам, поэтому мы меньше знаем про такие случаи, но, по мнению эксперта Владимира, мужчины чаще совершают преступления и взаимодействуют с правоохранителями, поэтому на них подозрение падает в первую очередь, и статистически они чаще подвергаются физическому насилию.

«Мужчины чаще совершают преступления по статистике. Не знаю, я бы тут сказал, что у нас слишком маленькая выборка, чтобы какой-то средний портрет жертвы нарисовать. Вообще, по идее, это любой человек может быть».

Владимир, правозащитник

Несмотря на то, что делать обобщения, касающиеся гендера, стоит с большой осторожностью, наши собеседники отмечают, что к женщинам силовики реже применяют физическое насилие, выбирая другие способы принуждения.

«Угрожали, что отчислят, что не найду работу, вся моя семья работу не найдет. В частности, мой муж и дети, которых вообще нет. <...> А со мной по этому уголовному делу идут еще два мальчика. У них все было иначе. То есть они всегда высказывались очень агрессивно, очень стойко. И они, видимо, решили, что их легче всего напугать. У них была выломанная дверь, их ставили на колени. Там были омоновцы с автоматами, а со мной они, видимо, всегда думали, что можно как-то запугать и договориться. И они как-то так: «Ну мы же с вами хорошо общаемся. Давайте мы еще будем общаться». И всегда так высказывались».

Руслана, имеет опыт задержания

В женских и мужских колониях пытки и пыточные условия содержания тоже выглядят по-разному. В частности, с точки зрения эксперта проекта «Женщина. Тюрьма. Общество», условия пребывания во ФСИН для женщин имеют больше проблем: от физической невозможности дотянуться до верхнего яруса кровати, из-за которой приходится лежать на бетонном полу, и отсутствия условий для беременных до нехватки той поддержки, которую в мужских колониях может оказывать криминальная иерархия.

«[В женских колониях] тоже есть насилие, но там другая система. Женщин будет легче подавлять. Их легче подавлять. **У них похуже – у них нет кастовой системы**».

Мирон, правозащитник

Предыдущие столкновения с полицией

Что еще увеличивает шансы быть задержанным? Тот факт, что человек уже находится в поле зрения правоохранительных органов: например, имеет судимость или приводы в полицию. Многие из пострадавших от насилия и пыток в полицейских участках на момент инцидента сталкивались с полицией не в первый раз. Нередко в округе уже известно, что сотрудники могут обвинять людей и добиваться признательных показаний насилием и пытками.

Для того чтобы показать, как это работает на практике, приведем историю Петра. Первую судимость Петр получил в 16 лет за групповую драку – тогда он провел в колонии 8 месяцев. После этого Петр становился подозреваемым во всех преступлениях, которые происходили в районе его проживания (небольшом городе с населением чуть больше 50 тысяч человек). При каждом задержании уже знакомые ему сотрудники пытались «повесить» на него очередное преступление, руководствуясь тем, что чем более серьезное преступление «раскрывает» сотрудник, тем больше очков во внутренней системе вознаграждений он получает. Эти попытки продолжались до тех пор, пока не увенчались «раскрытием» преступления, за которое Петр получил реальный срок.

«Остановился гражданский автомобиль, сбили с ног, засунули в машину, и там началось все. Они на меня пытались изнасиловать повесить. Чтобы вы понимали, у них опознание, знаете, как проходит? Открывается дверь, заходит девка, на меня смотрит и говорит: «Не он». Я говорю: «В смысле не он?» А оперативник мне отвечает, что это было опознание, тебе повезло, это не ты. Я говорю: «Странно... странно у вас тут все происходит». Потом ограбление лесобазы какой-то они мне пытались... но я не подошел, там было лицо кавказской национальности. Потом, дай бог памяти, у какой-то цыганки я снимал сережки где-то в подъезде в каком-то. Ну короче, в общем, в итоге они мне выдумали уголовное дело, которого не существовало вовсе – магазин, который якобы я ограбил».

Петр, имеет опыт заключения

У людей, которых часто останавливают, задерживают и в чем-то подозревают полицейские, со временем вырабатывается навык различения правоохранителей в повседневных ситуациях, даже когда те не в форме.

«Ну и опять же, я так скажу, вижу издалека как бы. Я их увидел, но я-то что, я не придал значение, что там сидят сотрудники полиции. Ну и плюс одного я уже потом вспомнил».

Петр, имеет опыт заключения

В этом смысле угроза повторного столкновения с полицейскими и риск переживания насилия и пыток, риск уголовного преследования меняет то, как люди организуют

свою жизнь, чтобы избегать подобных ситуаций. Когда человека в любой момент могут остановить на улице или вызвать в отделение полиции, это существенно влияет на его течение жизни и лишает чувства предсказуемости, контроля за своим распорядком дня. Верно и обратное: наличие обязательств – рабочих или личных – тоже становится своеобразной уязвимостью, которую сотрудники могут использовать в свою пользу. К примеру, некоторые из наших собеседников делали все, что их просили сотрудники полиции, потому что не могли себе позволить провести много времени в отделении.

«Мне нужно было ехать на собеседование, и время поджигает. Он [полицейский] меня поймал прямо перед выездом, и поэтому я немножко с ним соглашался, потому что сначала не хотел пальцы катать [сдавать отпечатки пальцев], говорил, что вот я опаздываю, может, отпустишь. А он говорил: «Вот пальцы покажешь, я тебя отпущу». Я говорю: «Ну хорошо, давайте откатаем». И пошли на эту процедуру».

Василий, имеет опыт задержания

Отсутствие навыков ориентации в системе

Одной из распространенных уязвимостей, которая может усугубить положение человека в полицейском отделении, является плохая ориентация в правоохранительной системе и незнание законодательного контекста ситуации. Для достижения своих целей сотрудники полиции могут заведомо вводить в заблуждение задержанных, манипулировать, давать обещания, которые они не собираются исполнять (например, что после дачи показаний человека отпустят). Без знаний о том, как выглядит делопроизводство, распознать обман и манипуляции сложно. Также, столкнувшись с пытками, люди не всегда понимают, что нужно делать, чтобы защитить себя в моменте, что делать после того, как пытки закончились, как зафиксировать, доказать произошедшее, чтобы привлечь сотрудников к ответственности.

Большинство наших собеседников, которые пострадали от полицейского насилия, столкнулись с правоохранительной системой впервые и ретроспективно изменили бы решения, принятые ими в состоянии дезориентации. Вот пример Екатерины, чьего сына пригласили в отделение полиции, а затем избили.

*«Избежать [этого случая] можно было. Когда к тебе приезжает сотрудник полиции и приглашает тебя для разговора, [можно] **вообще [в участок] не ходить**. Вот и все. Таким образом можно было избежать инцидента. А если хотите пообщаться, присылайте повестку. И это будет законно, и будет видно, откуда чего идет и откуда ноги растут. А тут никаких документов нет, ничего не зафиксировано, ничего. Все! Ничего нет».*

Екатерина, мать задержанного

Наличие знания о том, что тебя может ожидать при задержании, о том, как функционирует система, с какими манипуляциями сотрудников можно столкнуться и как необходимо действовать, увеличивает защищенность задержанных в полицейском отделении. Один из экспертов, комментируя широко освещаемый в медиа случай пыток в ОВД «Братеево», подчеркивал, что именно знание о том, как

функционирует правоохранительная система, позволило пострадавшим зафиксировать происходящее и привлечь виновных к ответственности.

«Она идеальный заявитель! Вот то, как сделала она, прямо... <...> «Вы меня тянете за волосы», то есть [озвучивает] то, чего не видно, и это очень важно. И человек находится в стрессе, ее избивают. Я просто поражен выдержке. На самом деле, это очень сложно. И видно, что человек именно хорошо прочитал соответствующую литературу, идя на митинг. И она: «Я подпишу вам отказ от дактилоскопирования. Вы не имеете права. Пятьдесят первая статья, персональные данные там, отпечатки». Все просто идеально! 10 из 10, можно сказать!»

Роман, правозащитник

При этом политическая позиция, обвинения по «политическим» статьям может стать и источником уязвимости в полицейском отделении.

«Видимо, так и есть, что по политическим делам они дергают каких-то сотрудников из уголовного розыска, потому что мы, вроде как, опасные».

Василий, имеет опыт задержания

«Помимо физических унижений, там еще и вопросы, связанные с унижением этой девушки. То есть фразы, что «вы враги государства»... «Путин нам сказал». <...> Мы [правозащитники] вообще регулярно это слышим».

Роман, правозащитник

В колонии понимание законов, бюрократических процедур и негласных правил не менее важно. Как мы уже писали, насилие, пытки по отношению к заключенным используются для устрашения, повышения дисциплины и тем самым поддержания установленного в колонии режима. Следовательно, незнание этого режима увеличивает вероятность того, что заключенного подвергнут пыткам. Это особенно актуально в первые месяцы адаптации в колонии или СИЗО, когда человека «знакомят с местной культурой». Один из наших собеседников с опытом и заключения и работы правозащитником объяснил эту логику на примере подачи жалоб – действия, осуществление которого может быть опасно.

*«Перед тем, как писать [жалобы], писать надо, нужно все-таки **уметь действовать грамотно**. И в этом плане у нас, конечно, вообще просвещения как такового нет. На самом деле, тюрьма, по большому счету, ничем сильно не отличается от обычной гражданской жизни. И там, и там проблемы случаются, или они есть; и там, и там их надо решать; и там, и там они не решаются наскоком, они везде требуют определенной процедуры, определенного времени, определенного терпения. И если это игнорировать, то к чему это приводит? Приводит к конфликту. Иногда яркому, очень тяжелому, иногда к скрытому, но тем не менее все равно к конфликту и к большим потерям для всех сторон. На самом деле все теряют, я уверен. Но никто даже из сотрудников тюрьмы не просыпается утром и не целует жену с мыслью «вот сейчас приду на работу и буду гадости творить подряд». То есть и заключенным, и сотрудникам. Ну нет этого же, давайте честно. Все люди хотят наоборот, делать что-то хорошее,*

то есть [жить] **по тем правилам, на которые они согласились**. Но поскольку и та, и та сторона много чему не научена, в результате возникает куча проблем у всех».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Здоровье

Другой уязвимостью может стать плохое состояние здоровья, как физического, так и психического, и низкая психологическая устойчивость. Это может ограничивать способности человека выдерживать и противостоять насилию при задержании, в отделении и в местах принудительного содержания. Ниже приводится случай задержания молодого человека, имеющего инвалидность на основании психиатрического диагноза. Он был задержан вместе со своим другом, доставлен в отделение, избит, а затем на него оформили протокол об административном правонарушении без присутствия законного представителя. По словам его матери, избивание сопровождалось унижением, давлением и угрозами со стороны сотрудников. В этой ситуации неспособность задержанного понять суть происходящего и прочитать содержание протокола позволило им с большей легкостью получить признательные показания.

«Я-то, конечно, не то что не боюсь, ну сделают, ну что они могут сделать? Как они в тот раз сказали ему: «Не дай Бог никому, чего расскажешь – мы тебе голову расшибем». Вот так говорят ребенку глупому. <...> Вот Петька натворил там чего-то, а тут, говорит, бумажки какие-то ему подсовывали. А он ни писать, ни читать еще не может. Какую он им может бумажку подписать, если он писать еще не может?»

Екатерина, мать задержанного

Уязвимостью могут стать и проблемы со здоровьем физическим. Так, один из наших собеседников был жестоко избит при задержании сотрудниками полиции, а информацию об имеющихся травмах сотрудник ОМОНа использовал, чтоб нанести еще больший вред здоровью.

«Когда один из омоновцев стоял у меня на шее ногой, я ему сказал: «Не жми, у меня конструкция металлическая на втором, третьем позвонке, на позвоночнике». Он посмотрел, я в футболке был. Он футболку спустил, посмотрел шею. «А где? – говорит. – Как устанавливали?» Он меня перевернул, посмотрел, да, действительно шрам есть. Обрато перевернул меня и всей массой на шею встал. Тогда я почувствовал адские боли, что у меня там все сломалось, и звуки такие жесткие я почувствовал. «А что ты до сих пор не сказал?» Обрато перевернул. И всей массой на меня встал. Килограммов 90.

Ильдар, имеет опыт задержания

Состояние здоровья играет еще большую роль тогда, когда человек попадает в систему надолго. Доступ к медицинской помощи в пенитенциарной системе крайне ограничен: у тюремного врача в запасе обычно есть лишь «аспирин и анальгин». Многие заключенные теряют здоровье из-за несвоевременной или недостаточно

квалифицированной медицинской помощи. Право получить доступ к конкретному специалисту, лечь в «гражданскую» больницу или получить необходимые медикаменты формально есть у каждого заключенного, но, как следует из интервью, на практике зачастую оно не реализуется.

Решение направить заключенного в лечебное учреждение за пределами системы ФСИН связано с рисками для врачей – сотрудников исполнительного учреждения. Например, как следует из интервью, они могут опасаться обвинений в том, что приняли взятку от заключенного, пожелавшего использовать пребывание в больнице как способ улучшения условий содержания. Другими причинами могут быть дефицит материальных и человеческих ресурсов в медицинской службе ФСИН и восприятие заключенных как недостойных лечения в глазах сотрудников СИЗО или колонии, равно как и в глазах некоторых медиков в колонии. Обращение за медицинской помощью может восприниматься как манипуляция, намеренное и неоправданное привлечение дополнительного внимания.

«Потому что заключенные... Которые просто сами себе наносят повреждения для того, чтобы, как они говорят, «попасть на больничку». То есть он себе там вены порезал, его отправили в больницу, лежал там, восстановили и опять его вернули в зону. Как они сами говорят, «вскрываться пришлось». Его допекли сокамерники или кто там был, обстановка окружающая такая, что он сам себе вскрыл вены... Понимаете? Естественно, это больше демонстративно, чем попытка как таковая».

Иннокентий, судебно-психиатрический эксперт, тесно работает с ФСИН

Неоказание медицинской помощи и необеспечение необходимых условий для людей с хроническими заболеваниями тоже необходимо считать насилием по отношению к заключенным. Для мест принудительного содержания характерна скученность, которая подразумевает, что в одной камере находится много заключенных, а камеры компактно расположены на этаже – в такой ситуации *буквально нет возможности разминуться*. Эти условия содержания способствуют распространению угрожающих жизни болезней, например, туберкулеза. Кроме того, в ИВС, СИЗО и колониях практически невозможно добиться условий содержания, необходимых арестантам по состоянию здоровья, например, при онкологических, сердечно-сосудистых заболеваниях, сахарном диабете и других хронических болезнях, которые требуют специального медицинского ухода. При этом смерть в местах содержания может навредить отчетности, поэтому самая экстренная помощь, как правило, оказывается. Таким образом, человек с хроническим заболеванием может быть вынужден существовать в невыносимых условиях, когда место поддерживающей медицинской помощи занимает критическая.

«Без холодильника я не могу держать инсулин, мне нужно в холодильнике его держать. Если я его держу не в холодильнике, он перестает нормально действовать. Раз нет инсулина – все, хана. Он у меня упал – я труп, он поднялся – я тоже труп, разговаривать не могу, все прочее. Поэтому 16 вызовов скорой, дважды госпитализация в больницу, потому что, когда врачи меряют, у меня сахар 32 [ммоль/л при норме диапазона 3,3 до 5,5], и инсулин мой не действует, потому что он перегрелся в горячем помещении».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Когда речь заходит о пытках, физическом и психологическом насилии в колонии, важную роль в судьбе заключенного играют врачи. Например, врач принимает решение, фиксировать ли документально источник увечий со слов пациента, если тот заявляет о пытках. Врач влияет на то, какую медицинскую помощь и медикаменты получает тот или иной заключенный, отвечает за документирование состояния здоровья и осуществляемых медицинских манипуляций, что впоследствии само по себе может стать доказательной базой в деле о пытках в колонии. Один из экспертов-правозащитников рассказал нам как раз о таком случае, когда факт пыток удалось доказать не напрямую, а благодаря документации об оказании медицинской помощи.

«Там [в медицинской экспертизе] достаточно большой перечень вопросов, направленных на установление причинно-следственных связей между действиями медицинских работников и причинами, которые способствовали причинению этой травмы – то есть действия каких-то неустановленных лиц. Эту экспертизу мы ждем: дело в том, что она имеет очень большое значение, и, возможно, будет возбуждено уголовное дело. Наконец-то! <...> Обычно заявители сразу же (если не успевают, то вместе с нами) идут в травмпункт и фиксируют травму как можно быстрее. Это является отправной точкой для доказывания. В колонии это не так – сами знаете, это невозможно по большей части. У него [заключенного] в результате травмы были причинены в мае, а что-то отмечено в медицинской документации о том, что ему мазь выдали, – спустя несколько недель. Но в дальнейшем он обращался регулярно, и в дальнейшем записи были, и он был отправлен на МРТ – ему [его] делали даже в исправительной колонии. Логически выстроив всю цепочку происходящего, добившись того, чтобы следователь опрашивал после нас всех свидетелей и очевидцев (мы тоже опрашивали всех возможных очевидцев), мы добиваемся того, чтобы действительно был указан факт причинения ему телесных повреждений пока что неустановленными лицами, хотя мы знаем, кем. И хотя бы в рамках официального расследования был вынесен рапорт о том, что ему были причинены тяжкие телесные повреждения. То есть о наличии признаков состава преступления».

Антон, правозащитник

В этой ситуации особенно проблематично то, что врачи, хоть и являются в некоторой степени обособленной группой работников в колонии, все же интегрированы в систему ФСИН и не действуют полностью автономно³³. Кроме того, врачебный персонал не взаимодействует с заключенными напрямую, а любые решения, в том числе о медицинской помощи, принимаются при посредничестве других сотрудников колонии. В результате стандарты оказания медицинской помощи определяют не столько медики, сколько сотрудники ФСИН, а сами медики

³³ Рунова, К. А. (2019). «Неуместная» гуманность: как работают врачи в пенитенциарной системе России. *The Journal of Social Policy Studies*, 17(3), 345-358.

привлекаются для осуществления давления на заключенных или сокрытия доказательств такового.

Нехватка социальных и финансовых ресурсов

Будучи задержанным или арестованным, любой человек жестко ограничен в своих действиях, поэтому ему приходится полагаться на сети поддержки: своих родственников, друзей и близких. Люди из сетей поддержки должны быть готовы действовать в экстренной ситуации и мобилизовать ресурсы: приехать в отделение, найти и оплатить адвоката, узнать, как надо действовать в подобной ситуации, как зафиксировать факт пыток и неправомерных действий сотрудников, обратиться в правозащитные организации, возить передачи, взаимодействовать с правоохранительными органами. Большинство людей не обладают таким существенным социальным капиталом, а потому более уязвимы:

«Я думаю, да, что если у него [заключенного] активный адвокат, активные родственники, которые навещают, то у него меньше риск, наверное, подвергнуться каким-то пыткам, я бы сказал. В любом случае какая-то минимальная публичность – это лучше, чем ее полное отсутствие».

Владимир, правозащитник

Ограниченность в финансах – другая распространенная уязвимость. Судопроизводство требует много времени, совмещать его с трудоустройством не всегда возможно. В результате приходится тратить средства на покрытие расходов на адвокатов, поездки в суды и другие действия, связанные с доказыванием своей невиновности, зачастую для этого человек вынужден продавать имущество. Люди без имущества в собственности в такой ситуации вынуждены сдаться и подвергнуться наказанию за правонарушения и преступления, которых не совершали. В ряде случаев эти два вида уязвимости – экономическая и социальная – идут рука об руку.

*«Есть такие незащищенные слои, то есть люди небогатые. Особенно это работает в каком-нибудь районе, в глухой деревне, где менты знают, что эти люди особо шум не поднимут никак. Они не очень активные, небогатые, живут тихо, спокойно. Возможно, что пьют. В общем, контингент не самый благоприятный, скажем так. **И на них, конечно, полицейским можно палки делать очень легко.** У нас случай был. Один из заявителей после того, как его забрали в полицию, умер. Но там расследование еще идет. Полицейские говорят, что он просто от эпилепсии умер. Мы расследуем и думаем, что есть причастность сотрудников полиции. Мы знаем, что раньше к этому человеку постоянно приходили сотрудники полиции, постоянно липовые административки на него составлялись. Просто участковый делал на нем палки за какую-то фигню, например, за распитие в общественном месте. Просто на нем поднимал статистику, и он знал, что тот ничего не сделает».*

Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

Однако, как мы писали выше, наличие финансовой обеспеченности в некоторых случаях становится поводом для вымогательства, а значит, повышает вероятность попадания в ситуацию произвола и пыток. С родственниками тоже связаны

определенные опасности. Сотрудники могут использовать давление и угрозы в адрес близких людей задержанного в качестве инструмента пыток³⁴.

«Они вообще вынудили меня позвонить матери. И она ко мне туда тоже приехала, и они пытались потом еще и на нее давить. В частности, уголовная статья и вот это все по кругу».

Руслана, имеет опыт задержания

«Сидит, допрашивает-допрашивает, и такой: «Ладно, не хочешь по-хорошему, сейчас будет по-плохому». Я говорю: «Как?». «Сейчас, – говорит, – узнаешь». Я сижу на стуле напротив стола. Он встал, говорит: «Пошли в актовЫй зал». И они меня повели в актовЫй зал. Второй участковый дал мне стул, поставил... взял себе стул. Прижал меня к стулу, ногами, получается, где бедра идут, привязал ремнем. Начал опять допрашивать. За каждый мой неправильный ответ он начинал меня бить электрошокером в паховую область. Ну не бить, а наносить током удар. Это продолжалось, наверное, около получаса, думаю так. Они от меня нормального ответа не дождались, поехали за моим братом. Потом привезли моего брата, начали его таким же методом пытаться, выбивать из него правильный ответ на вопрос «Куда делись деньги?». Брат им сказал, что мы ничего не брали. Мы там просидели до половины третьего ночи. Участковый говорит: «Пусть кто-нибудь из вас признается. Я сейчас пойду, покурю, зайду, чтобы кто-нибудь из вас признался, взял вину на себя».

Геннадий, имеет опыт задержания

При этом поддержание связи с адвокатами, правозащитниками и журналистами требуют от находящегося в изоляции человека большого мастерства. С одной стороны, эти сети поддержки способны защитить человека и помочь ему отстаивать свои права. С другой стороны, возможности отстаивать свои права изнутри СИЗО и колонии крайне ограничены, и подача жалоб и другие действия, которые заключенные предпринимают для отстаивания своих прав, могут иметь негативные последствия для заключенного, способствовать ухудшению его положения (подробнее об этом мы рассказываем в следующем разделе). По этой причине заключенные иногда не хотят афишировать свои деловые отношения с правозащитниками и адвокатами или инициировать защиту своих прав, пока находятся внутри пенитенциарной системы. Один из успешных случаев сохранения такого баланса описывает правозащитница Василиса.

«И может быть такое, что заключенные по тем или иным причинам не готовы с нами говорить. Но мы настаиваем на том, чтобы заключенных к нам в любом случае привели, потому что была, например, история в одной из колоний, когда у нас была информация, что человека искалечили, и поэтому мы вызвали, сказали, что хотим с ним поговорить. Нам принесли письменный отказ от общения с ОНК с его подписью. И мы сказали, что нас не волнует его письменный отказ, потому что вообще-то в законе не написано, что можно отказываться от общения с

³⁴ Запрещенные методы психологического воздействия:

анализ российского и международного права URL:

<https://pytkam.net/doklad-kpp-o-psihologicheskikh-pytkah-v-rossii-i-mire/>

ОНК, и мы хотим этого человека увидеть. И действительно, когда его привели, мы увидели, что у него искалечено лицо, и это была важная информация, мы смогли ее зафиксировать. **Ему потом она тоже пригодилась, когда он освободился и пытался восстановить как-то свои права.** Но в той ситуации он никак не мог дать понять нам, какая у него позиция, поскольку он находился в той ситуации, когда он был вынужден делать то, что сотрудники ему говорят. <...> И на порядки там [в колонии] напрямую жаловаться, конечно, нельзя, иначе будет очень плохо. Но можно жаловаться на что-нибудь другое. Можно жаловаться, например, на то, что происходило с тобой в другом учреждении. Это вообще безопасные темы».

Василиса, бывший член ОНК

Невидимые проблемы

Есть многочисленные группы людей с потребностью в особых условиях или особом отношении, чьи нужды не учитываются правоохранительной системой и ФСИН. Насилие по отношению к ним не всегда совершается намеренно. Наши данные скорее свидетельствуют о равнодушии к их проблемам. В этом разделе мы перечислим некоторые из таких групп, но их список не может считаться исчерпывающим: хотя не все эти группы малочисленны, доступ к их представителям бывает затруднен.

Бездомные люди

Одной из этих категорий являются люди, которые живут на улице. Как правило, у них есть проблемы с документами, и практически отсутствуют социальные и финансовые ресурсы для защиты себя. В результате их часто задерживают полицейские, ведь на них всегда удобно «повесить» административное правонарушение. В то же время стереотип по отношению к этой группе работает и в полицейском отделении – неприязнь в данном случае исходит и от сотрудников, и от других задержанных.

«Там, помню, женщина одна была, в принципе очень хороший спецприемник, даже, можно сказать, образцовый. Она без определенного места жительства, алкоголичка, и ее туда доставили. С кем ее содержать, если все там более-менее приличные женщины попадают? В общем, ее отмыли, дали ей какой-то халат, она стала чистенькая в этом халате».

Арина, правозащитница

Люди с зависимостями

Любая зависимость, например, алкогольная или наркотическая, автоматически усиливает уязвимость человека перед системой: такие люди с большей вероятностью могут быть задержаны полицией, потому что из них легко сделать «преступников». Кроме того, устоявшееся в обществе негативное отношение к таким людям практически полностью оправдывает в **глазах** многих обывателей любые насильственные действия, которым их подвергают правоохранители. Сотрудники знают, что широкая общественность вряд ли вступится за них.

*«Потому что человек пьет сильно, он уже очень болел от этого, от алкогольной зависимости страдал. И участковый увидел. Почему бы на нем не поднять себе статистику? И это сплошь и рядом происходит, к сожалению, и **люди не***

пытаются как-то защитить свои права, не жалуются. Не знаю, почему. Поэтому в зоне риска ранее судимые, в первую очередь, 100%. Их прямо очень любят. Ну, и в целом, какие-то люди неблагополучные».

Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

Беременные женщины и дети женщин-заключенных

Среда в местах отбывания наказания ориентирована в первую очередь на взрослых мужчин. Условия содержания не адаптированы под беременных или недавно родивших женщин. Они нуждаются в особых условиях и доступу к специализированной медицинской помощи.

«В первый раз я пришел в камеру, там на бетонном полу лежала женщина. Меня это удивило. Я говорю: «В чем проблема?». Она говорит, что на второй ярус не может залезть. Потом я начал заниматься проблемами женщин. Они [сотрудники] обещали, что выполнят, что женщине найдут место. Через четыре дня я пришел: женщина как лежала на полу, так и лежала <...> Мы уже случайным образом выявляли выкидыш, прерывание беременности, потому что это не фиксируют нигде. Эти вещи не фиксируют. Нигде статистика не проходит. Попробуйте найти смертность, травматизм среди детей ФСИН. Статистику ФСИН. Ее не найдете».

Миرون, правозащитник

Как мы уже упоминали, этапирование – один из самых тяжелых периодов нахождения в правоохранительной системе, и в это время дети также особенно уязвимы.

«Это не просто какой-то купейный вагон, решеткой [отделка] и все. Рядом может ехать мужской вагон с туберкулезниками, которых везут в больничку в какой-то другой регион. Тут же дети с мамками. И вот так они болтаются, каждый за решеткой, их обычно набивают человек по восемь, по двенадцать. И как они там? Это же дикость. Для нормального человека это дикость, а у нас [во ФСИН] это нормальное явление. Никто об этом не говорит, потому что никто не знает».

Миرون, правозащитник

Трансгендерные люди

Трансгендерные люди, то есть люди, чья гендерная идентичность, внешность и поведение не соответствует тому, что типично ассоциируется с их биологическим полом, сталкиваются с усиленной стигматизацией³⁵ и высокими рисками насилия, так как сам их способ мыслить о себе бросает вызов сложившимся общественным представлениям. Устройство пенитенциарной системы не учитывает проблемы таких людей и не предпринимает ничего для их защиты.

³⁵ Стигмой называют «качество, выдающее какое-то постыдное свойство индивида» для общества. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность / пер. М.С. Добряковой. 1963. С. 3.

«У него документы мужские, а части женской груди [сохранены], или там орган мужской, причем документы еще мужские. Вот он сидит в этой колонии... Куда его впустить? В мужскую колонию, где будет насилие? У него физиология женская. Я смотрел эту экспертизу, там репродуктивная функция сохранена, то есть при определенных условиях трансгендерный мужчина может родить, потому что эти функции остались. А он идет в мужскую колонию. Понимаете? Это пока еще единичные вещи. Но эти случаи есть».

Мирон, правозащитник

Сексуальность

То же самое можно сказать и о людях, чья сексуальная ориентация не вписывается в культурные представления, принятые в местах отбывания наказания. По умолчанию такого человека в мужской колонии определяют на низшую ступень тюремной иерархии, и он становится особенно уязвимым к насилию со стороны как заключенных, так и сотрудников.

«Если дело связано с ориентацией или каким-то образом известно в мужском учреждении, что человек имел какие-то сексуальные контакты с другими мужчинами на воле, то понятно, что он окажется в какой-то унижительной, плохой ситуации – его будут этим шантажировать. Такие вещи мы понимали заранее и иногда пытались как-то контролировать».

Василиса, бывший член ОНК

Выводы

В этой главе мы показали, что пытки и насилие существуют как естественный атрибут нынешней правоохранительной системы, они могут применяться сотрудниками полиции и ФСИН для подавления граждан, которые находятся в их власти. Власть сотрудников обеспечивается государством, и все действия сотрудники выполняют от лица государства.

Мы показали, что некоторые люди (на основании пола, возраста, национальности, здоровья и других характеристик) сталкиваются с более высокими рисками задержания и, соответственно, рисками столкнуться с пытками в отделении полиции и местах отбывания наказания, а также во время подачи жалобы против правоохранителей. Уязвимости усиливают асимметрию власти, а асимметрия по умолчанию существует между гражданином и сотрудником. Чем больше дисбаланс власти, тем более уязвимым становится человек.

В случаях, когда сотрудники пытаются превратить задержанного человека в «преступника», успешность подобных манипуляций зависит от того, насколько много у него ресурсов для защиты и сопротивления. Хватит ли у него опыта, понимания работы правоохранительной системы, а также физических и психологических возможностей для того, чтобы выдержать давление при задержании и в заключении? Подкован ли он юридически? Знаком ли он с людьми, которые могут помочь ему защитить свои права? Есть ли у него временные и финансовые ресурсы для найма

адвокатов и участия в судопроизводстве? Ответы на эти и другие вопросы определяют степень уязвимости человека, которая влияет на то, насколько легко у правоохранителей получится добиться признательных показаний или других целей при общении с задержанными.

Соседи по тотальному институту

Из предыдущей главы можно сделать вывод о том, что для многих правоохранительных и исправительных учреждений пытки – это нормальная часть взаимоотношений между сотрудниками и задержанными или заключенными. В связи с этим имеет смысл подробнее рассмотреть характер взаимодействия между этими двумя группами в целом и попытаться понять, что на него влияет.

Когда человек задержан полицией, отправлен в СИЗО или место отбывания наказания, он оказывается в непосредственной близости к правоохранителям. Контакты с внешним миром, родственниками и близкими затруднены, человек остается один на один с новым бытом и новыми соседями. Эти соседи – не только другие задержанные или заключенные. В полицейском отделении, СИЗО и колонии свое время проводят как предполагаемые преступники, так и полицейские и сотрудники ФСИН.

Любому бросаются в глаза закрытость и обилие барьеров в правоохранительных учреждениях. Полицейские участки, СИЗО, колонии – режимные объекты. Туда невозможно попасть без особой санкции и причины, без правильно оформленного письменного разрешения, пропуска. Для внешнего мира эти места не вполне известны и понятны. Сотрудников – так же, как и заключенных и задержанных – скрывают стены.

«Везде замки, то есть ты проходишь какие-то там железные двери, карточные пропускные пункты. Ты понимаешь, что ты за какой-то оградой и просто так тебе оттуда не уйти».

Руслана, имеет опыт задержания

Вслед за Эрвином Гоффманом такие учреждения социологи называют тотальными институтами³⁶. Тотальный институт – место, в котором контакты с внешним миром минимальны, а внутренним распорядком управляет персонал, чья основная работа – надзирать и контролировать. Исправительные колонии, ИВС и СИЗО, несомненно, можно отнести к тотальным институтам наряду с армией, школами-интернатами, психиатрическими лечебницами или монастырями³⁷. Во всех подобных учреждениях повседневные занятия выполняются централизованно, причем частная жизнь, работа и сон «подопечных», или «постояльцев», происходят в одном и том же месте и в подчинении общей цели учреждения (исправительной, учебной, религиозной и т.д.).

³⁶ Гоффман Э. Тотальные институты / Пер. с англ. А. Салина; под ред. А. Корбута. Предисл. Д. Шалина. – М.: Элементарные формы, 2019

³⁷ Следует отметить, что сегодня социологи переходят от более строгого понятия «тотального института» к «пористому институту». Пористый институт также довольно закрыт, поддерживает дисциплину и правила, но способен реагировать на происходящее в обществе и во власти. Например, тюрьмы впитывают в себя убеждения, нравы и ресурсы других институтов, таких как религия или политика. Состав заключенных меняется, появляются новые люди, способные «импортировать» новую культуру, и т.д. [Ellis R. Prisons as porous institutions// Theory and Society 50 (2):175-199 (2021)]

Если подходить к определению тотального института менее строго, то отделения МВД и даже автозаки можно причислить к этой же категории. Хотя пребывание там ограничено во времени и задержанным не предписано особым образом работать или проводить досуг, эти временные пункты пребывания закрыты для внешнего мира почти так же, как и колонии, а порядок действий в них тоже определяется администрацией. Кроме того, нередко наблюдается желание полиции дисциплинировать задержанных³⁸. С учетом этих замечаний все правоохранные учреждения можно рассматривать через призму понятия «тотальный институт».

Данный термин позволяет объяснить рутинное функционирование учреждения, где взаимодействуют правоохранители («персонал») с задержанными и заключенными («постояльцами»). Такие учреждения закрыты от внешнего мира, внутренний распорядок и распределение ролей четко регламентированы.

В настоящей главе мы воспользуемся понятием тотального института для того, чтобы проанализировать те условия, в которых разворачивается взаимодействие правоохранителей с задержанными и заключенными. Мы рассмотрим, как взаимодействие этих двух групп формируется в соответствии с особенностями сложившейся исторической среды или вопреки ей. При этом будем отмечать как разделяющие эти группы барьеры, так и общее в их опыте, поскольку любые практики, которые работают на диалог, поддержку и солидарность в тотальном институте, могут использоваться для борьбы с применением пыток. В связи с этим наблюдения о практиках установления добрососедских отношений выделены и представлены в конце главы.

Оппоненты в тотальном институте: напряжение между правоохранителями и арестантами

Правоохранители и задержанные/заключенные относятся друг к другу с недоверием и поддерживают социальную дистанцию. Каждая группа подчеркивает свои отличия и превосходство над другой, противопоставляет себя оппонентам.

Взаимная маркировка оппонентов

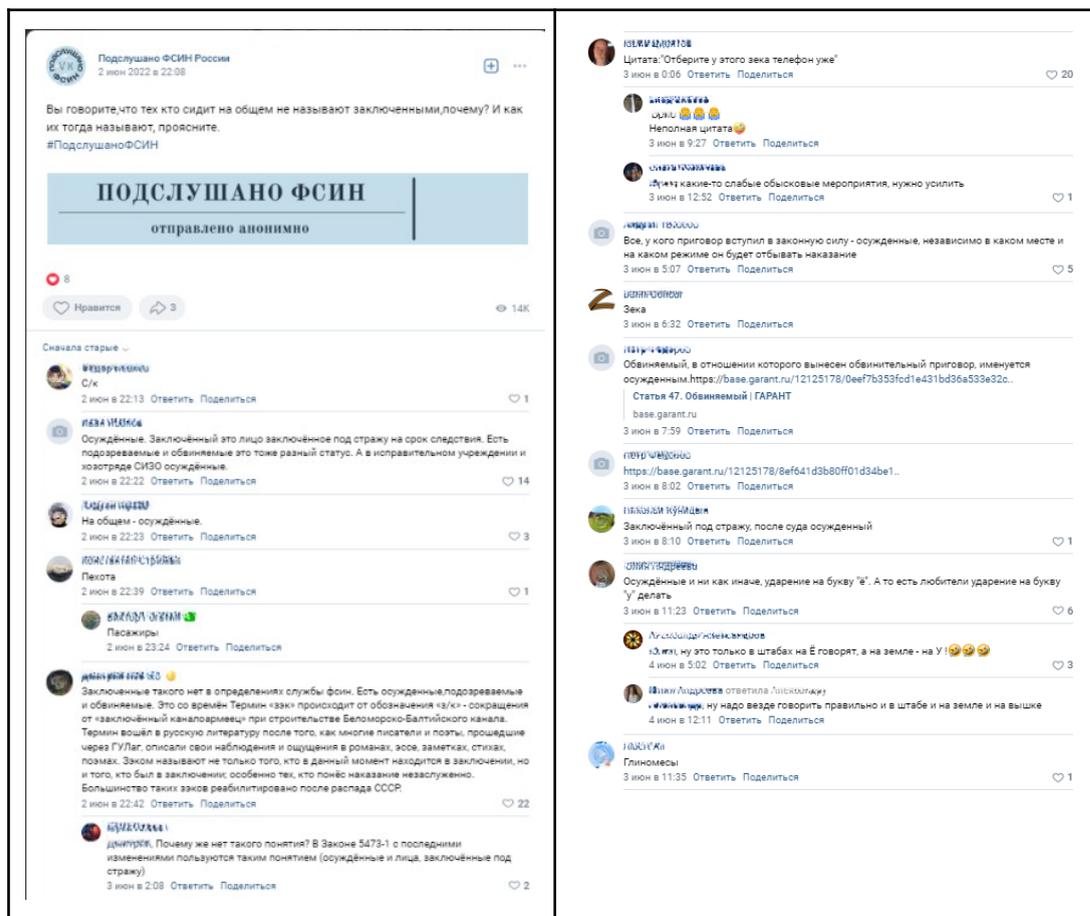
Уже на уровне языковых обозначений появляются сильные, бросающиеся в глаза ярлыки, способные оскорбить. Правоохранителям важно так или иначе отделить себя от тех, кого они охраняют, на кого они максимально непохожи.

*«В судах по условиям содержания, когда я заявила, что не было постельных принадлежностей, представитель ФСИН заявила: «потому что у нас не перевозка людей, у нас перевозка **спецконтингента**».*

Алия, активистка, имеет опыт заключения

³⁸ Owen, O. H. (2012). The Nigeria police force: an institutional ethnography (Doctoral dissertation, University of Oxford).

Ниже представлены скриншоты обсуждения из паблика сотрудников ФСИН о том, как стоит называть заключенных. Оговоримся, что высказывания в публичном пространстве и действия в реальной жизни могут отличаться.

Поиск языкового обозначения заключенных
Источник: [Пост](#) в сообществе сотрудников ФСИН

Аналогичным образом задержанные и заключенные противопоставляют себя сотрудникам. В нейтральной речи описание чаще всего происходит через упоминание функциональных ролей: «участковые», «опера», «конвоиры», «спецы», но в предложениях с оценочными суждениями могут встречаться более пренебрежительные оценки: «бабешки», «менты», «мусора», «звери».

«Мне не позволяют мои, так сказать, устои трудиться на администрацию, на мусоров».

Вениамин, имеет опыт заключения

В большинстве случаев правоохранители и заключенные, даже прекратившие работать и отбывать наказание, продолжают воспроизводить или как минимум замечать свою обособленность друг от друга, подчеркивать различия.

Группы поддержки оппонентов: свои и чужие

Правоохранители и заключенные имеют свои круги поддержки. Например, заключенные поддерживают друг друга, чтобы добиваться системных изменений.

«[Я приехал в место заключения, и те, кто там был, уже писали жалобы]. Сплоченности было меньше – один-вдвоем [писали]. По факту, они [заключенные] ничего не могут сделать. А так – нас собралось побольше, я это все организовал, собрал в кучку нормальных людей, и дело пошло-поехало. Потому что уже легче намного».

Артур, имеет опыт заключения

Правоохранители также имеют поддерживающие их в борьбе за права сообщества. И для правоохранителей, и для заключенных/задержанных действуют общественные организации, помогающие онлайн-площадки. При этом заметна подчеркнутая неприязнь представителей групп поддержки к оппонентам. Например, правозащитники могут отказать правоохранителям в поддержке и сочувствии.

«Сотрудники колонии тоже говорят: «А что это вы осужденными-то занимаетесь? Наши права тоже надо защищать, мы тут сидим с ними возимся, мы тоже страдаем». <...> Другой работы нет, предположим, поселочек, удаленный от центра, есть работа только в колонии. Они говорят, что эти срок свой отсидят, а мы здесь продолжим с утра до вечера каждый день на работу... А я им говорю, что ничем помочь не могу. Никто их тут не держит».

Арина, правозащитница

Так же и правоохранители, видя насилие, готовы не защищать пострадавшего, поскольку она принадлежит к группе задержанных. Альтернативная принадлежность пострадавшего, однако, меняет и отношение к нему.

«Один из них, даже когда после пыток, всего, когда меня туда завели, он спокойно начал со мной разговаривать: «Почему ты не скажешь?» Он когда мою фамилию услышал, [спросил]: «А этот, он кто тебе?» Он назвал имя одного человека. Я говорю: «Это мой двоюродный брат». «А почему ты раньше не сказал? «А то я б тебе чем-то помог там. Я с ним работал в ОМОНе». Потом он маску снял, с меня пакет снял, с головы, сигареты дал, воду дал. <...> [Его коллеги видели, что он снял маску], один из них сказал: «Почему ты маску снял?, он тебя запомнит, мало ли чего, он заявление напишет». «Нет, он свой пацан. Я, – говорит, – с его же братом работал».

Ильдар, имеет опыт задержания

Приязнь к «своим» и «сохранение лица» становятся важнее справедливого обращения с оппонентами. Так, правоохранители подчеркивали, что скорее заступятся за своих коллег и закроют глаза на что-то, чем осудят, даже если они не согласны с происходящим.

*«Если мент неправ, и при этом он здесь и сейчас, грубо говоря, в каком-то замесе кого-то бьет, то второй мент его будет поддерживать. Он, возможно, как-то это все [избиения] станет нивелировать, растаскивать, но он все равно будет вытаскивать своего в первую очередь. Потому что даже в таком столкновении, пусть оно будет словесное или физическое, ты всегда, как бы так сказать, всегда за своих. И если ситуация, что свой не прав, ты все равно будешь за него, скажем так, чтобы его вытащить. То есть **ты видишь, что он творит херь, что он***

может влететь, но ты его вытаскиваешь из этого, покрываешь. Я вам даже так скажу насчет личных переживаний, я знал, допустим, что вот этот человек – взяточник, и его тут хлопнули, и мне было его жаль, **потому что он свой, и все».**

Матвей, бывший сотрудник МВД

*«Нельзя показывать такие вещи народу, надо их тихонько сразу сжать на очень много [лет] <...> То есть это система целая. Ведь это поймали генералов – надо увольнять сразу кучу народу. Не только этих генералов, это окружение надо увольнять, потому что все всё знали. Это надо, не знаю. Не знаю, чего надо делать, но **надо делать очень тихо».***

Яков, бывший сотрудник МВД

Тот, кто критикует своих или сотрудничает с чужими, либо не соответствует «корпоративным стандартам», исключается из группы. Отношение к критике «своих» хорошо иллюстрирует обсуждение на форуме сотрудников МВД под постом о суициде молодого человека, который проходил стажировку в одном из отделений полиции. Он совершил самоубийство, оставив предсмертную записку, в которой обвиняет начальника УВД. Большинство комментаторов в обсуждении считают ответственным за случившееся исключительно самого молодого человека, используя такие описания, как «трус и эгоист», «трус и конь», «терпила и лох». Отдельно и с осуждением они отмечают, что стажер «мало того, сколько горя родным принёс, ещё и записку написал», и тем самым добавил проблем коллегам и «запятнал честь мундира».

С немногочисленными пользователями (в основном, с женскими именами в никнейме), которые, напротив, называют молодого человека «мальчиком» и предлагают разобраться, не было ли со стороны старших по званию (по их словам, известного своей жестокостью к коллегам) и системы в целом действий, которые можно оценить как доведение до самоубийства, многие спорят:

«Это только у нас в России 24-летние мальчики бывают. Потому что воспитывают мальчиков, а не мужчин и войнов. А потом валят- психологи не доглядели, начальник довел, с работой не справился, ВВК прохлопала, коллектив равнодушный, дежурный гад оружие вовремя не забрал. Все виноваты, всех привлечь, а что родители овцу жертвенную воспитали, а не мужика никто не предъявляет».

«Увязывать суицид и профдеятельность... наивно».

«Там что институт благородных девиц внимательно к нему относиться, больше сотрудникам заняться нечем, меня пацана двадцатилетнего на улицы выкинули одного без мамок няnek и со своим умом доходил до всего»

При этом собственный опыт столкновения с дедовщиной и жестоким обращением подается как нечто положительное («мы и не такого говна хлебнули, и ничего»), а исключение из сообщества происходит не только для самого молодого человека, но и для тех, кто высказывает к нему сочувствие:

«Наверное, тебе тоже сваливать надо, не для тебя эта работа раз такие мысли посещают».

«Девушка Вы уж извините но Вам надо детей расти, а не в милиции неокрепшую женскую психику ломать и свою материнскую любовь направить на маленьких дитишек, а не на 24 летних детей».

Примером похожего «исключения из своих» у заключенных может быть граница, которая проходит между арестантами и «быками» – также заключенными, но согласившимися применять силу по указу правоохранителей.

«Все мы сидим и ждем лагеря, когда в лагерь нас отправят. И тогда с тобой начинают опера работать, чтобы уговорить тебя остаться работать в хозчасти быками. Вот тогда они могут и избить тебя, и свинью тебе подложить какую-нибудь, также в камеру подкинуть или сотовый, или еще чего. Всякими такими незаконными методами шантажировать тебя, что, мол, у тебя статья вон какая, приедешь в лагерь, а мы стукнем, что ты, мол, на нас работал, на администрацию, там тебя сразу в обиженки засунут. Так что думай, оставайся. Это с молодыми так поступают. Поэтому много, до 50%, быков – это подставленные операми. <...> Над быками и глумятся, во-первых, мусора, а во-вторых, постоянно... То есть они чувствуют на себе такое брезгливое отношение от эков, что и те не считают за людей, и эти не считают за людей. То есть они меж двух огней оказываются. И там вообще может выжить только самый последний подонок».

Вениамин, имеет опыт заключения

Итак, разделение на «своих» и «чужих» происходит как на уровне бытовых практик, так и на лексическом уровне. В условиях общежития, когда смешение неизбежно, оно призвано поддерживать существующий социальный порядок, основанный на разделении.

Соседи по тотальному институту: совместное проживание и схожее положение

Тотальный институт, по мнению Э.Гоффмана, представляет собой «помесь соседского сообщества и формальной организации»³⁹. Действительно, помимо функционирования самого пенитенциарного учреждения, описания сотрудников и бывших заключенных включают и значительное число картин жизни рядом друг с другом.

«Я им [сотрудникам ФСИН] всегда говорю: «Грань между заключенными, подследственными и вами очень тонкая. Вы находитесь в одной лодке, в одном пространстве. Только каждый имеет другой статус, а жизнь, в общем-то, у вас проходит одна. Отличие только в том, что они в камере, а вы как бы на свободе, но в тех же условиях, в том же здании. Поэтому вам тоже нужна помощь».

Михаил, священнослужитель в СИЗО

³⁹ Гоффман Э. Тотальные институты / Пер. с англ. А. Салина; под ред. А. Корбуа. Предисл. Д. Шалина. – М.: Элементарные формы, 2019. С. 41

Правоохранители и заключенные⁴⁰ не только делят пространство одного учреждения (и его суровые условия), но и имеют много общих черт. Описывая свое положение, информанты упоминали бедность, ограниченные жизненные возможности и следы, которые система оставляет на представителях обеих групп, – стигму тотального института. Эта часть главы посвящена схожим чертам правоохранителей и тех, кого они задерживают или охраняют.

Соседство опасных иерархий

Администрация пенитенциарного учреждения распределяет права и имущество, устанавливает правила и надзирает за их выполнением. И это касается как правоохранителей, так и заключенных. Параллельно, «в тени», действует неформальная тюремная иерархия. Жесткость обеих систем становится повседневностью и для правоохранителей, и для их поднадзорных.

С одной стороны, правоохранители обладают властью над заключенными. По словам наших респондентов, эта власть практически неограниченная.

«Солдат же понимает, что он через два года – тогда служили два года – уйдет домой. И ему ничего не грозит. А в следственном изоляторе придешь, скажешь: «Еще раз увижу, что на кастрюле жирный налет, твое пребывание в следственном изоляторе продлится на полгода-год». Поэтому там было немножко другое. Что сказал – они тут же все исполняли беспрекословно. Солдат надо было гонять, а этим надо было только «мяу», и они уже все исполняли».

Елена, сотрудница ФСИН на пенсии, бывшая сотрудница МВД

С другой стороны, сами правоохранители могут испытывать жесткость и насильственный эксплуатационный характер своей служебной иерархии. Они вынуждены подчиняться любым приказам от старших по званию коллег.

«Очень жесткая иерархия. Абсолютное отсутствие какой-либо демократии, у подчиненных нет какого-то права голоса, хотя вроде как даже процессуально они иногда имеют право на это. Но к сожалению, по сути все сводится к тому, что то, что сказал начальник, то и надо делать, даже если ты с этим не согласен. Отношения тоже в коллективе соответствующие. То есть я увидел какого-то злого босса, злого начальника, который там сидит до 6-7 вечера, и пока он не уйдет, никто не встанет и не пойдет. Хотя вроде как рабочий день у них официально по ТК закончился, но раньше начальника никто не идет. Все пытаются выслужиться, все мечтают о повышении, все мечтают уехать и стать каким-нибудь прокурором района, жить хорошо и радоваться жизни. Все занимаются своими делами, работают, конечно, но без особого энтузиазма».

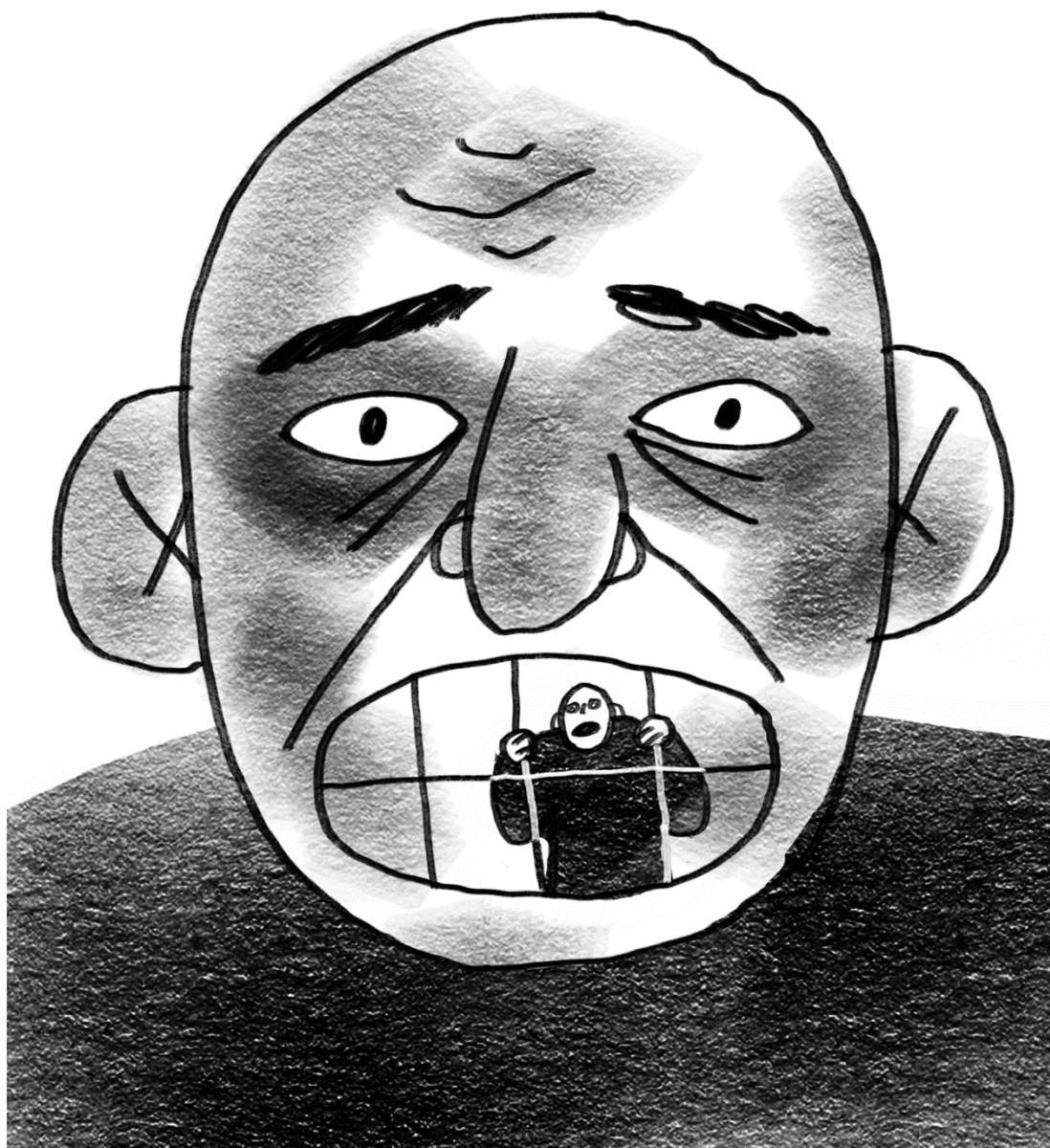
Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

⁴⁰ В этой части речь пойдет почти исключительно о заключенных, а не о задержанных.

Безусловно, правоохранитель может сменить работу и покинуть иерархию. Станислав в примере ниже так и поступил и в результате не только покинул жесткую иерархию, но и получил другой социально-экономический статус.

«Я не готов был к той роли марионетки, которой сказали – сделал. Сейчас я процессуально самостоятельный адвокат <...> И живу, и никто мне слова не скажет. Я захочу – в девять проснулся, захочу – в десять, захочу – ночью буду работать, то есть я сво-бо-ден. Как в песне: «Я свободен, словно птица в небесах». А в системе я бы сидел с утра до ночи, херачил бы как ненормальный, получал бы три копейки. И каждый на улице мне бы тыкал, плевал бы в спину: «Это мусор там идет, да, это мент». Почему? Потому что все знают, что в ментовке работают – такой стереотип сложен – люди нечестные, непорядочные, сами преступники, сами крышуют кого-то, чего-то, бьют кого-то, совершают преступления».

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

Однако на момент ухода из органов Станислав имел хорошее юридическое образование, что выгодно отличало его на рынке труда, как сам он отмечает, от других сотрудников. Многим другим правохранителям специфичность накопленного ими профессионального багажа практически не оставляет шансов на успешный переход к другому виду деятельности. Сама привычка существовать в иерархических отношениях и выполнять приказы делает этот переход тревожным.

«Страшно было, потому что смолоду я всю жизнь провела в погонах <...> Первое время на гражданке мне было очень тяжело, потому что я привыкла [говорить] «Да, так точно, есть». Поступил приказ, ты обязан его выполнять. Приказы командиров не обсуждаются».

Елена, сотрудница ФСИН на пенсии, бывшая сотрудница МВД

И персонал, и заключенные могут отмечать абсурдность и скептически относиться к правилам, которые во что бы то ни стало необходимо выполнять («я понимаю, что это глупость, он понимает, что это глупость, но у него вот такая инструкция»). В некоторых случаях тирания начальства в полиции или во ФСИН настолько схоже воспринимается представителями правоохранителей и их поднадзорными, что взаимная неприязнь между ними сменяется ощущением, пусть и кратковременным, товарищества людей в одной и той же тяжелой ситуации.

«Я даже знаю случай, в одном следственном изоляторе работал человек, сотрудник, его ненавидели все – и свои, и те, кто находился под стражей. Он ушел, его перевели, все вздохнули с облегчением. Причем сами сотрудники знали прекрасно, что его ненавидят. И те, кто сидели под стражей, тоже такие: «Ура-ура, его нет, слава богу, убрали!»

Арина, правозащитница

Теневая администрация, хоть и не имеет правового статуса и (по крайней мере официальной) поддержки государства, а опирается на криминальные ресурсы, все же обладает многими сходными с силовой системой чертами. Она тоже иерархична и построена по принципу жестко закрепленных статусов, сродни званиям.

Как и в иерархии правоохранителей, в «теневой вертикали» социальный лифт по-разному движется, когда едет вверх и когда вниз. «Порядочному» заключенному, как и рядовому правоохранителю, в принципе открыт путь наверх по иерархии (так, есть специальный статус «стремящихся», которые хотели бы приблизиться к воровской семье из «мужиков»; есть варианты выслуги). При этом если исключить примеры «блатных» (то есть наличия финансового и социального капитала), то в большинстве случаев параллельный путь тернист и связан с большим количеством рутинных поручений, необходимостью встраиваться и демонстрировать подчинение, унижаться. В цитате далее Евгений рассуждает о том, как устроен социальный лифт для правоохранителей:

«Все смирно, по струночке. Командир главный – командиру нужно обязательно “подсоснуть”, старшего подогреть – часы подарить. Все нормально, все четко».

Евгений, имеет опыт задержания

Для человека, плохо знакомого с порядками этих иерархий, либо не желающего в них встраиваться, социальный лифт будет заблокирован. Так, «первоход» – человек, впервые пребывающий в заключении, особенно не имеющий отношения к воровскому миру, – может стать «фраером», «лохом», над которым можно издеваться. Точно так же и «идейный» начинающий сотрудник, борец «за благое дело» не будет принят силовой системой – его либо отторгнут, либо подчинят.

«Представьте, наверху, например, кто-то хочет заработать деньги коррупционным способом и внизу дает устное указание: «По уголовному делу номер такой-то нужно, чтобы было принято вот такое решение. Я начальник, я так хочу». А человек, к которому такая просьба поступает, начинает задумываться: то ли начальнику угодить и просьбу эту выполнить, то ли навлечь на себя гнев. Именно один в один такие действия явились причиной моего ухода в свое время. Понимаете, когда говорят: «Почувствовал себя великим! К тебе уважаемые люди с просьбами обращались, а ты не выполнил. Пора уходить» <...> Бери деньги сам и делись. Либо уходи. Нельзя сидеть на мешке с деньгами – сам не берешь и другим не даешь. И когда я первый раз столкнулся с такой, назовем это нештатной, ситуацией, я уже был матерым старшим лейтенантом, который мог встать на совещании и генералу сказать: «А я, товарищ генерал, с Вами не согласен». И боковым зрением увидеть, как мои начальники, руководители, майоры, подполковники «втянули головы в плечи», потому что следующий вопрос генерала: «Так, подчиненный, встать. Кто воспитал?»

Борис, адвокат, бывший сотрудник МВД

Обе иерархии работают на поддержание порядка в коллективе. При конфликте на низших ступенях иерархии есть возможность делегировать переговоры соответствующим высоким позициям. И хотя, с одной стороны, в таких случаях ситуацию часто удастся решить мирно, не прибегая к насилию, с другой – у представителей «низшего звена» обеих иерархий нет гарантии, что решение учтет их интересы, а не интересы вышестоящих.

*«Там есть какая-то градация иерархичная: воры, бродяги, стремящиеся... В общем, есть люди, которые берут на себя ответственность, бремя авторитета, или у них уже есть этот авторитет. И они управляют. Они хотят каких-то благ, послабления от ФСИН, а ФСИН хочет, чтобы не было бунтов, побегов. Соответственно, **там возникают какие-то очень странные нормы**, типа... это обсуждаемая норма, она озвучиваемая, она очень глупая, но она озвучиваемая. Это не какая-то основная норма, но она доводится время от времени, где-то ее можно услышать. Не то, что ты живешь в колонии, и тебе сразу об этом говорят, но тебе говорят в какой-то момент, что **если вдруг ты решил бежать, то должен поставить в известность, то есть сообщить об этом вору**, который главный по подъезду, по области вашей, феодалу этой структуры. Это же бред. Очевидно, что он тебе будет выговаривать, потому что ему на х*й не нужны побег, особенно массовые побег, потому что это все будет приводить к давлению, к проверкам, закручиванию гаек. Это не нужно на х*й вору, скорее всего».*

Юрий, имеет опыт заключения

Нисходящее движение по обеим иерархиям связано с насилием и по большому счету не подразумевает механизма исправления, возвращения на верх иерархии. Правоохранители говорят о страхе, что «погоны полетят», откуда «одна дорога – в тюрьму». У заключенных потеря положения происходит в виде попадания в касту «обиженных».

«Обиженных за людей никто не считает <...> Никто, от этого никто абсолютно не застрахован. При мне в бараке одного в обиженку отправили, он бычки собирал. Ему раз замечание сделали, два замечания сделали. Он не понимал. Все, его в обиженные определили. <...> Его ведут к смотрящему лагеря всего. Там собирается определенный круг, и его определяют в обиженные. Потом делают объявление по всему лагерю, что такой-то такой-то с сегодняшнего дня обиженный. Вот и все. <...> Он опускается ниже травы, тише воды и глаз не поднимает, выполняет любую команду. Любой зэк ему может команду дать, что сделать».

Вениамин, имеет опыт заключения

Несмотря на то что культуры двух иерархий – официальной и теневой – построены на взаимном антагонизме, любой человек, находящийся в тотальном институте, будь он в погонах или в тюремной робе, чувствует на себе груз обеих и риск насилия.

«Вся эта система, ФСИН, она построена на психологическом насилии и дисциплинарности <...> Это работает и с заключенными, этими «мужиками», которые сидят там. [Их] гнобят, как-то давят на них, с одной стороны, теневая администрация, с другой стороны, реальная администрация ФСИН. А тут вот эти касты еще. Надо, конечно, над ними поиздеваться. Или там какие-то более слабые люди, твои же коллеги «порядочные», но можно из них сделать, например, «козлов», в смысле как-то подставить».

Юрий, имеет опыт заключения

«Права сотрудников не то что нарушаются, их некому отстаивать. Они у них есть, права сотрудника, но их никто не отстаивает, за них никто не борется, кроме как сами сотрудники, а сами сотрудники находятся под давлением. Вот если опять колония, они находятся на двух полях: с одной стороны давит руководство, а со второй стороны осужденные давят. Они под колоссальным давлением находятся».

Марк, сотрудник МВД и ФСИН на пенсии

Следы тотального института – стигмы

Выше мы показали, как работают некоторые негативные стереотипы в смысле шансов на задержание. Например, бездомность может повышать шансы на задержание полицией, поскольку общественный стереотип может говорить о большей опасности людей, не имеющих определенного места жительства. Так же работает стереотип о наличии судимости как черте неблагонадежного человека: правоохранители проверяют бывшего заключенного на причастность к новым преступлениям снова и снова. Настороженное отношение к человеку в связи с какой-либо его чертой вызвано стигматизацией. Стигмой называют «качество,

выдающее какое-то постыдное свойство индивида; причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него».⁴¹

Иногда говорят о низком уровне доверия общества к заключенным и даже задержанным, что можно связать со стигмой. Сам факт того, что человек был арестован, проходил через допросы, а тем более через заключение, словно делает его «запятнанным», портит репутацию, лишает доверия.

«Но уже в дальнейшем я понял: если ты судим, то никто с тобой даже разговаривать не будет».

Петр, имеет опыт заключения

Даже если внешне освободившийся человек выглядит благополучно, он, вероятнее всего, все равно сталкивается с трудностями. Судимому человеку может быть нелегко найти хорошую работу, жилье и иметь равный с другими доступ к материальным ресурсам. Кроме того, он может быть лишен уважения, доверия и признания со стороны окружающих в силу «штампа, стоящего на нем»⁴².

«Допустим, я сейчас захочу получить президентский грант. Я не захочу, но чисто теоретически. Я в категории «обвиняемый». Кто мне даст президентский грант? А никто не даст».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Для обывателя бывший заключенный также может казаться потенциально опасным или как минимум вышедшим из «другого мира».

«Когда мой друг вышел [из тюрьмы], я его встретил, я его очень много расспрашивал о том, как в тюрьме. Просто мое любопытство: какие законы, как. В моем понимании это совсем другой мир, он никак к человеческим понятиям не относится. Вот как мы на улице общаемся и в тюрьме – это все совсем разное».

Олег, участник фокус-групповой дискуссии

Так же как и заключенные, сотрудники правоохранительной системы, равно как и специфика их работы, не вполне понятны обычным людям. Знакомство «нормальных людей» со стигматизированными – одна из задач стигматизированного сообщества, призванная выделить, хотя и в позитивном смысле, отличие его членов. Характерно, что один из респондентов замечает, что в России не хватает просветительских программ о правоохранительной системе.

«Если в Советском Союзе была, наверное, политпрограмма, на заводах проводили, что пить нельзя, то сейчас с населением никто не работает. Никто не объясняет в школах, кто такой полицейский, кто такой прокурор».

Петр, имеет опыт заключения

⁴¹ E. Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y. : Prentice-Hall, 1963.

⁴² Keene, D. E., Smoyer, A. B., & Blankenship, K. M. (2018). Stigma, housing and identity after prison. The Sociological Review, 66(4), 799-815.

«Нормальные люди», не причисляющие себя к стигмам правоохранителя или заключенного, нередко предполагают, что отмеченным «печатью уродства» людям свойственно держаться своих, а не пытаться жить в обычном обществе со своим увечьем. Например, полицейским многие отказывают в способности эффективно менять работу не только потому, что специфические накопленные навыки не представляют ценности для другой работы, но и потому, что это сообщество видится стигматизированным, привлекающим «нездоровых» людей.

«Я всегда говорил, что ментально здоровый человек не пойдет в мусарню работать».

Участник онлайн-обсуждения

Аналогично существует мнение, что бывшие заключенные стремятся возвратиться в места отбывания наказания, где среди «своих» им комфортнее.

С одной стороны, стигма работает на внешнего наблюдателя: «нормальные» люди видят границу между собой и стигматизированными, выделяют их в отдельные сообщества, ставят под сомнение их нормальность, здоровье. С другой стороны, стигма чувствуется и изнутри самим ее носителем. Пребывание в тотальном институте оставляет след, заметный и неприятный для тех, у кого подобного опыта нет. Он также заметен другому носителю сходного следа. У правоохранителей и заключенных, в том числе бывших, повышается внимательность друг к другу, они с легкостью выделяют бывших соседей из общей массы окружающих. Известно, что они понимают положение друг друга лучше, чем внешние по отношению к ним группы «нормальных» людей. Так, например, в примере ниже бывший заключенный говорит о своей удивительной для непосвященных способности различать сотрудников правоохраны:

«То есть опыт жизни же тоже, как говорится...Я вам честно скажу, будет он идти без формы, сотрудник полиции, я имею в виду следователь либо оперуполномоченный. Участкового, может быть, я и не узнаю. Участковый ближе к людям, ближе к народу, он работает с людьми. А вот этих я вижу сразу: по походке, по выражению лица, по взгляду. Мы часто с женой идем, я говорю: «Мент идет». А она говорит: «А как ты это узнал?». Я говорю: «Так посмотри на него». Она смотрит, говорит: «Да человек как человек». Подходит, садится в машину, а у него на заднем сиденье фуражка лежит».

Петр, имеет опыт заключения

Такой же способностью относительно противоположной группы обладают и правоохранители.

«Он раз 10 становился заслуженным оперуполномоченным Российской Федерации. Вот он человек своего дела. Он видит всех. Мы с ним, когда в первый раз встретились лицом к лицу, а он стоит, зачитывает твое личное дело, ты должен назваться. И он на меня смотрит и говорит: «Это не ты». Понимаете, он просто на меня взглянул и сказал: «Это не ты».

Петр, имеет опыт заключения

После освобождения или ухода с работы ни заключенный, ни сотрудник ФСИН, ни полицейский часто не могут полностью выйти из этих ролей, ведь от «шрама» сложно избавиться. Отличие от других, «нормальных» людей может чувствоваться болезненно. Например, бывший заключенный видит четкую границу, отделяющую опыт прошедших тюрьму от опыта тех, кто такой строки в биографии не имел.

«Если бы не все эти моменты в моей жизни, которые я увидел, я, наверное, был бы совсем другим человеком. <...> Знаете, у меня есть еще такой приоритет: я когда у человека спрашиваю, что такое статья 105-я Уголовного кодекса, он стоит на меня смотрит, говорит: «Я не знаю», я [говорю]: «Какой же ты счастливый человек». То есть 105-я известная, это убийство. А когда человек говорит «я не знаю, что такое статья 105-я», я говорю: «Какой ты счастливый, ты ни разу не столкнулся с Уголовным кодексом». Просто ни разу. По-любому, когда человек где-то попадает, он достает книжку, Уголовный кодекс, начинает ее читать, и в итоге он запоминает, что это убийство».

Петр, имеет опыт заключения

Возможны различные варианты действий носителя стигмы. Кто-то остается в круге прошедших через тот же опыт, имеющих ту же «карьеру»: с этими людьми они ведут дела, работают, отдыхают, создают семьи.

«Пока я был в Анапе, созвонился со знакомым, с которым я познакомился в СИЗО. Его тоже освободили. Я ему позвонил, спросил на счет работы, он говорит: «Да, вообще не вопрос, где сейчас есть?» Я говорю: «Я в Анапе, отдыхаю сейчас в санатории». Он говорит: «Давай я приеду и тебя заберу?» «Да подожди, – говорю, – сейчас я отдохну три недельки, а потом я подъеду, куда ты скажешь». Мы встретились с ним и уехали туда, где он жил и работал. Где-то с полгода я, наверное, там проработал, может, чуть меньше. Потом он меня отправил к своему знакомому по электрике работать в другой город».

Виталий, имеет опыт заключения

Другие оказываются в круге схожих по стигме людей как бы случайно для себя самого.

«Есть такая штука, что полицейские держатся вместе. Это факт. И когда вы приходите работать в полицию, со временем гражданские друзья начинают отваливаться; ну, не то чтобы отваливаться – с ними меньше общаетесь. И вы в какой-то момент как будто бы проснулись ото сна, очнулись ото сна и увидели, что вокруг вас одни менты. Менты встречают с вами Новый год. Вы вышли замуж за мента, вы... у вас там всякие крестные менты. И вы понимаете, что это странно, но это невозможно остановить».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Еще один вариант поведения после формального выхода из тотального института – нарочито изолироваться от контактов с имеющими эту стигму.

«Главное – интересно всегда, когда люди уходят из лагеря, когда с ними прощаешься, они обещают писать, звонить, помогать, но стоит ему за порог лагеря выйти – день, два и все, и человек пропал. Это старые зэки нам еще в старом СИЗО объясняли. Это реакция организма, любой организм психологически, чтобы забыть ужас, что-то плохое, старается обрубить все концы, чтобы ничего тебя и твою память не связывало с этим».

Вениамин, имеет опыт заключения

Все упомянутые варианты поведения после расставания с тотальным институтом значимую роль в биографии человека отводят пребыванию в тотальном институте. И членство в стигматизированном сообществе, и радикальный отказ от него указывают на то, что этот «шрам» важен для его владельца.

Люди со сходным стигматизирующим опытом могут объединяться для обеспечения своих прав, особенно в части признания обществом. Кроме того, могут появляться официальные представители, амбассадоры таких групп (например, их задача – *«убедить общественность использовать более мягкие социальные ярлыки в отношении данной категории»*), СМИ и сайты, онлайн-сообщества (где *«формулируется идеология членов данной группы – их жалобы, надежды, политика. Называются имена известных друзей и врагов группы»*)

В любом случае стигматизированный человек, каково бы ни было происхождение его стигмы, *«может обнаружить, что чувствует себя неуверенным относительно того, как мы, «нормальные», будем идентифицировать и воспринимать его»*. Это общая характеристика распространяется и на заключенных, и на правоохранителей.

Соседство людей с низким уровнем жизни и ограниченными жизненными шансами

Несмотря на антагонистические позиции в момент задержания и заключения, правоохранители и заключенные могут иметь опыт соседства друг с другом в «обычной» жизни:

«Два человека [пытали], из них два сотрудника оказались, одного я так знал, а второго вообще не знал, он моложе меня на каких-то 10-11 лет. В ходе разбирательств в Следственном комитете я узнал, что он вообще сосед мой. Буквально переулочек у нас разница. Там буквально 150 метров».

Ильдар, имеет опыт задержания

У многих заключенных и персонала мест отбывания наказания довольно ограничены жизненные шансы. Как у правоохранителя, так и у правонарушителей нередко есть ощущение безальтернативности в выборе собственной карьеры. Не совершавшие преступления, но попадающие в поле внимания системы также нередко становятся объектом внимания из-за своей бедности (или сопутствующих проблем, таких как бездомность, зависимость и др.).

Хотя декларируемый смысл заключения – защита общества от преступников, «тюрьмы обычно заполнены бедными, уязвимыми, стигматизированными и бесправными людьми», скорее пострадавшими, чем опасными. Многие заключенные

«вышли из чрезвычайно бедных и разрушенных семей; значительная часть была безработными; уровень их образования, скорее всего, весьма низок; некоторые из них могли жить просто на улице и не имели никаких социальных связей». С этими фактами связано и слабое здоровье, как физическое, так и психическое. Кроме того, низкий социально-экономический статус связан с трудностями для близких заключенного сформировать посылку с едой, одеждой и другими необходимыми предметами, оплатить проезд к месту заключения в случае разрешенных свиданий.

Бывшие заключенные сталкиваются с пониженными шансами на получение хорошей работы. Помимо отсутствия социальной, в том числе трудовой, адаптации, играет роль и стигма пребывания в местах отбывания наказания. Бывшие заключенные чаще оказываются в серой зоне – например, по возможности не трудоустраиваются официально, чтобы не раскрывать свой статус судимого.

«У меня как-то было, работал на фирме, и я полгода не предоставлял документы. Они мне говорят, давай тебя официально устроим. «Не, не буду, – говорю, – не хочу». <...> Через полгода служба безопасности предоставила им всю информацию обо мне. И он [руководитель] мне звонит, говорит приехать в офис. Приезжаю. «А чего ты нам не сказал, что у тебя вот такое прошлое?» Я говорю: «Представьте, я вас первый день знаю, я прихожу к вам в офис и рассказываю всю свою подноготную и говорю: возьмите меня на работу!»

Петр, имеет опыт заключения

Поскольку повторно попадают в места отбывания наказания многие заключенные, можно уверенно говорить о том, что значительная часть находящихся там людей сталкивается с ограниченным выбором работы, а в случае неофициального трудоустройства – с заниженной заработной платой, отсутствием льгот и т.п.

Что касается правоохранителей, нередко выбор в пользу такой карьеры продиктован необходимостью закрыть самые базовые бытовые потребности, которые нет шанса удовлетворить иначе, например, с помощью служебного жилья.

«А соответственно, если нет опыта, куда ты пойдешь? Есть военный билет, можно пойти в правоохранительные органы, там отслужить какое-то количество лет и получить бесплатное жилье».

Арина, правозащитница

Трудоустройство в правоохранительные органы «по колее» после армии – не редкость. Отслуживших может привлекать ясность работы, схожесть рутины и социального мира; их также могут активно агитировать на такую работу. Серафим так ответил на вопрос о том, почему он выбрал МВД после службы в армии:

«На самом деле выбор был. Во-первых, все равно госслужба – это был в принципе единственный для меня знакомый мир на тот момент. Но при выборе участковым, в ГАИ, в ОМОН или в уголовный розыск я выбрал уголовный розыск».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Если говорить о восприятии своего материального положения самими правоохранителями, можно заметить, например, что большинство сообщений в [сообществе](#) сотрудников ФСИН и более 40% всех сообщений на [форуме](#) полицейских посвящено финансовым вопросам – уровню зарплат, возможностям получать льготы и т.п. Как и представители любых других специальностей, правоохранители без хорошего образования, связей и других параметров, способных повысить жизненные шансы, нередко оказываются перед крайне ограниченным выбором мест работы.

Оплата труда правоохранителей, несмотря на почти неизбежные переработки, многими расценивается как невысокая.

«В системе я бы сидел с утра до ночи, херачил бы как ненормальный, получал бы три копейки».

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

«Честно вам скажу, это были голодные времена».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

При этом работа в правоохране может ограничивать шансы во «внешнем» мире. Это своего рода параллельные пути, сочетание которых проблемно. Например, работу в полиции [можно совмещать](#) только с «преподавательской, научной и иной творческой деятельностью».

Таким образом, значительная часть заключенных и правоохранителей стабильно испытывают финансовые сложности. Культура материальной нехватки, особенно заметная внутри режимного учреждения, где возможности заработать или иметь необходимую вещь ограничены, становится в некоторой степени объединяющим основанием для обеих групп.

Оказавшись в застенках в любом статусе, люди сталкиваются со скудным бытом. При этом, если для более обеспеченных людей пенитенциарное учреждение – это временное снижение качества жизни, то для значительного числа как заключенных, так и правоохранителей скудный быт (в силу невысокого дохода)– привычные условия в течение всей жизни.

Соседство в суровых условиях

Итак, люди, в основном имеющие не самый высокий уровень дохода и возможностей, встречаются в пенитенциарном учреждении в ролях персонала и заключенных. Правоохранители и заключенные делят ограниченное пространство без возможности уединения, в котором едва ли имеют возможность повлиять на запахи и звуки. В этих стенах они строят свой быт – конечно, не общий, но местами схожий – и становятся свидетелями и участниками повседневной жизни оппонента.

В пенитенциарных учреждениях люди чаще всего живут скученно. Близость носит практически интимный характер. В описании СИЗО, колоний нередко упоминается запах, вещи, туалет. Это то, что тяжело принять новичку и что создает перманентные неудобства и психологическое давление на пребывающего в этом пространстве.

Таково общежитие тюрьмы – материальный мир, общий и для охранников, и для заключенных.

«Очень много курящих. Практически все. И безусловно, курение в камере. Это очень тяжело, дышать трудно. И потом вся одежда очень прокуренная. Это запомнилось».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

«Да, было неприятно, что это не особо чистое, не особо свежее, старое все такое».

Елена, сотрудница ФСИН на пенсии, бывшая сотрудница МВД,

«Я встретился с очень сложным, неприятным для меня даже физиологически миром, который мне было очень трудно как-то перешагнуть. <...> Сама атмосфера:ходишь в коридор, в котором двери с кормушками так называемыми, и уже сам дух, сам запах, само пребывание, потому что многие курят в камерах. Потом это, извините, такая низкая гигиена с точки зрения коридора, раздачи питания. Все это вместе. В камерах же и, извините, параша, туалет, и там же кровати, и там столы, и питание принимается, то есть все происходит в этом помещении. И курится, и когда окно они открывают, то дым весь и запахи все идут сюда. И когда заходишь в коридор, ты уже чувствуешь, что ты зашел не в какое-то учреждение, не в какой-то отель или в какое-то административное здание, а ты зашел в какую-то, извините, помойку. Это бьет очень сильно. И это преодолеть было очень непросто».

Михаил, священнослужитель в СИЗО

Само по себе пребывание среди множества людей, тем более тех, кого не выбираешь в соседи (а это верно и для заключенных, и для правоохранителей) – также суровое условие жизни в тюрьме. Человек все время на виду, причем это ощущают не только заключенные.

«В столовой мы ходили, как говорится, в один туалет. Я как женщина и зэки. Единственное, я брала с собой всегда какого-нибудь зэка. Я говорю: «Стой здесь, возле туалета, никого не пускай». <...> Чтобы никто не зашел, пока я в туалете. Не из-за того, что они хотели зайти, меня изнасиловать или еще что-то. Но чтобы не было неприятной ситуации, что начальник на толчке, а он случайно зашел. Поэтому при входе стоял парень, который на минуту-две никого не пропускал, говорил, что начальник в туалете».

Елена, сотрудница ФСИН на пенсии, бывшая сотрудница МВД

Возможностей остаться наедине практически нет, но все уважают это желание и пытаются помочь его реализовать, когда видят в этом необходимость. Например, когда человек накрывается одеялом с головой – это понятный маркер для окружающих. Как отмечал бывший заключенный Юрий, желание уединения – общее место для арестантов.

«А в тюрьме все-таки люди как-то немножко грустят о своей доле. И всем нужно какое-то уединение, и все очень понимают ценность этого».

Юрий, имеет опыт заключения

Несмотря на то что сочетание неприятных условий и вынужденного соседства может вызывать взаимную агрессию персонала и заключенных, оно также позволяет лучше разглядеть мир друг друга. Так, столкнувшись с правоохранительной системой становятся свидетелями жизненного мира полицейских и порой сочувствуют им.

«Если честно, они выглядели какими-то замученными, что ли. Потому что он [сотрудник МВД] рассказывает: «Вот я хочу уйти в отпуск, а начальник говорит: спецоперация [в Украине, начатая российскими властями в феврале 2022 года] закончится, тогда и уйдешь». В таком духе они все выражались – такие уставшие, несчастные, что им приходится всем этим заниматься».

Руслана, имеет опыт задержания

Нередко звучит мысль о том, что опыт пребывания в суровых условиях тюрьмы ведет к обострению чувства справедливости и жажде действовать. Так, и правозащитник Федор, и Тимофей, который работал в правоохранительных органах, а затем был заключен в СИЗО, считают, что именно прохождение тюрьмы способствует профессиональному и личностному становлению людей, работающих с законом.

«Настоящие прокуроры – это те, которые сидят в колонии. Вот они да, они разбираются в законе и готовы защищать, выступать. Они проанализируют закон. А те прокуроры, которые на воле, не сидевшие прокуроры, – это полуфабрикаты, это еще не готовые люди».

Федор, правозащитник

«Я не помню, в какой стране, по-моему, Индокитай, прежде чем получить статус судьи, кандидат на соискание судейского кресла проводит два месяца в тюрьме, в следственном изоляторе. И тогда он уже начинает думать: «А стоит ли избирать мерой пресечения заключение под стражу?» Поэтому здесь я бы тоже внес предложение о том, что перед аттестацией судьи он должен посидеть. Не в блатной тюрьме, а в нормальной, обычной. Чтобы посмотрел, как кушают, и так далее.

Только так [почувствовать это на своей шкуре], по-другому – никак. Никакие учебники, никакие статьи, ничего не поможет, ни фильмы».

Тимофей, имеет опыт работы в правоохранительных органах и опыт заключения

Безусловно, такие случаи есть, но есть и примеры обратного – когда система ломает человека, и он замолкает. Поэтому в условиях тотального института важна поддержка, межчеловеческие отношения, в какой-то мере если не противостоящие страшным условиям, то хотя бы позволяющие сохранить себя и свои взгляды. Некоторые ростки отношений сотрудничества описаны в следующем разделе.

Солидарность и сотрудничество

Тотальный институт работает на замену личности человека его ролью в учреждении. В первую очередь он воспроизводит границы между правоохранителями и заключенными, как показано в разделе об оппонентах в тотальном институте. В то же

время правоохранители и заключенные, живя бок о бок и будучи похожи, строят отношения, перекидывая как формальные, так и неформальные мосты контактов друг к другу. Неформальные мосты можно считать системными проявлениями если не солидарности, то хотя бы некоторого сотрудничества.

Первый вариант сотрудничества между правоохранителями и заключенными – их неформальные или даже коррупционные отношения, договоренности, позволяющие немного улучшить быт, условия содержания, воспользоваться запрещенным предметом

«Это не происходит, конечно, так, что приходит сотрудник ФСИН и тебе говорит, что есть такие услуги, они стоят столько денег. Конечно, все построено на личном контакте. То есть сначала ты просто шутишь и как-то контактируешь с человеком, просто с ним разговариваешь, общаешься, спрашиваешь, как дела. <...> Потом, если все получается, если ты понимаешь, что как-то контакт налажен более-менее, человек реагирует, ты в каких-то мелочах, я не знаю, дал ему пачку сигарет хороших, например. <...> Ну и так, постепенно-постепенно, в какой-то момент в каком-то закутке учреждения ты приходишь к разговору о том, как тебе, например, нужен телефон или что-нибудь такое».

Юрий, имеет опыт заключения

«Оплата» со стороны заключенного может быть как в деньгах, так и в услугах (например, написание реферата для успешного прохождения правоохранителем его учебной программы), она может идти не от самого заключенного, а от его близких на воле. Часто получение желаемого и «оплата» не происходят одновременно, а разнесены по времени. Таким образом, строятся отношения обмена «дарами», нерыночные и не вполне иерархичные, предполагающие некоторую симметричность. Эти отношения не только подразумевают относительную «равнозначность» правоохранителя и заключенного, но и подчас направлены на совместное нарушение правил, установленных в данном тотальном институте.

При этом, разумеется, асимметрия отношений между поднадзорными и надзирателями сохраняется: там, где для первых коррупционные практики зачастую являются единственным способом получить жизненно важные вещи (такие, как медикаменты), для вторых они всего лишь источник дополнительного заработка, от которого в случае чего можно и отказаться.

Второй вариант сотрудничества между правоохранителями и заключенными – деятельность для благополучного прохождения проверки контролирующими органами. И те, и другие заинтересованы в сокрытии упомянутой выше коррупции. Совместная работа на задачу поддержания красивого образа тюрьмы для внешнего мира, согласно Э.Гоффману, характерна для тотальных институтов. В момент начальственной проверки «постояльцы и персонал могут ощутить свое единство»⁴³, это некоторое солидарное действие, где и те, и другие выступают вместе и заодно перед представителями внешнего мира.

⁴³ Гоффман Э. Тотальные институты / Пер. с англ. А. Салина; под ред. А. Корбуа. Предисл. Д. Шалина. – М.: Элементарные формы, 2019. С. 130

*«В этот момент они выступают как союзники, а не отдельно, потому что проверка, если найдет какое-то говно серьезное, например, наркотики, или много-много телефонов, или PlayStation в колонии, это типа для всех плохо. Потому что они же понимают, почему, откуда это возникает – из-за коррупционных связей, которыми пронизаны сотрудники ФСИН местные, и это проблема не только заключенных, что они теряют свои коррупционные штуки. И из-за этого есть концепт ротации, но на деле это как бы работа в колонии, которая делится на разные сословия. **И сотрудники ФСИН выступают тоже сословием этого большого какого-то комьюнити [сообщества],** как есть сословие заключенных – мужики, смотрящие, козлы и опущенные, а есть сословие сотрудников ФСИН, и у них свои приколы, но они тоже, безусловно, часть комьюнити».*

Юрий, имеет опыт заключения

В ожидании проверки вышестоящими сотрудниками или визита журналистов рядовые правоохранители ФСИН обращаются к помощи «авторитетных» заключенных, то есть к неформальной иерархии, упомянутой выше. Это делается для того, чтобы вместе временно привести колонию в «презентабельный вид»: спрятать запрещенные предметы в специальные тайники, переодеться из спортивных костюмов в робы, убраться и пр. Таким образом, заключенные и правоохранители объединяются, чтобы сохранить свой общий внутренний порядок от внешнего критикующего воздействия.

По мнению Э. Гоффмана, ритуалы вроде проверки помещений и подготовки к ней могут в большой степени различаться от одного учреждения к другому. Однако уверенно можно говорить, о том что эта совместная деятельность правоохранителей и заключенных, направленная на формально общую цель (пройти проверку), имеет эффект, похожий на воздействие групповой терапии: отношения могут становиться более конструктивными. Неясно, приводят ли вообще такие формы сбрасывания ролей⁴⁴ к солидарности между правоохранителями и заключенными. Тем не менее даже эффект групповой терапии кажется нам важным для текущей ситуации в российских СИЗО и колониях, это возможный путь к взаимопониманию и проявлению солидарности в дальнейшем.

Повседневная форма сотрудничества – добрососедские межчеловеческие отношения: необременительные акты помощи, не прописанные в протоколе, но не являющиеся нарушением режима.

«Тожe шли ребята [правоохранители] навстречу. Бывает, что сигареты заканчиваются, тоже помогали, брали у кого-то, передавали. А в тюрьме первым делом от нервов больше человек курить будет. Сигареты быстро заканчиваются. Насчет этого – да, помогали».

Ильдар, имеет опыт задержания

⁴⁴ Там же. С. 140

Например, по опыту Алии, в СИЗО гендерные роли (мужчина и женщина) могли выходить на первый план по сравнению с институциональными (правоохранитель и заключенная).

«Прекрасное отношение – это, например, подать руку при выходе из автозака, помочь сумку затащить, дать кипяточку по просьбе, поискать таблетку, если голова болит, дать ручку с бумагой. То есть это все мелочи, которые они не обязаны делать, но без этих мелочей, безусловно, жизнь становится намного хуже».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Само по себе длительное пребывание в СИЗО и колонии и, соответственно, довольно продолжительное знакомство также ведет к неформальному, дружелюбному общению, в отличие от первого контакта заключенного с правоохранителем.

«Когда человек находится в СИЗО, у него так или иначе с администрацией и сотрудниками какие-то складываются неформальные отношения. Многие нормально общаются, на «ты», обсуждают, смеются и так далее. А когда их передают полицейским, полицейские их впервые видят, видят сразу в них изначально преступников или убийц. Начинают к ним всякие требования предъявлять, досмотры с пристрастием всех физиологических отверстий, людям это не нравится, люди начинают огрызаться, например, а те в ответ начинают их избивать. <...> Учить жизни начинают».

Владимир, правозащитник

Еще одна основа для дружелюбия – родственные связи и землячество.

«Допустим, в день час прогулки обязаны они [предоставить]. И некоторых выводят, пять минут проходит, они их обратно заводят. А у меня такого не было, я им говорю: «Я ровно час пойду гулять». И час там гуляю. У меня опять-таки во ФСИН работал мой двоюродный брат, его все знали, и помимо этого наш зять тоже работает во ФСИН начальником спецназа. Они все знали об этом, все сотрудники, которые там работали, и, может, из-за этого навстречу шли. <...> У нас регион маленький, почти все друг друга знают.

Ильдар, имеет опыт задержания

Таким способом получается сопротивляться «казенной» категоризации людей, предлагаемой тотальным институтом, за счет того, что есть другая категория – земляк, родственник.

Выводы

Тотальный институт способствует воспроизводству отношений насилия и доминирования. Порядок поведения в правоохранительном учреждении предполагает наличие ролей преступников и охранников. Антагонизм между этими ролями выражается и в характере дневной рутины, и в пространстве (у одних – камера, у других – коридор и кабинет), и в способах называть друг друга. Сторонники одних не склонны помогать другим. Это противостояние связано с практиками дисциплины и насилия в тотальном институте.

Тем не менее многие черты тотального института схоже работают как для правоохранителей, так и для заключенных. Например, для обеих групп действуют жесткие иерархии, в любой момент способные санкционировать насилие. Обе группы носят печать тотального института – стигму: внешний мир не вполне принимает его выходцев, будь то охранник или заключенный. К тому же сами выходцы часто чувствуют свою инакость, незримую стену между собой и остальным миром. Правоохранители и заключенные сближены, имеют общий опыт пребывания в тюрьме, в чем-то живут аналогичной жизнью. В обеих группах много людей с невысокими жизненными шансами, низким доходом. И те, и другие сталкиваются с суровым бытом. Режимы формального учреждения и соседского общежития смешиваются.

При всей функциональной пропасти, пролегающей между заключенными и правоохранителями, их положение в тюрьме и даже социально-экономический класс, к которому они принадлежат, нередко тождественны. Их общие черты и совместное пребывание в тотальном институте порождают отношения соседства и даже добрососедства, взаимопомощи, пусть иногда и в возмездной форме, к примеру, в связи со скудным бытом. Изредка можно видеть проявления солидарности или ее предвестников.

Сложно говорить о полноценных практико-ориентированных рекомендациях, направленных на развитие солидарности между правоохранителями и заключенными в рамках тюрьмы. Возможно, полезно выделить области и типы отношений, противостоящих разделению ролей в тотальном институте, такие как неформальная оплата услуг и послаблений, коррупция, совместная подготовка к проверке, акты бескорыстной помощи и проявление вежливости, укрепление контактов на основе, например, землячества или времени, проведенного вместе правоохранителями и заключенными.

Агентность⁴⁵

Бороться в одиночку против системы чрезвычайно сложно. Расследование дела, вынесение приговора, апелляции – все это занимает годы и требует огромных финансовых вложений. Заявитель должен быть готов из раза в раз повторять свою историю, разбираться в бюрократических деталях, сталкиваться с неприятием со стороны следователей, прокуроров, судей и своих знакомых. В свою очередь сотрудники полиции обнаруживают себя погрязшими в задачах и документах, следователи проводят часы в очередях в СИЗО⁴⁶, чтобы допросить обвиняемых, охранники в колониях вынуждены выполнять свои обязанности независимо от их собственного видения справедливости. Словом, все вовлеченные в происходящее

⁴⁵ Способность и возможность действовать согласно своим интересам

⁴⁶ Гладарев, Б. (2011). Профессия «российский милиционер»: условия службы и внутренняя институциональная логика. Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен, 113-143. Khodzhaeva, E. (2011). «Частное» и «публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания). Laboratorium. Журнал социальных исследований, 3(3), 18-52.

участники сталкиваются со своими трудностями и каким-то образом объясняют их для себя.

В приведенных ниже цитатах можно видеть, насколько похоже звучат высказывания о системе у представителей разных групп людей. Подобные высказывания часто повторяются и призваны оправдывать неизбежность существования системы и невозможность борьбы с ней.

«Как эту систему поменять? Мне кажется, ее никогда не поменять. Как они были безобразники, так они и останутся безнаказанными. Эта система уже идет, крутится, незнамо как. Эту систему, мне кажется, уже не поменяешь».

Анна, мать убитого правоохранителями

«Слишком депрессивно было бы ставить целью что-то поменять, потому что непонятно, как это делать. В общем, да, у меня не было цели ничего поменять».

Василиса, бывший член ОНК

Как видно из цитат, нередко участники решают уступить системе, отказаться от действия, даже пытаются найти плюсы в своем опыте, чтобы пережить его. Чтобы проанализировать, как это происходит и становится рутинной, в данной главе мы обратимся к понятию *агентности*. Агентность мы определяем как способность и возможность человека принимать самостоятельные решения и приводить их в действие. В данном исследовании мы утверждаем саму возможность людей действовать, но считаем, что в условиях неравенства и жесткой структуры агентность может быть ограничена или отсутствовать вовсе и что есть внешние и внутренние факторы, которые способны ее увеличивать и уменьшать.

Система устроена таким образом, чтобы убедить людей в разумности ее существования и ограничить агентность тех, кто с этим не согласен. Мы не знаем, сколько людей молчат об опыте переживания государственного насилия, но есть и те, кто рассказывает о своем опыте и пытается привлечь виновных сотрудников к ответственности. Несмотря на то что мы всегда говорим про взаимодействие отдельных людей, происходящее часто воспринимается как борьба «человека против системы», где система берет человека измором. Человек лишается сил вполне буквально: у него уходят время, деньги, пропадают мотивация и энергия защищать себя и свои взгляды.

Из предыдущих глав видно, что борьба между правоохранителями и задержанными/заключенными напоминает футбольный матч на наклонном поле: технически она возможна, но шансы сторон изначально не равны. Во-первых, устройство системы часто провоцирует насилие и безнаказанность тех, кто ей лоялен, а во-вторых, в силу неравенства внутри системы чаще всего попадают именно те люди, для которых сопротивление представляет наибольшую сложность.

В собранных интервью мы встречались как с позицией смирения, так и с желанием противостоять системе. Мы постарались разобраться в том, какие обстоятельства способствуют утрате или, наоборот, приобретению ощущения, что человек в состоянии влиять на ситуацию.

История Платона (продолжение)

– Я еще в отделении пока был, включил телефон, прямо в опорном пункте. Снимать-то не смог уже, конечно. Я не ходил даже, не шевелился. Рука не поднималась, а просто работала. Руки, ноги – ничего. Но телефон я включил.

Это потом сыграло. Из-за этого получилось так, что мы в суде уже просто сумели доказать, что я там был. Потому что когда я телефон включил, там сразу эсэмэска: от банка, и кто мне звонил – все это приходит, вышки же ловят. И в это время начальник уголовного розыска сам разговаривал по телефону, в эту же секунду прямо. И получилось так, что в одну и ту же секунду у нас одни и те же точки, в биллинге это все можно было показать. Для меня это было хорошо, конечно.

– Скажите, а когда Вас похищали и туда завозили, свидетелей не было?

– Нет, у меня потом и дети ходили спрашивать, и адвокат ходил. Не помогло. Это утро было, и не было никого. Но была камера, хотя записи мы так и не получили, запись изъяли.

– Простите за наивный вопрос, но когда Вас били и когда Вы находились в этом месте, Вы, помимо физической, понятно, ужасающей боли, что еще ощущали?

– Мысли-то были. Первым делом, думаю, если выживу, нужно запомнить все, не забыть ничего. Я, конечно, запомнил, что мог запомнить. И еще, когда они меня пытали, я про себя думал: ладно, сейчас я подпишу – я готов уже был подписать в одно время даже, – а мне потом скажут: «Зачем ты это сделал?» И что я отвечу? Что не смог выдержать пыток и подписал? Опять думаю: не поймут меня. Так что я не стал ничего подписывать. Я был уже до такой степени избит, что я уже боли не чувствовал. Я же после них трое суток в реанимации пролежал.

– Вы сразу же врачам объяснили, что случилось? Вы в сознании были?

– Да, да, да. Я сразу все написал, сказал, что я был избит. Жена у меня сразу даже Бастрыкину написала, позвонила. В горячую линию опять-таки. Этим-то все равно нужно было как-то отчитаться – факт же есть. Сразу приехали полицейские: «Что случилось?» Потом Следственный комитет приехал, также объяснительную взял. Итого я пролежал 27 дней больнице.

Пока я лежал, у меня супруга вышла на Комитет против пыток. Через знакомых. Они говорят: такой-то Комитет есть. Приезжает от них человек. Говорит: «Если пойдешь до конца, мы будем тебе помогать все вести, все дело». Я говорю: «Хорошо». Я готов был идти уже до конца, это понятно. «Но имей в виду, – говорят, – этим не закончится, будет длиться пять лет, может быть, до пяти лет длиться будет». Я думаю: как так пять лет длиться будет?

А тут еще приезжает начальник полиции и говорит: «Давай, заявление свое забери. Мы тебе поможем». Я говорю: «Уже помогли. Ничего забирать не буду». Потом приехал сам начальник УГРО, который меня избивал, и тоже мне угрожал. «Забери заявление, и я тебя – в полную безопасность». Откуда, говорю, какая безопасность? Мне нечего опасаться-то, кроме тебя. «От меня ты, – говорит, – безопасность и получишь».

Следственный комитет уже тоже: «Может быть, заберешь?» Потому что город маленький опять-таки. Следственный комитет и МВД все равно взаимодействуют. Я говорю: «Нет».

Потом звонят бандиты местные: «Так и так, из-за тебя мы попадаем». Я говорю: «Из-за меня? Чем я вам пересек дорогу?» «Ты, так и так, начальника УГРО не трогай, забери заявление. И нам будет хорошо». Я говорю: «Нет, не буду». Потом звонит вор в законе мне какой-то левый: «Дружище, забирай! Тебе все равно сюда на зону ехать». Я говорю: «Нет. Ехать, может, и ехать, но я забирать ничего не буду». Я в больнице лежу, мне уже без разницы – выживу, не выживу. Я уже понаглее говорил. Говорю: «За полицейских вписываешься?» Он сразу взял и трубку скинул.

Я более-менее ходить начал, вышел из больницы, решил до конца идти. Поехал с адвокатом на экспертизу. У меня метки взяли эти, химический анализ, и заключение дали, что на теле есть металлизация, так что у меня было доказано, что был электрошокер.

Потом были еще от КПП [Комитета против пыток] психологические... Как они называются? В общем, психологи мне серьезно помогли. Прошел тогда с ними и экспертизу, и реабилитацию, и все равно у меня состояние уже не очень хорошее было.

Предложили нам еще в Комитете в санаторий поехать. Я там неделю побыл. Ко мне стучатся, я дверь открываю, а там те же ребята стоят! «Чего, – говорят, – поехали?»

– Это опять та же группа полицейских?

– Да, да, да. И он мне опять в руки наручники, и все, поехали. Взяли, говорят, ордер на мой арест. Меня увезли зимой. Жену с ребенком оставили, меня – в автобус и увезли.

– По этому же делу так называемому? По похищению женщины?

– Да, да. Пока ехал, у меня жена опять адвокатов подняла, адвокаты тоже приехали. И мой адвокат говорит: «Слушай, мне показали твое дело. Давай признавайся». Я говорю: «В чем признаваться-то опять?» «Там, – говорит, – все есть». Я говорю: «Ты видел?» «Видел. Там, – говорит, – пятьсот процентов доказано, что это ты». Я говорю: «Как так? Да нет меня там». Адвокат такой: «Пошли. Сейчас попрошу, чтобы ты сам посмотрел».

Заводит меня к следователю и показывает два тома уголовного дела, уже готовых, на меня. «Вот, – говорит, – смотри». Следователь мне показывает сигареты, которые мне ребята через этих ментов давали в тот вечер, когда меня избивали. Сигареты это были «Филд» с белым фильтром. И в деле уже экспертизой доказано, что ДНК моя. Как будто она с места похищения, удержания этой женщины, нашли эти сигареты.

Ладно. Показывает мне дальше два волоска – я коротко стригусь, у меня сантиметр волос – опять ДНК показывает, там уже экспертиза стоит – моя! Мол, с места происшествия, преступления.

Хорошо. Мне адвокат уже говорит: «Этого хватит тебе?» Я говорю: «Нет. Это все забрали, пока били». Я пытаюсь все объяснить, хоть и при ментах, но ментам-то по херу уже. Адвокат-то еще не понимал ничего, он думал, что я ему вру, что это я был. С такими-то доказательствами как не я?

Но я опять не подписал ничего. Он говорит: «Плохо, что не подписал. Это очень плохо. Получишь по максимуму, они сейчас постараются». Потом заходит этот же...

- Начальник уголовного розыска?

- Да, да. «Признайся, – говорит, – и получишь минимум. Я тебе гарантирую, лет шесть-семь получишь». Я говорю: «За что?» «А так положено, – говорит, – пятнашку получишь». Короче, покусались мы с ним немножко, поругались, и он ушел. Я не подписал, и меня закрыли...

- Вы не подписали предъявленное обвинение, признание? Чистосердечное признание?

- Да, да. Итого меня закрыли в ИВС до суда. Там нам говорят: «Готовьтесь, сейчас этапировать⁴⁷ вас всех будем туда – на зону. Платон, сейчас поедешь в больницу, там быстренько тебе добро дадут». А я-то еще с тросточкой хожу, хромаю. Я говорю: «Нет». Но меня свозили в больницу, и там и правда говорят: «Здоровый. Давай вперед! Обратно в изолятор».

Ребята в камере мне сказали: «Если уж тут прошло, если сказали, что здоров, значит, на зону поедешь». А у меня какое-то прямо чувство было, я говорю: «Ребята, не могу поехать, чувствую, что я не поеду». «Такого, – говорят, – не бывает». И тут через полчаса заходят к нам, говорят: «Ну все, суд, сейчас съездим быстренько, в силе решение оставляют, и поедешь на зону». Я говорю: «Ну ладно уже». И мы поехали в городской суд.

Приезжаем... И тут мне судья: «Освободить». Без подписки, без домашнего ареста, без ничего, просто чисто «освободить».

⁴⁷ Принудительная транспортировка заключенных к месту заключения.

Мы даже не поняли, почему это так случилось. Не знаю, может, Следственный комитет, может, из-за того, что я отказывался. Я не знаю, почему так все случилось, но меня просто выпускают.

- Прямо на заседании суда? Вас в ИВС обратно уже не возили?

- Нет, меня в ИВС отвезли, чтобы я собрал вещи, но я уже без конвоя, без ничего. Но выпустить-то выпустили, а дело-то осталось. Начали уже бодаться со всеми. Адвокат же у меня был. «Час суда»⁴⁸ приезжал. Они даже снимали, есть даже фильм про меня – как все это было.

- В смысле программа «Час суда»?

- Да, да, да. Я говорил про сигареты, которые с белым фильтром. Там ведь доказали, что сигареты мои. Мы ходатайство написали, чтобы сигареты проверили. Потому что как раз те родственники, которые занимаются продуктами питания, сигаретами, – они знали, что в 2015 году эти сигареты не могли быть с фильтром. И мы ходатайство написали и попросили, чтобы экспертизу дали, чтобы понять, когда выпущены были сигареты.

И, блин, приходит ответ, что они были выпущены как раз в тот день, когда эту женщину похищали. Так что в отделении они тогда еще никак не могли быть. Преступление 2015 года, а сигареты 2016 года оказались. Вот так. Раз на то пошло, давайте и волосы проверим – мои, не мои? Мы отдаем их на экспертизу. Выясняется, что они отрезаны. Отрезаны, значит, я же не мог их себе сам отрезать на месте преступления?

Тоже под сомнение попали. Еще и биллинги.

Статья эта, правда, на мне так и висит сейчас. Несколько раз хотели просто прекратить дело в связи с непричастностью, но не получается. Почему – я не знаю. Ответа на это мы так и не получили. Приостановлено, да, и все.

- А что со встречным иском против полицейских?

- В самом начале, когда жена набрала Следственный комитет, приехал второй отдел по особо важным делам. Они арестовали начальника УГРО. Два дня он со мной тогда посидел в соседней камере. Потом его освободили, правда, потому что они там все заодно.

Мы опять писали. И с января его верхушка закрыла, начальника УГРО, в изолятор уже. Председатель суда пишет письмо в верхушку, чтобы суд рассматривался в другом районе, потому что полицейские взаимодействуют с судьями, потому что друг друга все знают, в связи с чем наше дело отправили в другой район. И опять больше года шли суды. И вот там их уже осудили на три и три года обоих. Правда, вышли они уже. По УДО.

⁴⁸ Постановочная шоу-программа, имитирующая частные судебные разбирательства. Транслировалась по российскому телевидению в 2004-2012 гг., и была направлена на ликвидацию правовой безграмотности телезрителей.

Власть над телом

Применить насилие к человеку означает проявить власть над его телом, здоровьем и жизнью наиболее прямым образом.

«Изначально, да, [было страшно,] честно говоря. А потом, спустя время, я уже готов был умереть. Как есть говорю. Все параллельно стало. То есть первые два часа, ну три, то есть... Пытка электричеством, там туда-сюда... Первое время, когда я думал: вот сейчас я умру».

Ильдар, имеет опыт задержания

Подчинение через телесность может проявляться не только в причинении физической боли и страданий. Управление позой человека при конвоировании также является способом отобрать агентность у задержанного или заключенного. Контроль над положением тела может вселять ощущение контроля над личностью, внушать страх ему или свидетелям такого контроля. Отдельной проблемой является то, что такое отбирание агентности может восприниматься как нечто, не имеющее альтернатив, часть нормы.

«ФСБ, когда конвоируют или задерживают кого-то, когда ведут кого-то в суд, даже если человек не сопротивляется, они почему-то его наклоняют, руки у него за спиной, и человек наклоненный с поднятыми вверх руками, и при этом они еще кладут ему руку на голову, и в таком полусогнутом состоянии человек идет, садится в машину, выходит из суда. При этом человек еще не осужденный. <...> Я написала запросы в конвой, и в ФСБ конвой, и обычный конвой: «на основании чего вы нагибаете, сгибаете человека буквой «зю», руки назад, голову ему пригибаете? Чем это регламентировано?» Понятно, что они мне отписки написали. И я просила, чтобы адвокаты этим занялись, потому что нужно, чтобы они это сделали, но они не занялись. Очень жаль, потому что это какие-то вещи, к которым мы почему-то привыкаем и не задаем вопросы, зачем, почему человека водят все время в таком унижительном положении, причем его еще фотографируют».

Ольга, бывший член ОНК

То же касается и пыточных условий содержания человека в системе: не обязательно непосредственно прикасаться, чтобы вызвать телесные страдания.

«В одном из зданий тюрьмы, внизу, в подвале, ни окон не было, ничего не было, и вода была по щиколотку всегда. Она стекала со стен и постоянно по щиколотку, и под потолком рой комаров и зимой, и летом. Были дощечки кинуты по хате, по камере. Ты только по дощечке мог идти, потому что плескалась вода по всему полу. И ты спал весь завернутый, влажность дикая, к стенке нельзя прислониться, потому что по ней вода стекает».

Вениамин, имеет опыт заключения

Задержанные и заключенные ищут способы вернуть себе агентность. Иногда они пытаются применять силу к правоохранителям, однако, как правило, это заканчивается для них еще большими проблемами. В результате зачастую единственным способом утвердить свою позицию становится голодовка или намеренное нанесение себе вреда (членовредительство).

«Короче, один сотрудник начал на кого-то выражаться нецензурной бранью. Тот на него напал. У них чуть ли не до драки не дошло. Тот заключенный, когда в камеру зашел, себе вены вскрыл и позвал этого самого. Открыли окошко. Там же в дверях окошки стоят. И он выплеснул свою кровь в коридор. Из-за этого тоже был бунт. То есть похабно сотрудник СИЗО повел себя перед заключенным».

Ильдар, имеет опыт задержания

Установление контроля над телом человека неразрывно связано с лишением его прав, а значит, агентности. Лишение прав в юридическом смысле не может обойтись без «побочного эффекта» для телесности. Так, лишение свободы как абстрактное действие сопровождается физическим нахождением человека в суровых условиях исправительного учреждения, долгое время ожидания тоже «приковывает» человека к одному месту физически, и т.д.

«На улице она находилась с полпервого до 6 утра. Это пять с половиной часов. Это при том, что температура в апреле была не более четырех градусов. Она была в коротком платье, в колготках. Потом в отделе полиции мы находились... в 6 ее привезли, я уже приехала около 8 часов, и часов в 12 мы, наверное, оттуда уехали. И с 12 до где-то 19:00, до 20:00 часов мы находились в УКОН. Буквально час-полтора мы находились в кабинете, а остальное время мы сидели тупо в коридоре. Потом поехали в Следственный комитет. В Следственном комитете мы находились до 02:15. То есть, где-то с 21:00 почти до половины третьего, причем в полтретьего ее увезли в ИВС, и в ИВС она поступила только в полчетвертого утра».

Кристина, мать задержанной

Угрозы

Угрозы, связанные с физическим насилием, работают схожим с применением непосредственного физического насилия образом. Однако существует ряд других угроз, которыми пользуются правоохранители и сотрудники ФСИН, чтобы подвести человека к принятию правил, диктуемых системой, и отказу от сопротивления. Так, задержанного могут шантажировать более жестким наказанием, арестованного – помещением в камеру с неприятными ему людьми, заключенного – лишением права на УДО, передачи, свидания, переписку или помещением в СИЗО. Порой правоохранители способствуют смене статуса человека в тюремной иерархии, чтобы его шантажировать.

«А хозяина это бесило: ему надо было загнать меня в петушатник⁴⁹, чтобы я стал управляемым, чтобы не писал жалоб, потому что петушатники... Они же ведь совсем ничего не могут».

Артур, имеет опыт заключения

Еще один вид угроз, применяемых правоохранителями к задержанным и заключенным, правозащитникам и свидетелям, – это угрозы их близким. Одну из таких историй нам рассказала юрист из «Команды против пыток».

⁴⁹ Камера, где собирают лиц, совершивших преступления сексуального характера или маркированных в тюремной среде как низшие касты по признакам сексуальной ориентации (в том числе склонённых в месте заключения к половым связям принудительно), т.н. «обиженных», «опущенных», «петухов».

«За год до этого ее [пострадавшую] брали под стражу, она 10 дней провела в изоляторе временного содержания, и ее отпустили, потому что не смогли выдвинуть обвинение. Она на тот момент не признала за собой вины. Тогда же, год назад, угрожали ее сыну, но сын был несовершеннолетний, и она была более спокойна. А в этот раз сыну уже исполнилось 18. Она испугалась и подписала. Ее взяли под стражу и дали ей срок семь лет за якобы убийство соседки».

Арина, правозащитница

Угрозами в качестве инструмента присвоения агентности пользуются и задержанные, однако наши респонденты-правоохранители упоминали такие угрозы только с пренебрежением.

«И он там начал: «Да вы знаете, кто я? Да у меня сестра в Генпрокуратуре. Да вы, да я вас всех сейчас тут засужу!» Я не вытерпел, встал, пинка ему дал, сказал: «Ты если свой рот не закроешь, я сейчас отца сюда заведу этой девочки, а сам выйду отсюда. Он тебя порвет немножко, – говорю. – А потом мы скажем, что ты сам упал, мы все рапорта напишем, что ты сам, такого мы тебя задержали. Поэтому ты давай не умничай здесь».

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

Наиболее действенными оказываются угрозы легалистского толка, а также связанные с привлечением общественного внимания.

«У меня три судьи поменялось, все от моего дела отказывались. Потому что тухлое дело, никаких доказательств, ничего нет. А тут еще общественность подняли, на Ютубе ролики, потом фильм сняли, второй уже фильм сняли. И уже поняли – дело тухлое, сейчас мы его посадим, нас потом порвут».

Даниил, имеет опыт заключения

Солидарность между задержанными в этой линии поведения подчас приводит к подвижкам даже в самых сложных случаях. В цитате ниже Павел рассказывает о том, как вся колония угрожала администрации членовредительством:

«А когда шесть тысяч человек встанут и говорят: «Если не вызовете медиков, пацан умрет, мы все вскроемся». Им деваться некуда, им приходится сообщать. Администрации просто деваться некуда, выбора нет».

Павел, имеет опыт заключения

«Перетягивание» агентности может происходить и между правоохранителями. Поддержка и особые полномочия того или иного сотрудника могут закончиться, если под него «копают». Так, направленная служебная проверка может быть опасной для карьеры правоохранителя. При этом наши собеседники намекают на существование практики фабрикации результатов служебных проверок, а значит, их можно использовать в качестве угрозы.

«Есть, не знаю, вы поняли меня, система собственной безопасности. И, понимаете, они тоже должны чем-то заниматься. И у них в год должны раскрытия преступлений быть. Сотрудники должны одни воровать, другие

что-то делать неправильное, третьи еще что-то, уголовные дела подделывать. То есть палочная система и в отношении сотрудников должна быть. Вот и все».

Марк, сотрудник МВД и ФСИН на пенсии

Впрочем, для того чтобы избежать служебной проверки, в ситуации конфликта правоохранители могут документировать применение к ним силы «на всякий случай», особенно когда гражданин угрожает жалобами.

«Тогда мне все это было очень неприятно. Я по сути ее не хотел отправлять, я материал больше собрал из страха, что материал может быть собран на меня и полицейские именно так и делают, что 318 проще собрать вперед, чем на тебя превышение будет собрано».

Матвей, бывший сотрудник МВД

Унижение человеческого достоинства

Унижение – еще один пример инструмента, способного сильно ранить. Унижение может быть дополнительным эффектом от применения двух уже перечисленных приемов – телесного подчинения и запугивания – например, когда человека помещают в условия, которые кажутся ему оскорбительными, либо когда унижение связано с присвоением социально опасных статусов, как это бывает в заключении. В этом параграфе мы подробнее остановимся на не связанном с физической болью и опасностью унижении.

Пострадавшие от государственного насилия говорят о таком часто: «оскорбляли, унижали, поливали грязью». В ситуации, когда человек чувствует себя лишенным сил, слово или небольшой толчок могут восприниматься особенно тяжело.

«Тебя унижают. Просто твое человеческое достоинство унижают. Обзывают, могут тыкнуть, могут подзатыльник дать, могут поджопник дать, могут дернуть, могут толкнуть. Ты просто пустое место для них. Это как токарь на завод придет, он же к станкам не обращается по-человечески. Так же и тут. То есть ты пустое место для них».

Вениамин, имеет опыт заключения

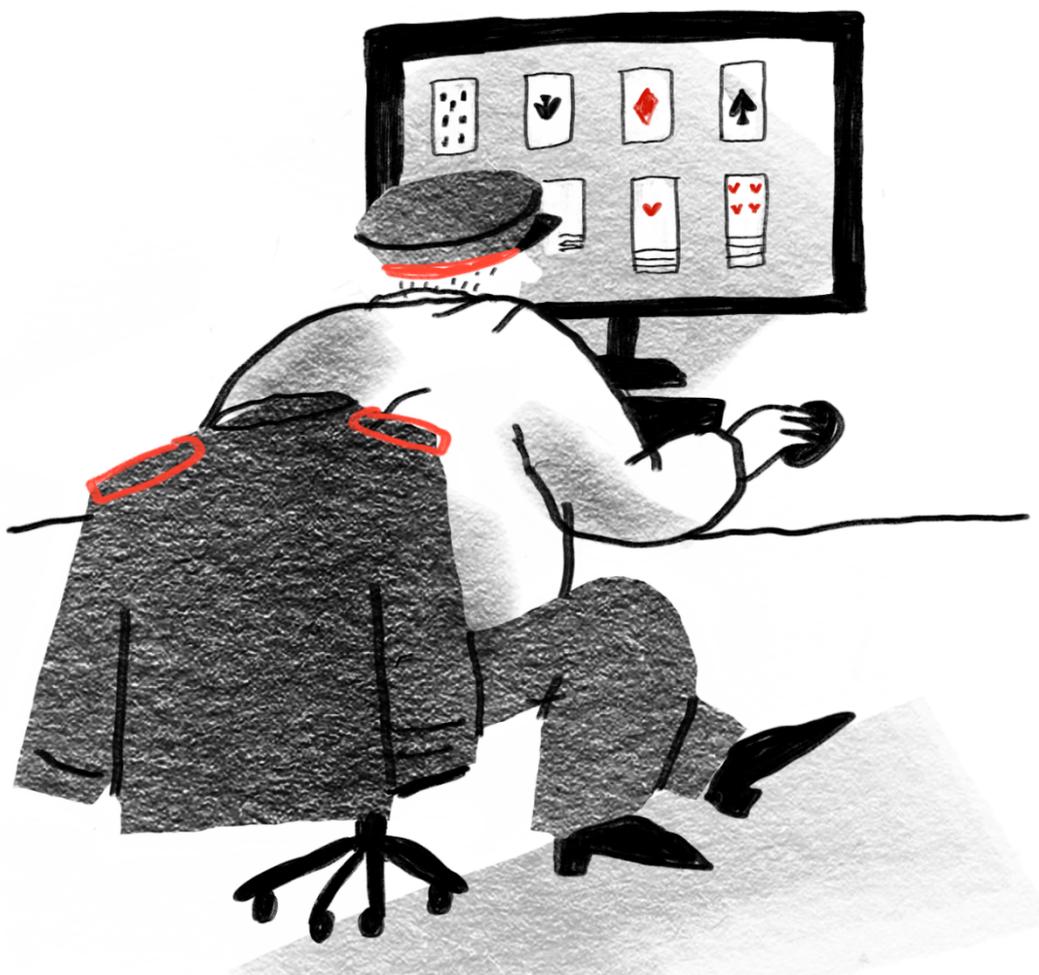
Унижение можно назвать одним из способов воздействия на символический статус человека внутри системы. Анна в примере ниже пыталась получить решение о том, что она признана потерпевшей, и ей не удавалось сделать это три месяца, потому что как только она получила бы этот статус, у нее расширился бы спектр возможностей воздействовать на ситуацию. Она искала способ заставить закон работать на уровне низовых органов и в какой-то момент решила пойти на конфликт.

«Потом я помню, один раз я психанула, пришла с адвокатом. Сидит этот исполняющий обязанности начальника следственного отдела, ноги на столе. Я захожу в кабинет, у него ноги на столе! И он сидит, во что-то там играет? В какую-то игру, в компьютер. <...> Я говорю: «Ну, хорошо, я даю вам... Вот сейчас понедельник, до пятницы, я даю вам пять дней, чтобы вы решили этот вопрос. А то следующее мое посещение будет... Я сделаю из вас звезду средств массовой

информации. Я буду не одна». – Это я, конечно, специально сказала, Вы же понимаете. Я говорю: «Вы будете... я сделаю вас звездой Первого канала». И все, я ушла. И реально [в следующий свой приход получила то, чего добивалась]».

Анна, мать убитого правоохранителями

Месяцы унижительного отношения со стороны следователя и безрезультатных посещений Следственного комитета закончились в тот момент, когда Анна тоже применила символическое унижение по отношению к сотруднику.

Бюрократия, рутина, «процедурное ожидание»

Как видно из слов наших собеседников, получение промежуточного результата (личный прием, документ на руки, перевод дела и т.п.) поддерживает людей на пути взаимодействия «человек – система». С переходом на каждый новый этап у человека усиливаются ощущение контроля за происходящим и вера в то, что он имеет право претендовать на дальнейшее рассмотрение дела, расследование, обжалование и пр.

В то же время, его оппоненты, принадлежащие к правоохранительной или пенитенциарной системе, могут использовать бюрократию и формализм как способ «взять измором» и лишить пострадавшего ощущения контроля.

Так, пострадавший от пыток может ощущать, что необходимость проходить через многочисленные процедуры, причем зачастую без возможности миновать какие-то этапы, отнимает у него силы, веру в свою правду и в успех задуманного и подводит его к ощущению собственного бессилия и необходимости сдаться. Бюрократические проволочки могут быть инициированы сотрудниками, например, для замедления расследования, но могут возникать и произвольно, в силу того, что бюрократическая система неэффективна и перегружена.

«Нарушение одно влечет за собой нарушение другое. И это получается такой синергизм нарушений, которые не позволяют человеку добиться справедливости. К примеру, человека не уведомили о принятом решении. Ты идешь это обжаловать, обжалуешь. В конце концов добиваешься этого решения. Это первая часть, да? Потом тебе нужно написать, я не знаю, заявление об ознакомлении с материалами. Казалось бы, ну чего проще? Но нужно подписать, что да, разрешаю. Тебя мучают еще целый месяц – разрешают твое ходатайство. Ты обжалуешь, что на него не ответили, это затягивается опять на какое-то время. В конце концов ты видишь материал, ты с ним знакомишься. Ты начинаешь обжаловать незаконное решение, например постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, проходит еще какое-то время, а потом следствие вдруг приносит в суд, что они его сами отменили. И начинается по кругу все то же самое. Ты радуешься, что, ура, отменили это незаконное решение. Я сейчас заявляю ходатайство, например, о том, чтобы допросили Ваню, Петю, провели экспертизу. И чем больше ты работаешь, даешь эти обращения, тем больше ты обрастаешь жалобами, потому что тебе просто тупо не отвечают».

Рената, правозащитница

В то же время иногда перегруженность сотрудников и системы правоохраны удается использовать в свою пользу задержанным и заключенным. Например, ниже Алия упоминает, что знание о недоступности карцера как инструмента наказания помогло ей увидеть, что угрозы сотрудников ФСИН пустые.

«Да, безусловно, там звучали угрозы карцера и так далее. Но там все занято, и СИЗО переполнен. И по сути дела, чтобы попасть в карцер, надо в очереди постоять. Это я достаточно быстро выяснила».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Контроль за временем человека – еще один способ устанавливать над ним власть и лишать агентности. Так, правоохранитель может заставить заявителя многократно приходить за документом, который мог бы продвинуть расследование дела.

«Следователь мне постановление о признании меня потерпевшей не отдавала три с лишним месяца. <...> Она также в очередной раз назначила мне на 10 часов, я пришла. Она мне сказала: «Покиньте кабинет, я Вас не приглашала». Я

*постучала и зашла в кабинет. Я говорю: «Но Вы же меня пригласили, я же постучала в кабинет». Она говорит: «Я же не сказала Вам, что Вы можете зайти. Выйдите, постучите, а я подумую – приглашать Вас или нет». Я говорю: «В смысле?» Как в детском саду, б**дь! Мне назначили в 10 утра, мне сказали, что ни минутой позже, ни минутой раньше, я ровно в 10 часов, как придурок... Слоняюсь в этом Тверском саду вечно каждый день, чтоб не опоздать. Как будто я живу в соседнем доме, блин».*

Анна, мать убитого правоохранителями

В данной цитате видно, как следовательница применяет к Анне власть за счет неравных условий: на стороне следовательницы не просто выбор времени приема, но и возможность менять правила игры в любой момент. Здесь Анна рассказывает о начале своего трехлетнего пути, когда злость и запал бороться еще доминировали над ощущением бессилия. Повторяемость действия и постоянное возвращение в одну и ту же точку без результата лишает энергии к борьбе.

Ожидание – лишь один из примеров того, как человек может застрять в болоте бюрократии. Пострадавшие и эксперты, у которых мы брали интервью, рассказали про следующие практики, свидетелями которых они стали: они долгое время не могли получить нужные документы, их отправляли из одного учреждения в другое или в разные отделы одного учреждения, их дело переходило от одного следователя к другому, и в результате оно не двигалось, выяснялось, что понятия связаны со следствием, документы терялись, у них отказывались принимать результаты независимой медицинской экспертизы, оправдательный приговор суда присяжных был отменен из-за недочета в оформлении документов и т.д. и т.п. Один только список этих проволочек способен вызвать чувство отчаяния.

«Ему отменили оправдательный приговор суда присяжных по формальным обстоятельствам. Мне рассказывали адвокаты, что там был вопрос о том, что неправильно сидели присяжные: то есть не один, два, три, четыре сидели, а один, три, четыре, два. Что-то в таком духе».

Арина, правозащитница

Хотя формальные правила – например, обязанность правоохранителей отвечать на запросы – могут использовать в свою пользу и пострадавшие, а также их защитники.

Сотрудники также говорят о бюрократии, которая используется в качестве инструмента для отбирания их агентности в начале карьеры. Есть определенная система, в которую засасывает человека, и, по сути дела, степеней свободы у него практически не остается. Механизация, доведение работы до абсурда заставляет их относиться к ней формально, отказываться от собственного видения.

«Всех начинающих прокуроров сажают на отписки: ты сидишь день за днем и месяц за месяцем, выбираешь один из трех-четырех шаблонов и отсылаешь, и неважно, что он не слишком отвечает на тему жалобы. Несколько месяцев такой работы – и отношение к жалобам меняется. Вот так воспитывают прокуроров – это рассказывал бывший прокурор. Я встречала несколько рассказов на эту тему, поэтому склонна этому верить».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Сами правоохранители используют изматывающую рутину по отношению к задержанным и заключенным. Так, один из заключенных, Вениамин, рассказывал, что изо дня в день его будили для допросов, выводили в «отстойник» (промежуточную зону между двумя парами ворот в СИЗО), не давали еды, оставляли на полдня в одиночестве, а затем сообщали, что запланированный допрос отменен, и возвращали в камеру. Вениамин вслед за другими заключенными считает, что таким образом на него оказывали психологическое давление, чтобы он дал показания следователю.

Ответным «оружием» пострадавших и их союзников может служить обращение к начальству своих оппонентов. Под влиянием массовых жалоб «СИЗО жесть»⁵⁰ превратилось в обычное «СИЗО шесть», особенно жестоких сотрудников правоохраны снимали с должности, а пострадавшие с репутацией «жалобщиков» стали казаться людьми, с которыми лучше не связываться.

«Мне кажется, они побоялись [пытать меня], потому что из прошлой судимости они узнали, что я писал жалобы, до последнего обжаловал приговор, я же и в прошлый раз писал заявление по факту избиения».

Петр, имеет опыт заключения

Блеф, обман и риторические манипуляции

Как мы уже отмечали, отсутствие навыков ориентации в системе делает человека особенно уязвимым. Во многом это происходит из-за психологических манипуляций и обмана, которые не всегда заметны не имеющему опыта взаимодействия с правоохранителями человеку. Арсенал манипулятивных приемов широк: практика игры в «доброе и злого полицейского» на допросе, стремительное развитие ситуации, застающее человека врасплох, несоблюдение положенных процедур: необходимости представиться, сообщить повод для задержания или проверки.

Нередки и случаи дезинформирования относительно прав и обязанностей гражданских лиц при взаимодействии с правоохранителями. Очень многие наши собеседники рассказывали о том, что им ничего не говорили об их собственном положении или положении их близких, утверждая, что не обязаны этого делать.

«К нам никто не вышел, никто. Мы хотели поговорить с этими милиционерами, и ничего. Только потом нам сказал из следственного комитета: «Вам никто не должен ничего показывать».

Мария, мать задержанного

В ряде ситуаций правоохранители шли на прямую ложь относительно своих действий и мотиваций. Так, Мария из примера выше рассказывала, что на ее просьбу пустить ее к сыну ей говорили, что с ним «*просто поговорят и отпустят*», в то время

⁵⁰ Долго бытовавшее неформальное название, говорившее о высоком уровне насилия в данном СИЗО.

как на самом деле тот подвергался избиению и угрозам в течение нескольких часов. Похожая ситуация произошла в семье Кристины.

«А следователь сказала: «Я вас отпущу домой». А потом оказалось, что не отпустит домой, а направит в ИВС. То есть своеобразная манипуляция была. Обещание одного, невыполнение, потом так руками: «Ну, извините, я не могу».

Кристина, мать задержанной

Повторяемость подобных реплик в наших данных говорит о системности применения такого приема. С обманом и хитростью сталкивались очень многие респонденты, как близкие к ситуациям насилия, так и «обыватели», причем применялся этот инструмент в полиции, Следственном комитете, суде, Прокуратуре, ФСИН и входящих в её структуру медицинских учреждениях и пр.

Прямая ложь не только вводит в заблуждение тех, кому не хватает информации, но и способна деморализовать тех, кто понимает, что ему лгут. В ситуациях, когда обман очевиден всем участникам, у него появляется дополнительный смысл: подчеркнуть бесправие того, кому лгут, и то, что он вынужден либо терпеть такое обращение, либо попытаться защитить себя с риском потерять самообладание и контроль над ситуацией.

Хотя использовать риторические приемы для того, чтобы «сбить с толку противника», сказав нечто неожиданное, может и задержанный или заключенный.

«И чего-то он так разозлил всех, этот мужик, своими провокациями... Он меня посадил и говорит: «Рассказывай, что ты 7 марта делал?» Я говорю: «Проснулся». «Дальше». «Дальше встал». Он говорит: «Дальше». «Дальше зубы почистил». Он что-то распахивался и давай кричать: «Вот, я тут с вами серьезно разговариваю, а вы тут шутите!» Все смеялись. Что-то орал, орал на нас. Потом говорит: «Давай уже рассказывай. Мы тебе сейчас оформим быстро, и иди уже, надоел». Я ему сказал, по-моему: «51-я статья». Или что-то такое, и отправили меня вниз».

Василий, имеет опыт задержания

Василий также рассказывал, как один из задержанных вместе с ним тоже использовал блеф для того, чтобы увеличить свою агентность.

«Потом врачи подошли к дедушке какому-то, который тоже был задержанный. Он, видимо, как-то на ля-ля решил поговорить с ними, долго они беседовали. Он говорил, что у него то ли давление, то ли голова кружится, то ли память пропадает. Но это неправда была, он просто так время тянул».

Василий, имеет опыт задержания

Достаточно безопасным, в некотором смысле беспроегрышным приемом может стать выбор вежливого, уважительного общения с правоохранителями, поиск общего врага (например, в лице администрации). Многие наши собеседники упоминали, что в тех случаях, когда им удавалось сдерживаться, конфликтную ситуацию получалось решать более продуктивно.

«Я доброжелательно разговариваю, я задаю вопросы, я пишу заявление. Но при этом, я ни разу не подставила ни одного сотрудника СИЗО. Даже когда я пишу жалобу, допустим, в прокуратуру, я пишу о том, почему вы не обеспечиваете условия для того, чтобы сотрудники СИЗО могли исполнять закон?»

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Некоторые из респондентов отмечали, что чувствовать искреннее уважение в этот момент необязательно, важнее выйти из ситуации с наименьшими потерями.

«[Я бы посоветовал] найти в себе силу духа и в моменте это пережить, минимизировать вредные последствия. То есть уйти от острого конфликта, не провоцировать, не раздражать другую сторону. Когда ситуация хотя бы частично нормализуется, вернуться к разговору и к обсуждению ситуации, и к попыткам ее решения уже в правовом поле».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Власть через материальность

Важный частный случай способа подчинения человека путем манипуляций – воздействие на него не в словесной форме, а через материальность: вещи, обстановку. В отличие от методов, связанных с осуществлением власти над телом, методы этой категории не связаны с причинением телесных страданий, а как бы переносят решение о судьбе человека с него самого на определенные предметы. Классический пример – манипуляции, связанные с важными документами (паспортом и другими удостоверениями личности и прав).

«У меня то же самое было с паспортом. Мне выдали паспорт, и у меня паспорт новый Российской Федерации признан недействительным. То есть я жил два года с недействительным паспортом. И у всех, кто освобождались [в этом поселке], паспорт недействительный был. Паспортный стол подавал с нарушением. А любое нарушение – и признают недействительным паспорт».

Павел, имеет опыт заключения

Однако в большинстве случаев в качестве таких предметов выступают вещи, с помощью которых можно установить, чья версия событий настоящая – пострадавшего или правоохранителя. Чуть ли не самые часто упоминаемые в связи с этим объекты – видеокамеры и диктофоны, записи с которых могут стать большим подспорьем при подаче заявления о превышении полномочий.

«Камера была в служебной машине оборудована, она стояла, я ее видел. Меня это уже успокаивало на тот момент, что в машине со мной ничего не случится».

Петр, имеет опыт заключения

В то же время правоохранители часто используют пытки там, где камеры отсутствуют (в специальных помещениях), либо их данные не отдают (как в ситуации с Платоном), либо каким-то образом портят, а телефоны отключают или отбирают. Подобные

вещи происходят не только с пострадавшими от государственного насилия, но и с правозащитниками.

«Вообще-то у них [членов ОНК], наверное, должна быть возможность как-то фиксировать то, что они видят [и слышат] с помощью диктофона, фотоаппарата и других вещей. Но на практике, если речь идет об отделах полиции, мы оставались с телефонами. А если речь идет о следственных изоляторах, колониях, изоляторах временного содержания, нам ни разу не разрешили принести ни средство фотофиксации, ни средство аудиофиксации. И на практике единственный способ фиксировать происходящее для нас был – просто ручка и бумажка. При этом сотрудники всегда, сотрудники ФСИН во всяком случае, с включенными видеорегистраторами. Там есть какой-то регламент. Эти записи хранятся достаточно долго. Но их практически невозможно получить по запросу».

Василиса, бывший член ОНК

Различные ситуации происходят с результатами анализов и вообще с вещественными доказательствами: одни вещи подбрасывают, чтобы затем их обнаружить, а другие, наоборот, оказывается невозможно найти.

*«Я говорю: «Вы сейчас слышите себя? То есть вы говорите мне, что ваш следователь уехала в отпуск с ключом от сейфа, а в сейфе хранятся вещдоки. И вы не можете вскрыть сейф. Вы сейчас серьезно? Я не работаю в правоохранительной организации, но я прекрасно понимаю, что вещдоки не хранятся в сейфе. Они хранятся в специальном холодильном оборудовании. Вы сейчас думаете, что я такой лох педальный, что я верю в эти сказки?»
Бред! А он мне: «Ну, так бывает». Я говорю: «Хорошо, вскрывайте, взламывайте сейф. А следователь вернется из отпуска, ремонт этого сейфа будет за ее счет». А он покраснел, помню, как помидор».*

Анна, мать убитого правоохранителем

С предметами тоже работает механизм неприкрытой манипуляции, сбивающей с толку.

«Вот этой наглости я не ожидал, конечно. Мы когда поехали на следственный эксперимент, мне-то было показывать нечего. Так они там придумали какие-то камни, [потому что] 10 штук камней [было упомянуто] в явке с повинной. Потом экспертиза показала, что ни отпечатков, ничего нет, то есть их вообще никто не трогал, эти камни. Я говорю: «А что не все-то взяли? Там вон еще есть камни, еще возьмите». Он говорит: «Нет, этого хватит, 10 камней».

Даниил, имеет опыт заключения

Обладание материальным имуществом особенно важно в условиях содержания в тотальном институте, поскольку оно помогает не просто улучшить бытовые условия, но отвоевать часть контроля за собственной жизнью. Коллективное стремление защищать такие объекты нашло свое место в тюремных практиках.

«В одной из камер был шмон, и нашли телефон. И один парень кинулся за этим телефоном, потому что есть такое понятие –«запрет спасать любым способом» или хотя бы его сломать. Потому что там номера, какие-то сообщения, может быть что-то. Чтобы они об этом не знали. И один кинулся, началась потасовка. И все камеры, вся тюрьма как начала долбить в двери, шум устраивать, чтобы постовые от него отвлеклись и пошли по другим камерам. Не то чтобы бунт был, но что-то такое. Вся тюрьма начала просто гудеть».

Даниил, имеет опыт заключения

В некотором смысле эту ситуацию можно перенести и в реальность правоохранителей. Начальство может снижать их агентность через требования покупать служебные вещи за собственные деньги (шить форму, приобретать оргтехнику и пр.), а также абсурдные «поборы» на нужды полицейского участка, футбольного клуба или Русской православной церкви. Подобные практики вызывают возмущение, так как лишают свободы распоряжаться своими деньгами и имуществом.

«У нас тоже как-то пытались во время получения З/П. Ловили возле бухгалтерии, разбегались все как зайцы.

Сегодня сказали что нам нужно сдать "пожертвования" на купола для милицейской церкви, по 500 рублей.....все на планерке чуть со стульев не попадали....причем все это добровольно-принудительно, а скорее принудительно

типа вы конечно не обязаны сдавать, но смотрите тем кто не сдаст

снизят за сложность напряженность....и материалку не получите..... милиция блин.....»

Сообщения с форума сотрудников МВД (в авторском написании)

Те, кто был рядом

Ситуации государственного насилия и последующего взаимодействия пострадавшего с правоохранителями не происходят в вакууме. Как правило, вокруг них собирается большое число различных действующих лиц. Некоторые из них изначально враждебны по отношению к человеку, подвергшемуся насилию, некоторые, наоборот, помогают ему справиться, но большинство можно назвать нейтральными. Представители этого большинства могут как помогать увеличивать агентность, так и отбирать ее, и исход их взаимодействий с пострадавшим во многом ситуативен.

Что касается безусловно враждебных по отношению к пострадавшему элементов, то к ним можно причислить всех тех действующих лиц, которым правоохранители делегируют власть по сценариям, описанным выше. Чаще всего в роли таких «агентов контроля» выступают другие правоохранители, но в некоторых случаях они могут и не иметь официального статуса. Система может делегировать власть

криминальным авторитетам, как в ситуации с Платоном, или полулегальным образованиям, как в примере ниже.

«Одно из моих дел – это случай, когда сотрудник полиции с казаком⁵¹ привязали двух граждан к столбу... И держали два часа людей, потому что им удобно так было. Они их прицепили, пристегнули наручниками на жаре. Им надо было материал заполнить, а вдруг они убегут, понимаете? Казаки – это вообще отдельная тема для разговора. У нас дискуссия и в организации идет по поводу того, являются ли они субъектами совершения преступления, скажем так, если мы говорим о каком-то превышении должностных полномочий».

Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

Другой пример замены нейтральных элементов системы на враждебных – использование подставных понятых, участвующих в фальсификации доказательств, либо давление на «сообщников», которые соглашаются давать ложные показания.

«У меня еще была очная ставка. Меня посадили по показаниям досудебщика – это человек, заключивший досудебное соглашение со следствием. Для меня это, конечно, было шоком. Как может, условно говоря, вчерашний друг, смотреть в глаза и говорить «она похитила деньги»? Настолько дико. Пожалуй, это было самое шокирующее во всей ситуации».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Хотя у задержанных и заключенных могут быть и агенты поддержки. Задержанному поддержка со стороны близких, родственников, адвокатов и правозащитников нужна на всех этапах. Даже для тех, у кого уже есть навыки ориентации в системе, происходящее может оказаться большим испытанием: непонятно, как действовать, куда идти, что брать, что говорить. Те, кто может дать совет, оказать материальную и эмоциональную помощь, могут компенсировать эффекты неравенства и вернуть человеку ощущение контроля над ситуацией.

Так, порой у пострадавших не получается достичь никаких результатов самостоятельно, даже если они выполняют все полагающиеся шаги. Однако если они приходят в следственный комитет или в прокуратуру вместе с адвокатом, их шансы значительно повышаются. Это связано с тем, как представители правоохранительных органов видят и оценивают риски, исходящие от пострадавшего и от правозащитников. Один из подобных примеров есть в истории Кристины, матери задержанной девушки.

⁵¹ Казак – представитель российского казачества. Казачьи формирования могут быть оформлены как добровольные народные дружины и официально (через соглашения) работать с МВД. Подробнее, см.: Литой, А. Нагайкой по вирусу. На каких основаниях казаки помогают полиции. Радио свобода, апрель, 2020. // <https://www.svoboda.org/a/30560806.html>

«Скажем так, самой бы это было намного сложнее. Они [представители Команды против пыток, КПП] поддерживают, и какая-то своеобразная консультация с их стороны есть. Допустим, если бы я сейчас просто вела это дело без КПП, какие бы у меня сейчас действия были? Придя на прием к прокурору, я бы просто там обкричалась, стукнула бы кулаком, сказала бы, что пойду жаловаться дальше. Просто у меня, наверное, истерика была бы там».

Кристина, мать задержанной

Эта зависимость особенно ярко видна при сопоставлении жалоб заключенных и их родственников. Поскольку люди, находящиеся вне тотального института, более агентны, их жалобы оказываются более действенными.

«Когда идут жалобы снаружи на СИЗО, это дает некую степень защиты. Потому что человека внутри можно, безусловно, напугать, жалобы у него отобрать. Но если жалобы пишет кто-то, находящийся на воле, то в СИЗО приходится разгребать это и, безусловно, устранять причины самих жалоб».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

В ответ на действенный прием подключения людей «с воли» правоохранители могут попытаться разрушить эти сети поддержки. Закрытый характер системы во многом этому способствует. Так, зачастую близким с трудом удается выяснить, как конкретно можно поддержать человека в СИЗО (передать продукты, медикаменты, личные вещи, отправить деньги на личный счет, создать телефонный счет и т.д.). Если неформальные способы коммуникации с заключенным (имеющийся у кого-то в камере мобильный телефон, записки через родственников других заключенных и т.д.) недоступны, адвокат часто становится единственным человеком, через которого можно передать информацию.

Иногда правоохранители используют важность фигуры адвоката для задержанных и заключенных для установления контроля над ними, предлагая в качестве адвоката по назначению лояльных к системе людей. Такие адвокаты могут посоветовать пойти навстречу обвинению в обмен на обещания более мягкого наказания или его отмену («признаешь вину, вообще ничего не будет»), которые впоследствии не выполняются.

«[Было] давление со стороны адвоката: «А зачем нам это надо, если мы ранее говорили, что у нас все нормально? Соответственно, если мы говорили: «все нормально», и вдруг открывается это, значит, ты врал, если ты врал, то там уголовная статья. Ты подумай, лучше давай оставаться на тех показаниях, которые есть. Зачем нам затягивать дело?»

Кристина, мать задержанной

Если же действия союзников задержанных и заключенных оказываются чересчур эффективными и начинают угрожать правоохранителям публичностью или служебными проверками, они могут попытаться разрушить образовавшиеся сети поддержки. Это может касаться и помогающих специалистов.

«Мы [члены ОНК] уходим, а он [заключенный] остается там, и с ним можно сделать все, что хочешь. Можно с блатными договориться... А человек один, без поддержки. Мы ушли. Мы вышли за забор. Он не знает, вернемся мы или нет. А ему уже говорят: «Вот они тебя обманули, они никогда не вернуться». Мы берем пять обращений, выходим. Там нарушены права. Мы не отправляем в прокуратуру, потому что через неделю уже трое написали, что это мы их заставили написать».

Мирон, правозащитник

В других случаях представители системы пытаются вызвать конфликты среди самых близких.

«У цэпээшников [сотрудников Центра по противодействию экстремизму] была цель заставить меня что-то им сказать. Я когда уходила, сказала, что я типа подумала. И если что, завтра к ним сама приду. И маму их риторика в какой-то степени убедила. То есть она думала, что я реально туда пойду, и скажу им, что я с вами сотрудничать не собираюсь. В общем, в чем-то они ее смогли убедить, что с ними нужно как-то общаться дальше.

А с отцом у меня был лютейший скандал. Он хотел, чтобы я пошла, типа ты эту кашу заварила, ты ее и расхлебывай. Давай иди, там чего-нибудь оправдывайся, отвечай. Раз ты им пообещала, что ты завтра будешь, ты там должна быть. Я сказала, что я никуда не пойду».

Руслана, имеет опыт задержания

Поддержка может идти не только снаружи (от родственников, юристов, правозащитников), но и изнутри – со стороны других заключенных. По мнению некоторых наших собеседников, порой сотрудники преднамеренно подсаживают в камеру неприятных сокамерников, чтобы у заключенных не получалось выстроить достаточно комфортную атмосферу, и всегда был раздражитель рядом.

«Во-первых, они смотрели, как только собиралась хорошая камера, то есть люди собирались все интеллигентные, интересные, беспредельщиков нету, истериков нету, то есть спокойная жизнь размеренная начинается, то всегда тебе, каждый день почти, один из конвоиров или из оперов, или кто там еще, обязательно вдалбливают мысль, что ты сюда пришел страдать. Это обязательно. Говорят тебе: «Ты что, на отдых сюда приехал? Ты страдать сюда пришел». Обязательно тебе это скажет кто-нибудь. Как только они видят, что в камере комфортная обстановка создана, обязательно они кого-нибудь выдернут и какую-нибудь суку туда засунут, от которого потом вся камера... Чтобы был дискомфорт. <...> Чтобы комфортную идиллию сломать, чтобы нервничать все начинали, чтобы головная боль у всех началась, чтоб все поломалось, чтобы не было комфортно человеку сидеть. Человек должен постоянно на измене находиться, чтобы постоянно у него о чем-нибудь голова болела. Какого-нибудь наркомана поделят или какого-нибудь воришку, или еще кого-нибудь поделят, кто будет плести интриги. Как только хорошо все в камере – все. Обязательно через день-два

отселяют любого человека и сажаят говно, чтобы стало опять плохо в камере. Это закон тюрьмы».

Вениамин, имеет опыт заключения

Сюда же можно отнести провокацию между сокамерниками конфликтов, разрушающих возможную арестантскую солидарность.

«Как-то разделял всех на группы, ссорил. Говорил: «Вот этому я бы рожу набил. А вот этот парень мне нравится, он смешно шутит. А этот вообще нормальный».

Василий, имеет опыт задержания

Помогающие практики и способы восприятия

В ситуации, когда агентность человека мала, область его контроля иногда ограничивается только его мыслительной деятельностью. Но и такое, казалось бы, минимальное отвоевывание агентности помогает человеку сохранить себя в условиях тотального института. Ниже мы приводим некоторые помогающие практики, которыми с нами поделились респонденты.

*«На самом деле я, как, например, попал в ИВС, беру тетрадку и начинаю **описывать полностью камеру**. Вот прямо зашел, слева от тебя находится три вешалки на высоте примерно два метра для верхней одежды. Такая-то стена, такой-то цвет, такой-то стол, такие лавки. Только я пишу все сильно подробнее. Потом кровати. Полностью, целиком, максимально в деталях на пять страниц описываю камеру. <...>*

*Я люблю делать каждый свой день очень насыщенным. **Тренирую внимание** к самым разным деталям: и с точки зрения запоминания, и с точки зрения письменной фиксации. Больше 500 страниц для будущей книги.*

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

*«Мне отдали книжки, **я читала**. А так... **спала, медитировала, йогу делала на кровати**. <...> Я тогда была после Випассаны, мне было чуть легче».*

Руслана, имеет опыт задержания

*«Отдыхал, лежал, думал, нервничал, переживал. Думал о том, что будет дальше, что делать. **Отжимался, приседал**. Все, что можно было, делал. **Успокаивал себя, что все обойдется, что все будет хорошо**».*

Даниил, имеет опыт заключения

Если книги и тетради можно отобрать, то способность проводить внутреннюю границу между собой и происходящим – последнее, что человек может использовать.

*«Я уже понимал, что **тюрьма – это что-то внешнее** в отношении меня, и все это пройдет».*

Юрий, имеет опыт заключения

В связи с этим действенным способом сохранения агентности становится восприятие государственного насилия как чего-то неправильного, внешнего, а себя – как противостоящего этому.

*«Уверен был, что я не совершал кражи. И поэтому я чувствовал себя уверенно. Думал об этом, и совесть не позволяла. Как я буду брать на себя дела, которые не совершал? Стоял на этом. <...> Думал о том, **почему они вообще должны были меня забрать?** С какого перепуга? **Я этими вещами вообще не занимаюсь**».*

Ильдар, имеет опыт задержания

В приведенном отрывке Ильдар апеллирует к собственной совести. В целом отсылки к морали, нравственности, правде, справедливости и другим этическим категориям – не редкость. Неоднократно наши собеседники говорили, что выдерживали и пытки, и бюрократический натиск системы, и психологическое насилие лишь благодаря тому, что были уверены в своей правоте и невиновности и в том, что справедливость рано или поздно восторжествует.

*«Их учат запугивать, в принципе у нас почему-то людей учат запугивать в колледжах. Изначально какая-то пропаганда запугивания идет. Просто нужно понять, что ни в коем случае никто не умрет, не стоит никого бояться. **Если ты точно уверен в том, что ты ничего не делал, тогда в принципе все и обойдется**».*

Евгений, имеет опыт задержания

Другой способ выстоять под давлением оппонентов опирается на символическую солидарность с другими людьми и чувство долга. Например, Анна говорила, что чувствует, что не имеет права сдаться в поиске росгвардейцев, убивших ее сына, так как дала ему внутреннее обещание. В других примерах наши собеседники испытывали ответственность за товарищей по несчастью.

«Я в СИЗО встретил одного человека. Пытали его те же люди непосредственно, которые меня пытали. Когда нас вывозили, утром, есть там отстойник, где собирают людей, которых на суд увозят. Он был наслышан про меня. И он, когда узнал, что это я, подошел ко мне. Там все знали, что мы заявления написали. Он меня просил: «Ради бога, заднюю не включай, доведи дело до конца. Этот человек, говорит, меня ведь трое суток пытал, я, видишь, на костылях хожу теперь».

Ильдар, имеет опыт задержания

Политическая позиция тоже позволяет почувствовать солидарность, и в результате иногда получается заставить правоохранителей отказаться от стандартных сценариев поведения.

«Он начал меня спрашивать: «А чего все тут [в автозаке] смеются. Вас же приняли и везут на раскрутку». Я говорю: «Ну, как бы все понимают, зачем они тут, ради чего оказались». Он говорит: «Слушайте, я в первый раз вижу, что менты приняли людей, а все сидят, хохочут».

Василий, имеет опыт задержания

Многие пострадавшие от пыток и обратившиеся к правозащитникам подчеркивали важность того, что правозащитники помогают им бескорыстно, проявляют к ним человеческое участие, иногда даже помогают материально из собственных сбережений. В такие моменты воздействие правозащитников на агентность выходит за рамки поддержки в непосредственном ходе дела – их вовлеченность и небезразличие укрепляют желание бороться, идти до конца:

*«Я бы не выиграл, хотя сейчас это только предстоит. [Мой защитник] силен просто в своем деле. Он понимающий, схватывающий сразу же. **И главное – он делает это во благо, у него нет какой-то корыстной цели**».*

Евгений, имеет опыт задержания

*«Но адвокаты сказали, что уже общались с моими родственниками – и с дядей, и с братом, и с сестрой, – от них вообще помощи никакой ждать не стоит, так что **мы будем работать с тобой без денег. За это им огромное спасибо. И сейчас они работают со мной так же, продолжают работать. Они сказали: «Мы пока это дело до конца не доведем, мы тебя не бросим**».*

Даниил, имеет опыт заключения

Даже в ситуации, когда человек оказывается с оппонентами один на один и солидаризироваться ему не с кем, остается последняя опора – уважение к самому себе.

*«Надо быть прежде всего честным перед самим собой. Это самое главное. Если уж ты, как говорится, назвался груздем, полезай в корзинку. Если уж начал идти, так иди до конца. Нельзя отступить, и не бывает полуправды. То есть если уж начал, так уж доделай до конца, никогда не останавливайся. Просто сам себя уважай. **Доводя дело до конца, ты уважаешь сам себя. А я себя очень уважаю**».*

Павел, имеет опыт заключения

Выводы

Выше мы показали, что в правоохранительной системе существуют конкретные практики, с помощью которых одни люди – правоохранители – устанавливают власть над другими в ситуации конфликтного столкновения. При этом использование телесного воздействия – не единственный метод установления власти: в арсенале правоохранителей есть возможность устанавливать контроль над психологическим состоянием, временем, репутацией, имуществом и сетями поддержки оппонента, иногда они делегируют действия третьим лицам или предметам.

В свою очередь пострадавшие от государственного насилия могут попытаться добиться оправдания для себя и наказания для ответственных, в связи с чем им необходимо приобрести, вернуть или сохранить агентность, которая нужна в этой борьбе. Они могут использовать те же практики борьбы, что и их оппоненты: привлекать союзников с большей, чем у них, агентностью (правозащитников, юристов, простых людей, не пораженных в правах) или пытаться обратить ситуацию против правоохранителей. В силу неравенства, а также устройства тотального института правоохраны в подобных случаях проявляется «система, против которой невозможно пойти»: процессы, отлаженные для давления на задержанных и заключенных, неохотно работают против сотрудников. Тем не менее в некоторых ситуациях ход борьбы удается перевернуть в свою пользу.

Большинство способов «перетягивания» агентности, используемых пострадавшими от государственного насилия, можно назвать зеркальным ответом на действия правоохранителей – насколько это позволяет асимметрия власти. Правоохранители совершают насилие для повышения статистики – пострадавшие обращаются к их начальству для инициирования служебных проверок; оперативники и следователи фальсифицируют вещественные доказательства – адвокаты находят новые способы продемонстрировать факт пыток; силовики унижают заявителей – заявители придают это огласке, и т.д. Наиболее сильно асимметрия власти проявляется при телесном истязании: обычный человек не может ответить правоохранителю тем же, и для возвращения контроля над своим телом ему остается только наносить урон себе. Так же могут действовать люди в случае отчаяния, потеряв надежду проявить агентность каким-либо иным способом.

Среди других практик, помогающих пострадавшим от государственного насилия сохранить контроль над своей жизнью даже в самых трудных условиях, стоит отдельно отметить формирование специфического восприятия ситуации, себя и других. Когда человеку удается провести символическую границу между собой и пыткой или почувствовать свою принадлежность к чему-то большему и лучшему, чем объекты внимания правоохранительной системы, он обретает внутреннюю свободу, над которой сложно установить власть извне.

Продолжение следует: последствия государственного насилия

Из предыдущих глав видно, что ситуации, которые со стороны могут восприниматься как борьба человека со всей правоохранительной системой, можно считать и столкновениями отдельных индивидов. Конкретные правоохранители, руководствуясь своими мотивами, пользуются средствами правоохранительной системы в свою пользу, чтобы пытаться, унижать, обманывать и лишать помощи некоторых людей. Почему же такие истории не остаются частными случаями, в чем состоит общественный эффект государственного насилия и пыток?

Ответ на этот вопрос, который мы изложим далее, основан на анализе того, что происходит с участниками ситуации пытки и с обществом в целом после того, как пытка, задержание и заключение заканчиваются. В ходе исследования мы часто встречались с высказываниями о том, как ситуация государственного насилия отравляет, пачкает, заражает или изменяет все, что с ней соприкасается. В одних случаях грязь была вполне буквальной: например, в описаниях суровых условий пребывания в тотальном институте или в историях о разбросанном полицейскими мусоре в служебных машинах. В других речь шла скорее о символическом загрязнении: о коррупции, распространяющейся по силовым ведомствам, как заразная болезнь, или о том, как человек, освободившийся из заключения, продолжает нести стигму. Для описания таких процессов “загрязнения” и “порчи” мы ввели понятие *контаминация*, которое понадобится нам в этой главе.

История Платона (продолжение)

- А Вы, кроме Команды против пыток, еще куда-то обращались? В какие-то правозащитные организации? Может быть, иск⁵² в ЕСПЧ подавали?

- Иск мы хотели как раз с Командой подавать. Но в связи с ситуациями недавними⁵³, ЕСПЧ у нас сейчас отпал.

- И что Вы думаете по поводу того, что Россия больше не хочет исполнять решения ЕСПЧ? Какое у вас к этому отношение?

- Я, наверное, тот человек, который против этого. Я думал, хоть какие-то, может, деньги свои вернем, потому что нам пришлось продать квартиру, продать машину, чтобы оплачивать адвокатов. Мы же не работали, мы были пять лет, четыре года, под госзащитой. Это ужас. Российская госзащита – это знаете что?

- Расскажите, в какой момент госзащита возникла и что это вообще такое?

- Это прямо в 2017 году, в феврале или в январе, мне ее назначили, госзащиту, охрану. Это тоже полицейские [нашего города]. Прямо такой отдел. Они с тобой

⁵² Речь идет о подаче жалобы в Европейский Суд по правам человека.

⁵³ Членство России в Совете Европы прекратилось 16 марта 2022 года, в связи с чем ЕСПЧ прекратил рассмотрение жалоб против России по событиям, произошедшим после 15 сентября 2022 года.

ходят по судам. Без их разрешения никуда не уезжаешь, никуда не едешь. У меня трекер на руках или в кармане. Если куда-то уезжаешь, звонишь им, они говорят или да, или нет. Если какая-то ситуация, они говорят: «Из дома не выходить». Пока они не приедут там. Так четыре года мы и жили. Я, жена и ребенок. У меня сын, мы были под госзащитой. Она не работает, эта госзащита. От нее ничего не получаешь, и работать не можешь, и выезжать не можешь никуда, своими делами заниматься.

- Правильно я понимаю, что в безопасности вы себя особо не чувствовали с госзащитой?

- Вообще нисколько. Они только на суд приезжают, автоматчики, пять-шесть человек. В остальное время их нет. Я жил тогда в N, они видят, что на меня наезжают, подъезжают, звонят. Они говорят: «Мы Вас вынуждены забрать в столицу региона. Мы Вас изолируем от всего. Дадим секретную комнату или квартиру. Будете там жить, получать пособие». Минимальная оплата труда.

От изоляции мы отказались. Мы сняли квартиру. На сегодняшний день ремонт дома сделали, но еще не заехали. Мы все еще живем в съемной квартире. Был бизнес, было два магазина у нас. Один не супермаркет, но минимаркет продуктовый. Было два, остался один. Один пришлось закрыть из-за того, что мы не в своем городе. Другой работает, конечно, но уже контроля нет. В данный момент мы не можем поехать в родной город. Ситуация такая сохраняется. Давно уже не работаю.

Мы просто остались, без ничего, можно сказать. У нас была пятикомнатная квартира, мы ее продали, дом в деревне купили, нам хватило денег ремонт сделать и все. Но планы, которые у нас были... Не то что машину поменять. Наоборот, нам пришлось и машину продать. Мы очень сильно финансово пострадали.

А еще... Я бы сейчас не посоветовал никому выдерживать такие пытки. Легче подписать и отсидеть, наверное, чем такие пытки. Уже пять лет прошло, а у меня отголоски от этого все еще есть.

Слабый станет еще слабее

Государственное насилие, проявляющееся через недозволенное отношение, пытки и пыточные условия содержания, оказывает негативное влияние на все стороны жизни человека, который с ними сталкивается. В первую очередь, разумеется, это отражается на самом человеке, на его ресурсах, здоровье и социально-экономическом положении, однако, как и следует из определения контаминации, негативные последствия распространяются и на тех, кто находится с человеком рядом – его родственников, друзей и защитников.

Контаминация здоровья

Ожидается, что пытка наносит травмы и увечья тем, кто ее пережил, однако это не единственный эффект государственного насилия для здоровья человека. Многие наши собеседники с опытом заключения рассказывали о том, как в месте лишения свободы их буквально заражали новыми инфекционными заболеваниями.

«Меня в исправительном учреждении заразили неизлечимым, смертельным заболеванием – ВИЧ. Это установлено. Более того, мне сломали позвоночник. Мне «забыли» сказать, что у меня ВИЧ и гепатит С. Хотя я прибыл в исправительное учреждение, мне производили медосвидетельствование, что я здоровый. Совершенно здоровый, ни одного перелома, ни одного вывиха. <...> А в санчасти работали зэки, у которых была ВИЧ-инфекция. То есть они были санитарями и с ВИЧ-инфекцией, больные. И плюс уколы делались не одноразовыми шприцами, одним шприцом могли взять [кровь] у всей колонии».

Павел, имеет опыт заключения

Суровые условия содержания, неоказание медицинской помощи тем, кто и так находился в группе риска (например, люди с онкологическими и эндокринными заболеваниями) тоже наносят долгосрочный вред здоровью. Некоторые особенности быта в застенках, казалось бы, не являются преднамеренными, и тем не менее они способны сильно ухудшить состояние даже того человека, который мог считать себя здоровым.

«У многих заключенных не после лагеря, а именно после тюрьмы, после СИЗО, болезнь развивается. Она называется «тюремная болезнь». Зрение от этого света садится, и от того, что ты не можешь вдаль смотреть, ты же за стены, кроме как через решетки, никуда не можешь выглянуть. Зрение садится. И когда люди выходят на свободу, приходят к окулистам, те начинают проверять глаза и спрашивают: «Вы не сидели?». «Да, сидел». «А, ну это у Вас эта тюремная болезнь глазная».

Вениамин, имеет опыт заключения

В некоторых случаях столкновение с полицией оказывалось фатальным, и жизнь человека заканчивалась – как у сына Анны, спортсмена регионального уровня и чрезвычайно здорового человека, погибшего в результате получения 49 ударов от сотрудников Росгвардии.

Еще одно последствие столкновения с государственным насилием – его воздействие на психическое здоровье. Следует отметить, что не многие наши собеседники напрямую говорили на эту тему, а самостоятельное психологическое диагностирование выходит за рамки наших исследовательских целей и компетенций. В связи с этим данная группа последствий могла оказаться в наших данных недостаточно видимой, однако об изменениях психического здоровья своих подопечных нам рассказывали их защитники либо близкие.

«Были выявлены у нее суицидальные наклонности, то есть состояние тяжелой депрессии. И уже потому, что они у нас это выявили, мы обратились к психотерапевту, она сейчас находится у меня на медикаментах».

Кристина, мать задержанной

Некоторые защитники и представители помогающих специальностей, работающие с семьями пострадавших от государственного насилия, отмечают, что последствия для

психического здоровья у близких родственников – особенно матерей – могут быть не менее и даже более проявленными, чем у непосредственных участников ситуации.

«Я сейчас вспоминаю историю с матерью пострадавшего, это отдельный тяжелый случай. Она изначально вообще говорила: «Нет, нет, нет, мне вообще ничего не надо, мне главное только, чтобы у него...». Мы уходим на кухню и вместе режем салат. И тут в какой-то момент женщина смотрит в окно, это восьмой этаж, и говорит: «Да, вы знаете, я так смотрю и думаю: если бы не он, я бы вот так выскочила и все. И куда Аллах смотрит, за что нам это все?»»

Яна, психолог

Контаминация экономического положения

Как уже было сказано, расследование и защита в суде требуют больших финансовых ресурсов. Заявителям нужны деньги на оплату судмедэкспертиз, на медицинскую

помощь и адвокатов (поскольку государственная правозащита и медицина далеко не всегда соглашаются сотрудничать или не кажутся удовлетворительными по качеству), на расходы на поездки в суд и к экспертам.

Существенное влияние на бюджет оказывает и тот факт, что человек, подвергшийся пыткам, может надолго потерять возможность работать – в силу состояния здоровья, требований госзащиты, необходимости скрываться от преследователей и переезжать в другой регион или просто за счет количества времени, которое необходимо тратить на судопроизводство. В результате некоторые пострадавшие вынуждены распродавать все свое имущество и буквально остаются без крыши над головой.

Для человека, содержащегося в месте лишения свободы, появляются новые траты: даже разрешенные способы повысить уровень жизни стоят больше («*еда в магазинчике*⁵⁴ – *полное говно и втрое дороже, чем на воле*»). «Контрабанда» – вроде покупки и доставки на зону мобильных телефонов – означает, что человек вынужден потратиться собственно на сам предмет, заплатить комиссию за его пронос с воли, и при этом велика вероятность, что «запрещенку» отберут во время очередной проверки камеры.

Помимо того, что отсутствие денег, очевидно, ведет к снижению уровня комфорта, качества питания и статуса среди других заключенных, существуют и косвенные последствия. В частности, человек, который годами финансово зависит от помощи знакомых с воли, теряет навык грамотно распоряжаться деньгами и воспринимает себя как самодостаточного экономически, что может сказаться на его жизни после освобождения, а экономические убытки несет не только пострадавший, но и на вся его семья.

«Средняя зарплата по зоне – средняя, заметь, – где-то примерно 3,5 тысячи рублей. Иногда 700 рублей. То есть выводят их на уровень хотя бы того, чтобы они могли за месяц сам за себя, за ларек заплатить. И он не обременяет родственников. Допустим, на одной из зон я договорилась, что, как только у меня будет возможность, я организую кафе для посещения при краткосрочных свиданиях. В том помещении, которое использовалось для краткосрочных свиданий. Я сейчас найду финансирование, я переоборудую в небольшое кафе, чтобы люди могли сидеть рядом друг с другом в нормальной обстановке. Чтобы тот же самый заключенный, который заработал на зоне, мог прийти и отовариться в этом кафе, и угостить своих родственников хотя бы чаем и пирожными.

Дарья, правозащитница

Другой механизм, за счет которого последствия ситуации пытки «засоряют» нормальную социально-экономическую деятельность человека, связан с бюрократической рутинной. Мы уже говорили о бюрократии как о сфере

⁵⁴ Речь идет о продуктовом магазине, который находится на территории колонии и является единственным, доступным для заключенных. С ассортиментом и порядком цен можно ознакомиться в его онлайн-версии: <https://magazin-ik.ru>

«перетягивания» агентности между пострадавшими от пыток и правоохранителями, и о том, что этот метод борьбы требует больших временных затрат от заявителя – самого пострадавшего или его близких. В частности, близким заключенных и задержанных приходится стоять в очереди к начальнику СИЗО, который принимает по одному часу в неделю, ездить из города в город, звонить в суды, правоохранителям, прокурорам и защитникам, проводить бесчисленные часы за написанием бюрократической документации. У многих не остается времени на работу.

«Писать, допустим, заявление на шести листах – уходит время на поиск какой-то практики по таким делам, на составление документации. А я работаю почти с 9 часов вечера до утра. Соответственно, очень много времени уходит».

Кристина, мать задержанной

Государственное насилие может спровоцировать и проблемы в экономических отношениях, которых не возникло бы, не оказался человек «запачкан» стигмой.

«Мы квартиру снимали одну и ту же 11 лет, а потом нас ее попросили за сутки [ее освободить], когда я в Комитет против пыток подавала заявление. Потом какие-то непонятные налоговые проверки начались на работе. Какая-то хрень вообще. Типа якобы недовольные клиенты, жалобы подали. Короче, чушь какая-то».

Анна, мать убитого правоохранителями

Кроме того, изменения происходят косвенно, через повседневность людей, столкнувшихся с государственным насилием. Виды изменения повседневности связаны с приобретением новых уязвимостей, перечисленных выше (снижение уровня жизни, потеря имущества, занятости, семейного положения; ограничения, накладываемые состоянием здоровья). В этой новой повседневности тоже нет места старым социально-экономическим отношениям, а пришедшие на смену едва ли более эффективны.

Контаминация социальных структур

Однажды став объектом внимания правоохранительной системы, многие люди так и не смогут «очиститься» от этого опыта. С одной стороны, это вызвано стигмой тотального института: личностными изменениями, новыми привычками и ценностями. С другой стороны, для бывших заключенных появляется риск повторного попадания в пенитенциарную систему, поскольку они приобретают новую уязвимость. Так, один из пострадавших от пыток, Геннадий, рассказывал следующую историю.

«Один раз попадешься, и они будут докапываться до последнего, пока не посадят <...> Ты вроде бы один раз натворил, ладно, сидишь дома уже, все. Отошел от всех дел. У меня был случай: в деревне пропал насос. Я вообще сроду в этом доме не был, никогда в жизни, так они приехали в первую очередь ко мне. «Тебя, – говорят, – там видели, ты взял этот насос». Я говорю: «На хер бы он мне нужен был?»

«Нет, ты взял». В общем, мне еще они дали время найти насос и вернуть его. Я говорю: «Вы что совсем с ума сошли?» Я пошел в прокуратуру, пожаловался на них: «Они дали мне время, чтобы я нашел им насос, который украли, а я его в глаза даже не видел». Вот я в первый раз тогда пожаловался на них. Они потом злые на меня ходили».

Геннадий, имеет опыт задержания

Геннадий оказался в типичной ситуации: будучи осужденным однажды, он словно превратился в глазах правоохранителей в человека, которого можно заподозрить в любом преступлении. Более того, у Геннадия со временем сформировалась репутация «жалобщика» и «скандалиста», потому что он обращался к правозащитникам и сравнительно широко освещал в медиа тот случай, когда его били электрошокером в пах. Двум участковым, которые участвовали в пытках, в итоге вынесли обвинительные приговоры и отправили в колонию. Это вызвало всплеск профессиональной солидарности в отделе и мощную волну негатива по отношению к Геннадию со стороны других сотрудников этого отдела.

Другой аспект государственного насилия – его влияние не только на пострадавшего, но и на те социальные структуры, в которые он входит. Тотальные институты исключают человека из других социальных структур и экономических отношений и забирают себе целиком. Так, длительное заключение само по себе способно разрушать существующие сообщества – семьи, профессиональные коллективы, соседские собрания и пр. – поскольку извлекает из текущей жизни и стигматизирует участников.

«Пока я отбывал наказание в ИК, целый год моя родня не знала, где я отбываю наказание. В прямом смысле слова. Моя мать присылает мне посылку в лагерь – ей приходит посылка возвратом, что меня в данном исправительном учреждении нет, хотя я уже год сижу в лагере. Это как назвать? До сих пор мне не дали ответа. Вот уже семь лет мне не дают ответа».

Павел, имеет опыт заключения

Интересно, что похожим воздействием обладает и опыт пытки, даже если он не связан с длительным заключением и изоляцией. Лишение контактов с близкими, как мы писали ранее, также используется в качестве пыточного инструмента и, разумеется, работает на разрушение семьи. Но насилие способно разрушать семью и само по себе, если один из людей не может сохранять сопричастность происходящему:

«Судья понимает, что менты мне руку сломали и что менты дают липовые показания. Говорит мне: «Слушай, у тебя же есть свидетель – жена, ты же ей звонил. Давай она напишет заявление. Почему еще ее следователь не опросил, хотя следователь обязан ее опросить, там даже бумага есть. Один свидетель самый главный, и она ее не опрашивает. Бумажку эту написала, типа погодные условия плохие, не могут доехать. И все. Вот такую бумажку она вложила. Пускай она напишет заявление, как это было. Если она говорит, то тогда я тебя

отпускаю». Я ей звоню из тюрьмы. Знаешь, что она говорит? «Разбирайся со своими проблемами сам». Выключает телефон и блокирует меня. Я был в шоке! <...> Сейчас уверен, что надавили. Везде меня заблокировала. Жили [вместе] – все офигенно! А кончилось вот так... Я позвонил ее подруге, она такая: «Артур, не переживай, все будет нормально. Я ей позвоню. Сто процентов будет все нормально, она напишет, как все есть, и ты будешь дома». Я сижу жду... В итоге зону отсидел. И пофиг!»

Артур, имеет опыт заключения

Порой родственники пострадавших от пыток также становятся объектами государственного насилия, особенно если они проявляют активный интерес к следствию. Помимо всех прочих видов воздействия государственного насилия на родственников и близких человека, который с ним столкнулся, особенно следует отметить повышенный риск самому стать фигурантом сфабрикованного дела или получить угрозы. Так, Анна из-за своих обращений в прокуратуру и Следственный комитет получала предупреждения, что на нее «собирают компромат» о том, что она якобы раскрывала тайну следствия.

Особая категория людей, чья судьба существенно меняется из-за ситуации государственного насилия, – это несовершеннолетние дети тех, кто пережил пытки или заключение. Помимо того, что в случае, если один член семьи был подвергнут пыткам, это сказывается на всех и социально-экономические потери неизбежны, стоит отметить, что дети принимают на себя особый эмоциональный удар. В первую очередь описываемое касается случаев, когда они становятся свидетелями произошедшего с их близкими, особенно в раннем возрасте.

«Был у нас мальчик, который к нам пришел в семь лет, его полицейский за шею тащил по лестнице вниз со второго этажа и при нем бабушку бросал об стену. Надо было напугать маму. Мальчик к нам пришел, он говорил шепотом, при том что никаких повреждений не было. Он прошел диагностику в больнице. Это то, что называется психогенным мутизмом – когда человек так пугается, что не может говорить».

Яна, психолог

Кроме того, если женщина попала в заключение, будучи беременной, после родов ее часто разлучают с младенцем, которого отправляют в дом ребенка при месте отбывания наказания.

«У нас идет раздельное содержание женщин и детей по закону от трех лет. До трех лет женщина с ребенком должна находиться. Основная проблема в том, что ребенок находится не вместе с матерью, они разделены. Ребенок может находиться в доме ребенка при колонии, а мать – в зоне, и она может [посетить ребенка] на несколько часов день, если нет карантина или нарушений каких-то... [Появляется] возможность манипулировать матерью. А совместное проживание вводится, но это процентов 5-10. То есть совместно – по желанию матери, но при условии, что у нее хорошее поведение, она хорошая мама и т.п.»

Контаминация профессий

Пострадавшие от пыток и их родственники – не единственные, кто чувствует на себе пристальное внимание государственных органов. Случалось, что и правозащитники получали угрозы в свой адрес и подвергались преследованию.

«У меня первый адвокат, который был тоже хорошим адвокатом, мощным, преподавателем. Его встречают гаишники при въезде в город и говорят: «Сейчас разворачиваешься и уезжаешь – или прямо едешь с наркотой, и мы тебя закрываем рядом с твоим подопечным». И он что делает? Он разворачивается, уезжает – отказался от меня».

Платон, имеет опыт задержания

Последствия пытки расползаются в зависимости от степени удаленности от ее ядра. Все люди, имеющие отношение к человеку, попавшему в правоохранительную систему, особенно пострадавшему от насилия со стороны правоохранителей, становятся более уязвимыми – нарастает вероятность попасть под несправедливое преследование и пострадать от государственного насилия, о чем мы подробно писали в первой главе. В итоге мы наблюдаем спираль, ведущую все к большему неравенству и уязвимости с каждым новым взаимодействием с системой.

Механизм влияния на самовосприятие и восприятие другими

Еще один выделенный нами механизм влияния государственного насилия на общество связан со способностью ситуации насилия и пыток менять представление человека о самом себе – о своих возможностях, моральных установках, границах нормальности. В результате контаминируется образ человека как на уровне самовосприятия, так и на уровне репутации.

В зависимости от расстояния до ядра насилия интенсивность контаминации варьируется. Однако общая закономерность воздействия государственного насилия на самовосприятие можно сформулировать следующим образом: когда на человека оказывается давление, он встает перед вынужденным выбором – отказаться от своего самовосприятия и репутации, либо же укрепиться в этом восприятии себя ценой более болезненного столкновения с системой. В главе, посвященной агентности, мы говорили о том, что может повлиять на данный выбор в ту или иную сторону. Здесь же мы рассмотрим, как этот механизм работает у различных участников ситуации государственного насилия и к каким последствиям он приводит.

Пострадавший и его близкие: сломленная жизнь и смирение

Безусловно, пострадавший, а также его близкие испытывают наиболее выраженное давление, направленное на изменение их представлений о себе. Угрозы, требования «делать что говорят», отказаться от своих собственных представлений о должном (оговорить себя, забрать заявление, перестать жаловаться) – все эти призывы они слышат на протяжении длительного времени. В каждом подобном случае человек становится перед моральным выбором: действовать, как он считает правильным,

или смириться. Рутинность данных практик способна не просто лишить человека контроля в конкретной ситуации, а изменить то, как он будет вести себя в будущем.

«Как они говорят – «мы воспитываем вас, исправляем». Но, по сути дела, наоборот, не исправляют людей, а еще хуже делают. Самый простой пример приведу: кусок хлеба, пайка называется, положено 200 грамм на человека. Приходишь в столовую есть, а там не 200 грамм (по опыту говорю), а, например, 50 или 100 грамм. И начинаешь у них интересоваться, почему так. Ведь по закону мне положен мой кусок хлеба. И все, и начинают – [отправляют] в изолятор, ты сразу злостный нарушитель. Вроде за свое спрашиваешь, интересуешься, а еще и виноватым остаешься. Это мелочи, но с этих мелочей все и начинается. Потому что везде, куда не пни, такие мелочи. И если все это суммировать, получается ужас, конечно. Раньше я и не знал. Не думал, что это вот так. А если [какой-то спор] выигрываешь, то обязательно [будет] либо смерть, либо [роскомнадзор]».

Артур, имеет опыт заключения

Многие собеседники, прошедшие через пытки сами или вместе со своим близким, описывают результат давления как внутренний слом, равнодушие к собственной судьбе, потерю надежды. Иногда эти изменения кажутся окончательными, простирающимися за границы застенка («Все – душа болит. Хоть даже на воле, все равно...»). В следующем примере особенно примечательно то, что сам говорящий уничижительно говорит о себе и товарищах по несчастью. Образ себя приходится менять с человека, наделенного правами, на живучее насекомое.

«Никто не верит. Я не встречал за свои 2,5 года отсидки ни разу человека, зэка, который верил бы, что можно найти правду среди этих структур, что можно найти и добиться справедливости. Привыкаешь жить в серой массе, чтобы не выделяться, не дай Бог. Это в СИЗО у нас был старый уголовник один, проездом тоже. Он всегда говорил: «В лагерь попадете, главное – не выделяться. Свой срок отсидите, как таракан под плинтусом».

Вениамин, имеет опыт заключения

Видят последствия внутреннего слома и близкие.

«Он кроме дома никуда не ходит. Раньше мальчишка, а сейчас уже нет. То есть доверие ко всем у него пропало».

Мария, мать задержанного

Людям приходится отказываться от своей позиции.

«Отдел полиции – это очень сложно, потому что в спецприемнике у тебя хотя бы есть книги, телефон раз в день, еще что-то. А в отделе у тебя нет абсолютно ничего. И ты абсолютно не понимаешь, чем себя занять. У тебя все мысли уходят в себя, и от этого еще хуже становится... Ощущается

никчемность какая-то, немощность, потому что ты понимаешь, что ты не можешь ничего. Ты в какой-то ловушке, где на тебя давят».

Руслана, имеет опыт задержания

«С [момента] освобождения в 2015 году я ни разу не применял насилие к представителю власти на митинге. Я выучил урок, что даже если я считаю насилие оправданным, я не готов с этим связываться. То есть это, скорее, про то, что есть болото, в которое ты не хочешь идти, потому что это слишком сложно, трудно, ты потратишь много усилий, и ты еще рискуешь потом там утонуть. Зачем тебе это делать, если ты можешь не ходить на болото? И вот это состояние, оно у меня сформировалось. Не знаю, насколько я характерный пример, но в этом отношении, можно сказать, что тюрьма сработала. Это не очень приятный для меня вывод, но, наверное, сейчас я могу его для себя сделать».

Юрий, имеет опыт заключения

В некоторых случаях даже после смерти тело человека продолжают контролировать, а близких и интересующихся людей – ограничивать.

«Потом (это уже не я, но другой член ОНК) ходили смотреть на труп, потому что, конечно, медицинское заключение не должно было соответствовать повреждениям на теле. Там было какое-то медицинское заключение, но как будто он умер просто так, от каких-то естественных причин. Но естественно, труп не показали ни членам ОНК, ни родственникам. Его хоронили в закрытом гробу».

Василиса, бывший член ОНК

В случае же, когда человек отказывается смириться, он может столкнуться с активизацией насилия в отношении себя, то есть неприятными последствиями для здоровья, более длительными тюремными сроками или просто ухудшением бытовых условий.

«Просто ложку, которой я ел, мне сломали, а дать новую никто не разрешал. Это потому что завхоз приказал: кто даст мне ложку, тот пойдет в изолятор. Если хочешь есть, ешь руками. Кашу я должен был есть руками. Как животное. Но, извините, я не животное и никогда им не стану. Лучше сдохнуть».

Павел, имеет опыт заключения

В некоторых случаях на тех, кто идет до конца, иначе начинают смотреть и окружающие: общение с ними опасно («над ней тучи сгущаются»).

Человек, применяющий насилие: разочарование и конформизм

Очевидный субъект морального выбора в ситуации насилия и пытки – это тот, кто столкнулся с необходимостью это насилие совершить или допустить, особенно если подобный опыт для человека внове.

«Я видел, как избивают людей жестко. Прямо я наблюдал это, может, метрах в трех. Такое неприятное зрелище было для меня. <...> Я просто понимал... На эмоциях я еще. Как-то даже стало не по себе. Прямо его избивали жестко, по лицу палками, по рукам. Я слышу, как он кричит, как он орет. Там и девушка была. Девушка взяла велосипед, она ехала с велосипедом. Они за велосипед взялись вдвоем и лежат. Их начинают прессовать: «Пойдемте в автозак». А они: «Нет». И их начинают бить. По рукам прямо. По ногам, по рукам, помню, били. Ощущения не из приятных. Я думаю, вы сами понимаете, если при вас избивали бы так. <...> Возможно, у меня было [желание что-то сделать]. Но я понимаю, что здесь СМИ, пресса. Я подставил бы сам себя. Я тогда, наверное, был бы на эмоциях. Я не подошел бы и тихо, спокойно: «Пойдем, хватит». А там, наверное, человека три-четыре было, то есть там не один человек был. Были бы просто последствия для меня, мне кажется, трагические».

Тихон, бывший сотрудник МВД

Правоохранители, с которыми мы беседовали, рассказывали о том, что многие приходят к службе с романтическими представлениями о ней: о защите слабых, борьбе с преступностью (показательно, что никнеймы и аватарки пользователей полицейского форума часто содержат отсылки к известным защитникам порядка, разведчикам – Штирлицу, Жеглову с Шараповым и пр.). После участия в пытке может быть затруднительно вернуться к представлениям о себе как о том, кто защищает, приходится воспринимать себя как того, кто бьет – пусть и ради «благих целей».

В качестве иллюстрации этих изменений можно привести ответ одного из участников полицейского форума с большим послужным стажем на вопрос молодого коллеги – ниже он представлен в сокращенном виде.

«Даже не знаю, что и сказать. Слишком Вы впечатлительный и нерешительный, романтичный и разговорчивый для службы в полиции. А навязчивая идея служить именно в подразделении «К» может сыграть с Вами злую шутку. Эту мечту нужно тихо вынашивать и осуществлять, дабы не заподозрили Вас в неадекватности.

Я, будучи молодым, тоже был романтиком. Мои рассуждения – не критика, а намек, совет умному человеку. Отдающему отчет себе в части понимания среды, в которой он оказался, и ее параметров».

Участник онлайн-обсуждения

В результате получается, что сохранять представление о себе как о хорошем полицейском после столкновения с необходимостью осуществлять или допускать насилие и пытки затруднительно. Тех немногих, кто открыто заявляет о своей позиции, либо ожидают репрессии, либо – что происходит чаще – увольнение, вынужденное или по собственному желанию.

Специалист, работающий с насилием: опасность и выгорание

Моральный выбор сопровождает и тех, кто так или иначе работает с людьми, прошедшими через государственное насилие. Они также подвергаются угрозам – иногда достаточным для того, чтобы пришлось менять свои моральные ориентиры.

«Этих адвокатов нашел брат подруги по рекомендации тоже его каких-то там хороших знакомых. И мы, когда с ними встретились, объяснили ситуацию, что на них может быть оказано давление. Испугаются ли они идти до конца? Они сказали, нет, они пойдут до конца. В результате через месяц-полтора максимум они слились. <...> В ужасной формулировке. Они сказали, что не хотят со мной иметь никакого дела, им неприятно со мной общаться и они не хотят меня никогда больше в жизни видеть».

Анна, мать убитого правоохранителями

Тех, кто остается в профессии, помимо новых уязвимостей, описанных ранее, часто ожидает профессиональное выгорание, отсутствие надежды.

«Когда ты 40 раз говоришь одно и то же, и тебе на черное говорят белое, а на белое – «черное». Они говорят, например, что кулеров у нас нет вообще, нет электроприборов, электрочайников. А ты показываешь фотографии с осмотра места происшествия, предположим, и на фотографии в коридоре стоит кулер, в том кабинете, где били [имя пострадавшего]. А они говорят: «Это незаверенная копия, она не подойдет». Это тяжело».

Арина, правозащитница

Правозащитники как люди, которые лично видели больше свидетельств государственного насилия, чем многие другие, вынуждены брать на себя ответственность за настоящее и будущее своих подопечных. Подобный опыт они описывают как чрезвычайно тяжелый.

«Люди [с онкологическими заболеваниями] не получали длительного лечения, причем это были десятки человек. И просто понимаешь, психологически тяжело работать с людьми, которые умирают. Идешь и видишь последние дни и никакого шанса на освобождение, а чтобы довести апелляцию уйдут месяца. И человек с надеждой, с отчаянием смотрит на тебя».

Мирон, правозащитник

Со временем на тех, кто сумел сохранить свое восприятие, начинают иначе смотреть окружающие. Так, один из правозащитников описывал отношение к нему со стороны однокурсников, которые работают на силовые структуры.

«Когда речь заходит об иноагентстве, о [финансовых] донорах, люди не могут поверить в то, что мы не выполняем чьи-то указания. То есть они-то привыкли: вот у них там есть органы, им задачу дают, они выполняют, им за это платят.

Непосредственный или косвенный свидетель: избегание и подчинение

Моральный выбор, который стоит перед свидетелем ситуации государственного насилия, – от свидетелей в юридическом смысле до тех, кто узнал о ситуации из новостей – обычно происходит между тем, чтобы вмешаться и попытаться помочь, и тем, чтобы сохранить свою повседневность неизменной. Во многих случаях опасность самому подвергнуться преследованию реальна.

«Чаще всего [свидетели, если они есть] соглашаются [дать показания]. Но потом начинаются проблемы, начинается давление со стороны полицейских. Если это реально свидетель очень важный, который очевидец даже, то пытаются с ним договориться либо угрожать».

Игорь, правозащитник

Люди, которые в такой ситуации были вынуждены отказаться от дачи показаний, зачастую ощущают, что они больше не могут думать о себе как о живущих по правде. Если же они решаются идти до конца, то в некотором смысле попадают в ту же группу людей, что и специалисты, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Интересно, что одна лишь информированность о ситуации пытки ставит даже постороннего в позицию свидетеля, который должен совершить моральный выбор – инвестировать свои ресурсы в эту ситуацию или нет. По данным фокус-групповых дискуссий видно, что людям некомфортно из-за этого выбора. В результате столкновения со свидетельствами пыток многие вынуждены приходиться к выводам, не соответствующим их предыдущим представлениям о себе, о нормальном. В следующем примере Степан, участник фокус-группы, ознакомился с аудиозаписью из ОВД «Братеево», после чего поделился эмоциями и выводами.

*«**Это неприятно слушать**, могу сказать. <...>*

*Во-первых, я не знаю девушку и не могу представить, что она наделала, но она **держится молодцом**. У меня вызывает именно эмоцию, что в ней есть некий внутренний стержень <...> Но сотрудники полиции – видно, что они делают это, наверно, не первый раз, и **это меня на самом деле пугает**. Я представил, что **если бы я пошел на митинг и меня так забрали... Я отстаиваю свои интересы**. Если бы я то же самое сказал, я бы... не знаю, что бы я сделал, потому что я бы прифигел, если честно сказать, от такого отношения. Они говорят, что Путин дал указ. Я думаю, что есть какая-то внутренняя бумага или распоряжение не от Путина, а в целом от руководства, что в принципе поощрять что-то такое можно, именно после задержания на митингах, когда уже в отделении, чтобы тоже пугать людей. Я пытаюсь хоть как-то найти хоть какое-то логическое объяснение, хоть за что-то, какой-то процент обоснования, почему они имеют право это сделать. Возможно, что-то такое. Но все равно это ни в коем случае нельзя делать. **С этим надо бороться**».*

Степан, участник фокус-групповой дискуссии

Однако к концу беседы Степан обозначает себя уже скорее не как человека, привыкшего бороться против несправедливости, а как человека разумного, защищающего свою повседневность.

*«Но в принципе **не хочется разбираться с этим**, да и нет времени, да и вообще, [какой] смысл за этим следить? Я прихожу к своему, может быть, небольшому возрасту, что в целом **надо не следить за всеми этими историями, не следить ни за какими митингами**, а улучшить окружение, свою семью, воспитывать детей, любить родителей и **жить замкнуто**. **Ничего кардинально нельзя поменять**».*

Степан, участник фокус-групповой дискуссии

Выводы

После столкновения с государственным насилием человек остается контаминированным: с меньшим социально-экономическим капиталом, ухудшившимся физическим и психическим здоровьем и новыми негативными социальными статусами. Часто люди переживают несколько циклов столкновения с системой, каждый из которых увеличивает вероятность следующего.

Даже если повторного столкновения с системой удастся избежать, жизнь человека все равно оказывается изменена полученным опытом, и его последствия заметны во всех сферах жизни. В долгосрочной перспективе потеря агентности может стать хронической: от невозможности вернуть себе контроль над своим телом и повседневностью до окончательного равнодушия к собственной судьбе.

Кроме того, контаминация государственным насилием не останавливается на тех, кто ему непосредственно подвергся. Как инфекционное заболевание, она распространяется дальше, порождая новые уязвимости и усиливая существующие. На людей, каким-либо образом вовлеченных в ситуации насилия – от близких до адвокатов и исследователей пыток – действуют схожие механизмы, что и на пострадавшего: они теряют ресурсы, приобретают стигму и в результате тоже страдают.

Мы показали, что насилие и пытки работают на подчинение и подавление: достаточно лишь знать о пытках для того, чтобы стремиться их избежать. При этом соприкосновение с пыткой вызывает не желание соблюдать закон, а ведет к восприятию себя бесправным и беспомощным. Для тех, кому удастся сохранить свои представления о себе, последствия столкновения с пыткой могут быть еще более разрушительными в других сферах жизни. С каждой новой историей государственного насилия практики и способы восприятия, порождаемые пыткой, входят в повседневность в качестве новой нормальности.

Дозволенное-недозволенное: как об этом говорят

В прошлой главе мы показали, как государственное насилие становится повседневным и до некоторой степени привычным для многих явлением за счет того, что ситуация пытки контаминирует повседневность, самовосприятие и мораль большого числа людей. В настоящей главе мы продемонстрируем, что значительную роль в этом процессе играют различные способы говорить о государственном насилии. Для этого проанализируем представления о насилии.

В своем исследовании мы предположили, что способы говорить о государственном насилии можно ранжировать по шкале «дозволенное-недозволенное», где на одной стороне шкалы лежит его оправдание и даже одобрение, а на другой – порицание и подчеркивание его недопустимости ни при каких обстоятельствах. При этом между ними может существовать масса промежуточных вариантов, например, его допустимость по отношению к определенным группам задержанных или заключенных либо только в целях самозащиты и т.д.

С одной стороны, высказывания человека, его речь будут отражать повседневные действия и практики, в которые включен говорящий. Иными словами, можно предположить, что чем чаще человек сталкивается с насилием в своей повседневной жизни, тем сильнее у него «замыливается глаз» и тем выше его толерантность к насилию в целом, то есть тем чаще в разговоре он будет оправдывать применение насилия или по крайней мере искать способы его обосновать. Люди, редко сталкивающиеся с насилием, по этой логике должны проявлять себя как более чувствительные к нему и чаще настаивать на его недозволённости.

С другой стороны, разговор на эту тему можно рассматривать как особую практику, которая связана не только с повседневностью говорящего, но и с представлением о себе и окружающей действительности. Предполагается, что исходя из этих представлений человек выстраивает особые наборы аргументов, которые он применяет к различным жизненным ситуациям, включая ситуации насилия, в виде собственных суждений о справедливости. Это подразумевает наличие у людей не только той или иной степени чувствительности к насилию, но и особой стратегии подбора аргументов в суждениях о насилии, его справедливом или несправедливом применении, его степени. Таким образом, в стратегиях или логике аргументации часто раскрываются неочевидные причины, по которым респондент относит ту или иную ситуацию к дозволенному или недозволённому.

Мы уже показали, что для человека, столкнувшегося с государственным насилием, одним из важнейших способов сохранения агентности является вера в то, что с ним поступили несправедливо, незаконно, неправильно. В связи с этим вопрос определения пытки приобретает особую значимость, поэтому в данном разделе мы попробуем очертить спектр мнений о ситуациях применения насилия. Кроме того, мы проанализируем, какую роль играют речевые практики в процессе рутинизации государственного насилия. Воспринимают ли его как что-то обыденное, неизбежное и не поддающееся контролю? И если да, то исходя из какой логики аргументации?

История Платона (продолжение)

- Вы называете произошедшее пыткой. Я с Вами полностью согласен. Но почему Вы считаете, что это именно пытка?

- Они же прекрасно знают, как все это... Они привязывают человека. У меня был синдром длительного сдавления – от этого у меня отказали почки, из-за того что в конечности уже кровь не попадала. Лежишь, ребра давят в легкие. Это адские боли просто. Они же знали, что делать, как это творить, чтобы человек сдался. Поэтому я считаю, что как не пытки? Привязанного бить.

- Вы рассказывали, наверное, это все каким-то друзьям, знакомым. Как вообще реагируют люди на это? Как в семье отреагировали? Что говорят?

- В семье-то прекрасно понимают, что это не я. А друзья, например, говорят: «Как так? Почему именно тебя? Почему не меня, например, а тебя, если это не ты?». Даже такие вопросы были.

- То есть не все понимают?

- Ну да. Я, конечно, всем-то и не объясняю уж всю суть. Зачем им все это знать по идее? Поэтому... Хотят знать – узнают, не хотят – толку кому-то что-то объяснять нет.

- А как, на Ваш взгляд, сотрудники правоохранительных органов должны обращаться в идеале с задержанными, с заключенными? Может быть, у Вас есть какой-то пример такого хорошего обращения не с Вами, но с кем-то из Ваших знакомых?

- У нас нет законов против полицейских, у них только 286-я статья⁵⁵ – превышение полномочий. Но это же не закон. Если бы как в других странах, как в Японии, например... А так они просто не дорожат своей профессией. Им по херу, им ничего не будет за это. Или дело закроют, или условкой отделаются. Это же не только с моим делом так. У нас полицейские везде такие. Для них закон не писан.

- С Вашей точки зрения, кто виноват в этом беззаконии?

- А вы сами как думаете, кто виноват в этом? Государство, наверное. Кто-то там выступает, и в Госдуме выступает, но движений, по-моему, никаких.

- Почему?

⁵⁵ На момент беседы с Платоном типовой статьей, наказывающей за применение полицейского насилия, была статья 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», которая не содержала прямого упоминания пыток. Летом 2022 года был принят закон, включивший в Уголовный кодекс понятие пытки – расширены статьи 286 и 302 («Принуждение к даче показаний»), – однако судебных дел по обновлённым составам на момент публикации этого текста не было.

– Я не знаю. Это, наверное, там уже надо спрашивать.

– Я скажу, почему я спросил. У Вас в Telegram аватарка «Сила в правде». Что дает мне основания предположить, что Вы, наверное, поддерживаете сильное государство, но при этом есть вопросы к нему какие-то.

– Наверное есть, как нет. Законы нужны какие-то. Если ты полицейскому шелбан дашь, то до пожизненного дойдет. А полицейским все можно. Это же неправильно. У них особые полномочия, у них оружие, у них спецсредства – все у них есть. Если так, то и отвечать они должны вдвойне за свои нарушения. Если тебе за удар полицейского дают 20 лет, то полицейскому – ему вообще 40 лет нужно давать по идее. Только этот закон был бы, и все было бы прекрасно. Они держались бы в рамках своих полномочий.

– Как Вы считаете, полиция сейчас лучше или хуже обращается с задержанными, чем раньше?

– Обращаются, может быть, и лучше, но все равно факты есть факты... Все равно беззаконие происходит.

– Как Вам кажется, что обществу в целом необходимо знать о правоохранительной системе?

– Чтобы они знали, что они нас защищают, наши права и человека защищают. И чтобы они знали, главное, что они обязаны защитить. Они же присягу давали. Мне бы только этого хотелось. А для этого закон нужен опять, блин.

Случай насилия «на слуху»

Многие наши собеседники самостоятельно вспоминают медийные случаи применения силы правоохранителями. Они как оправдывают, так и порицают их. В первую очередь вспоминают случай сексуализированного насилия – пытку шваброй: в девяти беседах эта тема возникала спонтанно, без вопроса со стороны интервьюера. Контексты упоминания разные: один из пострадавших говорит об использовании швабр как о крайней степени известного ему насилия («у нас такого не было, мне повезло»), то же отмечает и правозащитник («это, конечно, пытка, но это не швабра»). Бывший полицейский в интервью делится своим представлением о том, что использование швабры пригодно для некоторых категорий судимых, а также мотивирует освободившихся людей не возвращаться в место отбывания наказания.

«Швабротерапия. <...> На форумах это очень популярное, скажем так, понятие. <...> Буквально недели полторы назад двое педофилов пятилетнюю девочку изнасиловали и убили. Мое мнение – такие заслужили. <...> Я больше, чем уверен, что 99%... Ну, не 99%, эзков у нас полно по стране, но 70% по стране меня поддержат. Только к таким и им подобным: педофилам, тем, кто наркотой торгует, к убийцам, особенно к серийным маньякам, да и просто убийцам. Почему

бы и нет? Почему они должны жить и кайфовать? Для них тюрьма – дом родной».

Виктор, бывший сотрудник МВД

Вероятно, многие говорившие с нами знакомы с практикой использования швабр из новостей, однако затрудняются произнести это вслух. Так, в примере ниже интервьюер несколько раз задал уточняющий вопрос, чтобы узнать, что именно из новостей шокировало респондента.

«Вы знаете, это совершенно недопустимые вещи, категорически недопустимые, никак этого быть не может. Поэтому то, что я слышал, это не то, что варварство, это просто что-то античеловеческое. И насколько я знаю, были наказания административные этим людям. Вплоть до того, что не только отстранены, но даже осуждены. Когда было насилие такое, швабры в задний проход, такие вещи... То, что я слышал, и даже, по-моему, были какие-то ролики. Это, конечно, уже за пределами понимания».

Михаил, священнослужитель в СИЗО

Несколько человек привели в пример случаи Маргариты Юдиной⁵⁶ и Ивана Голунова⁵⁷. Эти события наши собеседники выбирают для иллюстрации как необходимости, так и неприемлемости насилия. Например, ниже представлены взгляды бывших сотрудников МВД о допустимости действий полицейского на митинге в Санкт-Петербурге.

*«Я понимаю, **закидали бы [снежками] того мужика, который женщину в живот ударил.** Вот тогда это была бы справедливая реакция людей, которые это увидели бы».*

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

*«Вот этот известный случай. Как ее звали, которую омоновец пнул? [Маргарита Юдина] <...> Я считаю, что **омоновец действовал абсолютно законно, обоснованно и все нормально сделал.** Он вел задержанного, он избегал с ней встречи. Я внимательно смотрел видео несколько раз, они сместились с траектории ее движения примерно на метр. То есть они избегали с ней встречи. Я не знаю, что у него в голове было. Если бы она у него повисла на руках, было бы чуть-чуть сложнее ему. Он одним ударом все пресек. Он ей команду дал, она не*

⁵⁶ Маргарита Юдина – участница уличной протестной акции, которую пнул ногой в живот сотрудник Росгвардии, когда она не представляла видимой опасности для силовиков. Инцидент был зафиксирован на видео, а после этого случая Юдина была госпитализирована. Кейс получил широкую огласку в медиа и запустил обсуждение недопустимости полицейского насилия. Уголовное дело о применении насилия на сотрудника МВД так и не было возбуждено.

⁵⁷ Иван Голунов – российский журналист-расследователь, ставший жертвой подброса наркотиков сотрудниками полиции. После волны протестных акций, вызванных резонансностью кейса, МВД РФ сняло, с журналиста все обвинения, а в отношении сотрудников, участвовавших в подбросе и задержании, возбудили уголовное дело.

*ушла, все, он чик-чик и пошел дальше. Все нормально он сделал. Он ударил ее, кстати, в бедро, а не в живот. И пролежала она в больнице всего один день. И все это раздули в такую херню. Хорошо, что парня вроде даже не уволили. <...> Я считаю, что нет [несправедливо, что ему пришлось извиняться]. Я считаю, что **эту бабушку еще должны были привлечь по административке**, есть статья, не помню, глава 20. Это было явное противодействие его законным действиям».*

Матвей, бывший сотрудник МВД

Случай Ивана Голунова показателен и для правоохранителей, и для пострадавших, и для экспертов. Его приводят в пример, говоря о недостаточном профессионализме в работе правоохранителей.

«В деле Ивана Голунова, посмотрите, следователь просто выполнял оформительскую работу. Задача следователя была просто оформить то, что наваяли опера там на приколе. Он же видел все, следак, ну все».

Федор, правозащитник

Известность этого дела позволяет адвокатам и юристам использовать его в качестве профессионального образца для подражания.

«Было дело Ивана Голунова, и оно развивалось чуть-чуть раньше, чем мое. И было очень удобно из-за этого. Они делали генетическую экспертизу пакета с наркотиками, снимали с него экспертизу и доказывали, что там нет генного материала Ивана, потому что он к нему не прикасался. И такую же историю провернули мы».

Ефим, имеет опыт задержания

«Просто фальшак, причем в таких моментах, которые не переиграть, не переделать, не заменить, не подложить... Только это сыграло, только это. Ну и еще суперпрофессиональная защита Бадамшина и его команды, вот это точно. Причем, если бы оставалась та защита, которая зашла изначально, которая, как Герасим, со всем согласен. Я когда первые протоколы смотрел, протокол ознакомления с постановлением о назначении экспертизы, например... «Замечаний нет» пишет защитник. Я не помню, кто у него первые защитники были. А потом уже зашла нормальная защита и это все выложила. И тут уже система встала».

Федор, правозащитник

Таким образом, общее информационное поле, предоставляющее сюжеты о применении силы правоохранителями, существует. Оно позволяет наблюдать различные точки зрения на ситуацию, и наличие такого поля может стать продуктивной базой для общественной дискуссии.

Отношение к применению силы и насилию

Суждения о различных ситуациях насилия, полученные в ходе интервью и анализа медиа и соцсетей, мы разделили на четыре группы: отрицание, осуждение, понимание (но не оправдание) и оправдание. Наша гипотеза заключалась в том, что

отношение к применению силы, даже к одним и тем же случаям, может быть самым разным.

Отрицание

Одна из реакций на появление темы насилия в дискуссии – отрицание самого факта насилия и правдивости его описания. Говорящие часто пытаются найти рациональное объяснение своему скептицизму. Например, кто-то может считать, что приказать сотрудникам колонии подвергнуть заключенного пытке – это риск для начальника, и рациональный человек не пойдет на него.

«Я не верю, что начальник тюрьмы мог такое приказать <...> Такого за выслугу мою 20 лет и в армии, и в тюрьме... Во-первых, всегда начальник тюрьмы нес бы очень высокую ответственность, не дай бог, убили бы заключенного. Он рисковал своей карьерой, своими погонами. Этого не могло быть <...> Нет, это нереально. Такого не могло быть».

Елена, сотрудница ФСИН на пенсии, бывшая сотрудница МВД

Если люди не привыкли думать о пытках, не могут вообразить мотивы, пространство, предположить, какие для них используются предметы, то описываемое насилие может восприниматься как нечто чуждое, феномен из другого мира. Порой это буквально делает его недоступным для анализа, «такого просто нельзя помыслить».

«То, что дубинкой ударили, – странно. Два мужика не смогли одну женщину скрутить? Просто странно».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

В некоторых случаях под неверием угадывается скептицизм и объяснения мира через теории заговора. Отказ обсуждать ситуации насилия тогда связывается с тем, что «нет смысла обсуждать фейки».

«Это же все постановочное. С чем соглашаться? Это театр, это кино. Просто это все заранее спланировано было, все сценарии были расписаны, что и как делать».

Марина, участница фокус-групповой дискуссии

Еще один вариант отрицания – отказ сотрудников правоохранительных органов переводить рассказ о насилии с бытового языка на юридический, то есть они по возможности избегают развернутых показаний и детальных свидетельств. Громкие публичные заявления о том, что применение насилия невозможно доказать («сложно сказать», «надо разбираться»), нередко опираются не только на полное отсутствие свидетельств, но и на скупость описания в объяснениях полиции. Скучные описания в следственной документации, нехватка материальных доказательств значительно затрудняют работу правозащитников.

«Чаще всего мы не можем получить развернутую версию сотрудников полиции, которую можно проверить через судебно-медицинскую экспертизу. Они обычно очень скупы на описание применения физической силы».

Наум, юрист

Мнение о том, что отрицание блокирует обсуждение проблемы, также представлено в наших данных. По словам Игоря, исключая проблему пыток из актуальной повестки, Россия лишается шансов на переработку опыта насилия и пыток и на действительное избавления от них.

*«Государство дает понять, что проблема пыток не стоит в повестке. Оно вообще в принципе **отрицает эту проблему** как таковую. **Власти не нужна Россия без пыток**, власти не нужна Россия с минимальной преступностью, власти не нужна безопасная Россия – все это не нужно. Власть устраивает все так, как есть».*

Игорь, правозащитник, имеет опыт работы в прокуратуре

Осуждение и отказ от понимания

Высказывания, содержащие порицание насилия, часто сопровождаются выражением сожаления к пострадавшим от него и характеризуются проявлениями гнева и экспрессивной речи: восклицательными предложениями (*«Это вообще незаконно – в изоляторе бить! Просто так пришли разбойники, тебя ограбили, избили, еще и в погреб поместили. И все это на законных основаниях!»*), риторическими вопросами (*«Ну что они делают?»*), а также эмоционально окрашенными словами (*«ужасно», «кошмар», «жуть», «средневековье»*).

В высказываниях-осуждениях говорящие наиболее часто использовали резкие оценочные суждения относительно не только самих ситуаций, но и личностей тех, кто его совершал: *«отморозки», «мразота», «варвары», «нелюди», «долбанутые», «фашисты», «ущербные»*. Использование подобных выражений можно трактовать как способ *дегуманизировать* оппонентов через речь, то есть низвести их из статуса людей в статус объектов менее сознательных, неравных говорящему. Людям творящих насилие *«нелюдей»* понять невозможно. Часто звучит: *«я просто не понимаю, [почему могут применяться насилие/пытки]»*.

Резкое дегуманизирующее⁵⁸ осуждение играет двоякую роль. С одной стороны, так респонденты проявляют сочувствие к пострадавшим и наиболее резкое осуждение насилия, то есть гуманистическую позицию. С другой – отказ от понимания ставит барьер между агрессорами и «нормальными людьми», исключает возможность диалога и исправления.

Осуждение и понимание, рациональное объяснение

В спектре отношений к насилию стоит выделить то, что мы можем назвать осуждением с объяснением или с пониманием. В рамках этого отношения человек не

⁵⁸ Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*. 2006;10(3):252-264. doi:10.1207/s15327957pspr1003_4

оправдывает ту или иную ситуацию насилия, но выдвигает рационализированное объяснение происходящего, которое кажется ему убедительным. Наличие объяснения позволяет примириться с реальностью и дает возможность говорить о ней.

«Я даже не знаю, просто они [полицейские, в которых кидают снежки] – жертвы обстоятельств. Один кинул снежком, стадный инстинкт начался. Ничего не сделаешь. В шлемах же все [полицейские] были, вред минимальный. Так получилось, можно сказать. Ничего не сделаешь. Просто они попали не в то место, не в то время, можно так сказать. <...> Насилие порождает насилие, я считаю. Это было, есть, это будет. Это было всегда, насилие со стороны кого-то над кем-то. То есть это было и сто, и двести, и триста [лет назад], оно никуда не уйдет. Насилие будет всегда. Не будет такого общества, где не будет вообще насилия никакого».

Тихон, бывший сотрудник МВД

Когда описание пытки «переводится» на свой язык (например, бытовой, психологический, социологический и т.п.), насилие становится осмысляемым. Так, участники фокус-групп во время обсуждения жестокой сцены насилия проводили аналогию между иерархиями в колонии и в офисе.

«Давайте перенесем это в плоскость, допустим, обыденной жизни. Мы не находимся в этих отдаленных местах. Эти ситуации так или иначе повсеместно. Мы уменьшим градус, просто начальник, госслужащий и несколько сотрудников, и там происходит все то же самое. То есть эта схема присутствует в разных вариантах. Да, в таком виде, потому что там иная система координат, а в офисах – в новом виде».

Аделина, участница фокус-групповой дискуссии

Такие типы суждений (вместе со следующим типом, оправданием) будут основным материалом рассмотрения в данной главе. В подобных высказываниях респонденты, и осуждающие, и оправдывающие насилие, представляют свои аргументы.

Оправдание

Под оправданием насилия мы понимаем мнение о пользе насилия в некоторых обстоятельствах. Например, к опасным людям в опасной ситуации разрешается применять жестокость, и подобные меры кажутся адекватными ситуации. Так, кто-то может говорить о приемлемости насилия по отношению к шпиону во время военных действий.

*«Насилие – это крайняя мера. [Никто] ни в коем случае не должен вынуждать человека с помощью насилия что-то сделать. Сейчас не **война идет**, он не **шпиона какого-то поймал и пытается его**. Скорее всего, происходит насилие с целью личной наживы, повышения в должности, чтобы **выслужиться перед начальством** и т.д. Просто статистика, я не знаю».*

Константин, участник фокус-групповой дискуссии

В категорию «оправдание насилия», в основном, попали реплики, в которых о насилии говорилось как о необходимом зле. Так, легитимным могут счесть насилие вплоть до убийства, призванное бороться с проявлениями власти организованного преступного мира.

*«В 2000-е, в 1990-е не просто лупили, а избивали, убивали прям вообще в прямом смысле слова, потому что там **по-другому нельзя было, потому что была очень сильно организованная преступность**».*

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

В цитате ниже респондент описывает, как не сдержался в применении силы (далее в разговоре он указал, что жалеет об этом), хотя в тот момент необходимый эффект был достигнут – задержанный перестал шуметь и мешать сотрудникам.

«За свою практику я один раз позволил даже сам себе подозреваемому пенделя наладить. Прям пнул его. Объясню почему. <...> Чтобы его уговорить, чтобы он успокоился, не орал, на всех не кричал. Он уговорился. <...> Он быстренько все понял, уговорился и закрыл свой рот».

Станислав, адвокат, бывший сотрудник МВД

Высказывания, оправдывающие насилие, оказались в меньшинстве как среди всех проанализированных высказываний в интервью и в рамках каждой фокус-группы, так и среди комментариев пользователей форумов, посвященных конкретным случаям насилия. Подобное положение дел можно было бы объяснить низкой толерантностью к насилию среди наших респондентов, их неготовностью смириться с насилием, оправдывать его. Однако это может быть связано и с «социальной желательностью» осуждения насилия, потому что высказывающийся «за» рискует получить от собеседников реакцию неодобрения. В результате люди редко называют пыткой то, что они не готовы осудить, вместо этого они используют более мягкие выражения (например, «превышение полномочий», «беспредел»).

В связи с широтой спектра мнений о приемлемости и неприемлемости насилия задача анализа различных мнений о насилии и пытках переходит из теоретической сферы в сферу практическую, подготавливающую платформу для диалога. Исследование вариантов определения насилия позволит подойти ближе к пониманию того, что выходит из рутинного ряда событий и почему. В следующем разделе мы приводим результаты такого анализа.

Представления о пытках: отсутствие консенсуса

Где в представлении людей заканчивается «просто насилие» и начинаются пытки? Для каждого граница будет индивидуальна. Можно использовать результат международной экспертной работы. Так, определение из Конвенции ООН, на которое в беседах с нами ссылались специалисты, гласит: «*Пытка* означает любое действие, которым какому-либо лицу **умышленно** [здесь и далее выделено нами. – Авт.] причиняется **сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить** от него или от третьего лица сведения или признания, **наказать** его за

действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также **запугать или принудить** его или третье лицо, или **по любой причине, основанной на дискриминации** любого характера, когда такая **боль или страдание причиняются государственным должностным лицом** или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение **не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно**⁵⁹.

Тем не менее, большинство наших собеседников, включая тех, кто прошел через пытки, имеют собственные представления об этом вопросе. Эксперты-правозащитники, для которых работа с формальным определением профессионально важна, тоже не могут основывать все свои представления только на нем. В частности, в ситуации нехватки рабочих ресурсов (времени, кадров, финансирования) правозащитникам приходится приоритизировать случаи, и часто на первый план выходят кейсы, которые конкретный специалист соотносит со своим собственным внутренним определением пытки.

На основании наших данных можно сделать вывод о том, что существует несколько важных характеристик, необходимых, но не всегда достаточных условий, наличие которых позволяет людям квалифицировать ситуацию как пытку. Ниже мы представили несколько примеров, однако ими, безусловно, общественные представления не исчерпываются. Здесь мы показываем, что разброс характеристик широк, и для его анализа необходима система. Свой вариант системы мы представляем в следующем разделе «Логика аргументации».

Действительно, для разных людей эти характеристики будут разными. Так, для некоторых важно наличие цели, рациональной задачи у пытающего, например, получить показания. Если рациональный мотив найти не удастся, то о пытке, с точки зрения респондента, говорить нельзя (однако можно говорить о насилии, жестокости, избиении, издевательствах).

«Я думаю, что это на грани насилия и пыток, потому что как таковых пока пыток не было, ее не просили, не выбивали... Частично выбивали из нее ответы, конечно, но прямо конкретных пыток не было. Но что-то между насилием и пытками было.

[Это не ощущается как пытки], возможно, потому что они не задавали один и тот же вопрос, знаете, как в фильмах, когда ты им задаешь вопрос, а человек, допустим, не отвечает. Ты его бьешь, опять он не отвечает, ты его опять бьешь. То есть не было конкретно такого процесса. Был просто процесс: ты не отвечаешь на вопрос, тебя ударили. Просто так как будто бы. И они не стали настаивать на этом вопросе, они просто дальше пошли».

Ирина, участница фокус-групповой дискуссии

⁵⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года

Еще один критерий, на основании которого некоторые люди выделяют пытку среди остальных видов насилия, – это использование особых технологий, инструментов и алгоритмов действия. В таком определении пытка тоже воспринимается через целеполагание того, кто ее применяет, через ее особое место в его рутине.

*«Какому нормальному человеку пришло бы в голову использовать ток? Его не так просто использовать. То есть, значит, там уже есть какие-то специальные аппараты, чтобы это делать. **Какие-то аппараты, чтобы пытать человека.** Это же вообще ужас просто».*

Оксана, участница фокус-групповой дискуссии

«Иван говорит, что ему кипяток на голову лили. Кому-то из кулера, а кому-то из чайника. Ивану из кулера лили кипяток. Видимо, после того, как поняли, что от чайника остаются следы, решили из кулера лить».

Арина, правозащитница

Принципиально иной способ определять пытку – отталкиваться не от технологий или целеполагания того, кто ее применяет, а от эффекта на того, кто ей подвергается. В таком случае пыткой можно считать любое воздействие, которое дает значимый эмоциональный эффект. Например, митингующие, кидающие снежки в полицейских, с точки зрения некоторых, унижают *«тех, у кого есть чувства»*, а потому приверженцы этого определения считают, что для полицейских такая ситуация – *«тоже пытка, испытание»*.

Связанный с предыдущим вид определений аналогично основан на понятии эмоционального эффекта пытки для пострадавшего. В этом случае пытка – это событие, принципиально отличающееся от будничности и привычных сценариев: *«пытка – это не то, что происходит с тобой каждый день»*. Ситуация пыток внезапна, она не может быть привычной: *«Да нет, это не пытки, это избиение. Это вообще не считается пытками. Это постоянно»*. Вызывать эмоциональный эффект призван материальный мир – предметы, которые используются (пакет на голову, пластиковая бутылка, перевозка в багажнике машины и т.п.). Отдельное место в этом определении занимают пыточные методы, связанные с табуированными темами и приватностью, в первую очередь с половыми свободой и неприкосновенностью. Возможно, поэтому случаи с использованием швабры вспоминали особенно часто.

Еще один аспект определения пытки – временной. Для некоторых людей важно, чтобы насилие было достаточно продолжительным, иначе они не решаются назвать его пыткой. Хотя для кого-то перманентность причиняемых человеку страданий уже является знаком того, что оно вошло в рутину, и тогда это тоже уже не пытки. Тем не менее люди нередко говорят о том, что важно расширить понятие «пытка» и на условия содержания, этапирования, конвоирования, ведь там человек точно так же не может смириться, свыкнуться с ситуацией, она продолжает оставаться принципиально чуждой его обычному опыту.

«[Определения] термина «пытки» очень разнообразны. У меня была ситуация, когда у меня очень болело плечо и месяц мне не оказывали медпомощи. И в

какой-то момент я просто сказала: «Идите все на хрен, я лежу на кровати, не трогайте меня, и на проверку я тоже не пойду». В общем, только тогда они начали шевелиться. Но месяц с болью – это было жестоко. Да, безусловно, это пытка».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

При разговоре об адекватной симметричной мере борьбы с пытками людям сложно противопоставить случившейся пытке меру, имеющую ту же силу воздействия. Некоторые готовы идти и на смерть ради борьбы с пытками. Священнослужитель предполагает, что можно «отлучить от причастия» применившего пытки, если он воцерковлен. В то же время о пытках, по мнению экспертов, стоит подробно разговаривать, проявлять представления о них, сдвигать и расширять эти представления.

«Есть очевидные случаи, когда к человеку присоединяют электрические провода и пускают ток. Здесь все понятно, это пытка. Но невозможность для человека сходить в туалет – я тоже, например, считаю это пыткой. Я стараюсь расширенно смотреть, когда мы разговаривали как члены ОНК с сотрудниками СИЗО, или спецприемников, или отделов полиции, мы старались расширять для них зону понимания пытки».

Ольга, бывший член ОНК

Как общаться о чем-то неудобном, о том, о чем предпочитают молчать? Как обсуждать пытки в условиях дефицита опыта и сложности описания пыток (как со стороны пострадавших, так и со стороны свидетелей и тех, кто пытает)? Мы предлагаем обратиться к представлениям человека о возможном и должном – о справедливости. Эти представления мы анализируем и сравниваем в следующем параграфе.

Логика аргументации

Граница между дозволенным и недозволенным, пыткой и «не-пыткой» не может быть расположена на одной шкале, разделяемой всеми. Так, например, суждения «пытки – это плохо, потому что это больно» и «пытки – это хорошо, потому что это помогает следствию» опираются на разные логики аргументации. Столкновение различных позиций вызывает спор – например, о том, применять ли меры к данному правоохранителю или положена ли помощь данному задержанному после его столкновения с системой.

Нас интересует, как строятся споры и в итоге как потенциально может строиться общественная дискуссия о применении насилия и пыток. Для анализа споров о том, что является справедливым, а что нет, французские социологи Люк Болтански и Лоран Тевено разработали методику выделения различных миров, к которым обращаются люди, аргументируя свою правоту. Под миром понимается система координат, служащая обоснованием справедливости или несправедливости в той или иной ситуации. Предполагается, что люди действуют в соответствии со своими представлениями о справедливости, а также в ходе спора могут менять свои или чужие представления, приходя к новому решению. Также предполагается, что разногласия могут быть вынесены в публичное поле с принципиально открытым для сторонников различных миров входом, то есть конфликты между позициями могут

быть разрешены публично. Поскольку мы интересуемся возможной формой целостной общественной дискуссии о государственном насилии и пытках в России, в этой главе мы воспользуемся методикой Л. Болтански и Л. Тевено⁶⁰ и покажем несколько миров, порождающих обоснования дозволенности и недозволенности государственного насилия.

Критические суждения по Л. Болтански и Л. Тевено

В своих работах Л. Болтански и Л. Тевено выделили несколько миров справедливости, характерных для французского общества: индустриальный, правовой, общественный, традиционный, духовный, мир славы, мир предпринимательства; позднее также к ним добавился мир экологии. В каждом мире существуют собственные представления о ценных ресурсах (например, в мире славы это известность, в мире предпринимательства – материальный успех и пр.) и о том, как именно будет справедливо распределять эти ресурсы между различными классами людей (например, в мире славы справедливо, что более талантливые люди более известны).

Ученые Л. Болтански и Л. Тевено утверждали, что на практике обоснования справедливости или несправедливости всегда основываются на логиках аргументации из этих миров, и в некоторых случаях даже не обязательно знать о предмете спора, чтобы их различить. Ниже мы приводим пример из их книги «Критика и обоснование справедливости».

«Два человека могут спорить, выдвигая с равной убежденностью противоположные аргументы: «Это так, поскольку я в этом глубоко убежден» и «Мне кажется, что так не поступают». <...>

Убежденность спорящих сторон непоколебима, поскольку каждое из высказываний может опереться на определенный мир, привлекаемый в качестве доказательств. Так, первое суждение относится к миру вдохновения, где убежденность исходит из глубины души. А второе суждение – к патриархальному миру, где важно не личное мнение, а умение правильно вести себя».

Язык и набор объектов, которыми оперируют для аргументации, различаются для спорящих с различных позиций.

«То, что свойственно одному миру, неизвестно в другом. Так, например, в мире вдохновения есть демоны и чудовища, а в патриархальном мире – домашние животные. В свою очередь гражданский мир не знает домашних животных, так же как он не знает и разделения на детей и взрослых и так далее».

Когда аргументы сторон происходят из одного и того же мира, возможность договориться у спорящих принципиально существует. Если же миры разные, то

⁶⁰ С книгой «Критика и обоснование справедливости» можно ознакомиться здесь: <https://djvu.online/file/yZge4KqBhWthl>

можно либо отказаться от установления справедливости, либо найти объединяющий две разные логики аргументации общий принцип.

«Необходимость осуществления общих сближений может быть более или менее острой. Даже в ситуациях, ориентированных на обоснование справедливости, люди могут уклониться от этой необходимости. Как будет видно в дальнейшем, одним из способов уклонения является возвращение к конкретным обстоятельствам, или релятивизация. Однако люди не могут все и всегда релятивизировать. В их распоряжении должны также быть средства, позволяющие достигать согласия на основе общих сближений.

В некоторых ситуациях люди могут договориться между собой даже несмотря на разногласия по поводу общих сближений. Они могут, например, заключить временное и локальное «любобное соглашение». Разногласие будет в таком случае разрешено, хотя и не снято с помощью общего сближения. О договоренностях подобного рода обычно говорят, что их нельзя полностью оправдать «логически».

Если же сторонам не удалось достичь любобного соглашения, то они не смогут разрешить спор, оставшись каждая при своем мнении по поводу правильных сближений. По мере повышения накала спора повышается и уровень, на котором стороны ищут согласия. На этом уровне разногласиям придается определенная форма. Например, речь уже идет не о различии между коричневым и зеленым цветом, равно как и не о компромиссе в виде коричнево-зеленого цвета. Стороны требуют достижения согласия по поводу классификации, в которой данные цвета, коричневый и зеленый, были бы всего лишь частными примерами классов. Для обоснования подобных сближений необходим общий принцип, который определял бы отношения эквивалентности. Процесс поиска согласия все более высокого уровня, который в классификации соответствует восхождению по ступеням логического обобщения, может продолжаться до бесконечности.

Но на практике спор редко принимает форму подобного нескончаемого восхождения по ступеням обобщения. Спор, как правило, заканчивается достижением согласия по поводу одного высшего общего принципа или же столкновением, конфликтом нескольких высших общих принципов. Действительно, достаточно быстро возникает вопрос: «На каком основании мы решаем, какой это цвет?»

Важно отметить, что использование в своих суждениях той или иной линии аргументации не означает приверженности тем же ценностям в других ситуациях.

«Наш подход позволил нам также отказаться от распространенных в социологии предубеждений, проявляющихся прежде всего в ее отношении к верованиям, ценностям и представлениям <...> Индивиды, за действиями которых мы наблюдаем с целью понять их способ обосновывать свою правоту, вынуждены переходить от одного способа использования имеющихся у них доказательств к другому и от одной формы величия к другой в зависимости от ситуации, в которую они попадают».

Вдохновляясь работами Л. Болтански и Л. Тевено, мы построили свои миры, к которым принадлежат высказывания о пытках: большинство из них – это адаптированные для нашего исследования уже перечисленные миры, а мир психологизма – наша собственная находка.

Говоря о (не)справедливости насилия и пыток, люди прибегают ко многим логикам аргументации. Аргументы одной и той же логики могут использоваться как для того, чтобы объяснить, почему было применено насилие, так и для того, чтобы обосновать, почему оно недопустимо. Оказалось, что и бывшие заключенные, и правоохранители, и представители других групп, казалось бы, несхожих между собой, обращаются к одним и тем же объяснительным моделям, когда говорят о насилии.

Ниже представлено подробное описание работы аргументов в каждом из шести найденных нами миров. Смысл данного раздела – показать, что **не существует конкретных и постоянно действующих даже для одного и того же человека определений дозволенного и недозволенного**. Чтобы понять, где и как пролегают границы, необходимо погрузиться в аргументы о справедливости и несправедливости, которыми оперирует общество сегодня. Совместное существование этих аргументов в общественной дискуссии и формирует представления о допустимости насилия и пыток.

Мир индустрии, «конвейер» правоохранителей

Суждения, связанные с так называемой палочной системой⁶¹, предполагают ориентацию правоохранителей на выполнение заданных количественных нормативов по задержаниям, раскрываемости и т.д. О том, как это происходит на практике, можно сделать вывод из рассказов самих правоохранителей.

«Вызвал меня сегодня начальник и говорит: «Где раскрываемость?» <...> Я разыскные мероприятия провел, ориентировки примерно дал, задание дал – мне пришли все нулевые ответы. Что я сделаю? Что мне сделать? А он, знаете, что говорит? «У тебя, – говорит, – целый обезьянник бомжей, иди – договаривайся, подкунай, бей, что хочешь делай, но чтобы у тебя четыре этих «сто пятьдесят восьмых» – то есть, тайное хищение – были закрыты».

⁶¹ См., например, публикации исследователей Института Проблем Правоприменения <https://enforce.spb.ru/component/tags/tag/43> и др:

В. Волков, А. Дмитриева, К. Титаев, Е. Ходжаева, И. Четверикова, М. Шклярчук. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. СПб: ИПП ЕУСПб, 2015. Стр. 70. URL:

<https://komitetgi.ru/upload/iblock/03d/03dd9705155711effb531ccd57742a1d.pdf>;

«Омбудсмен полиции» запустил флешмоб против палочной системы в МВД Новосибирска

Источник: <https://precedent.tv/article/22134>

Петр, имеет опыт заключения, пересказывает слова друга, недавно уволившегося из полиции

Респонденты часто прибегали к аргументации, связанной с «палками», объясняя с ее помощью такие системные проблемы, как плохие условия работы сотрудников, невозможность для общества влиять на происходящее в силовой системе, на препятствия к тому, чтобы привлечь к ответственности сотрудников, превышающих полномочия.

«Прокуратура и следствие как-то толерантно относятся к пыткам со стороны полицейских, потому что и прокуратура, и Следственный комитет зачастую в своих показателях зависят от того, насколько эффективно раскрываются преступления уголовным розыском. Если сажать сотрудников уголовного розыска, кто же тогда будет давать показатели? А от показателей зависит и следственный комитет, и прокурор как самое первое лицо на районе, которое отвечает за состояние преступности».

Вадим, юрист

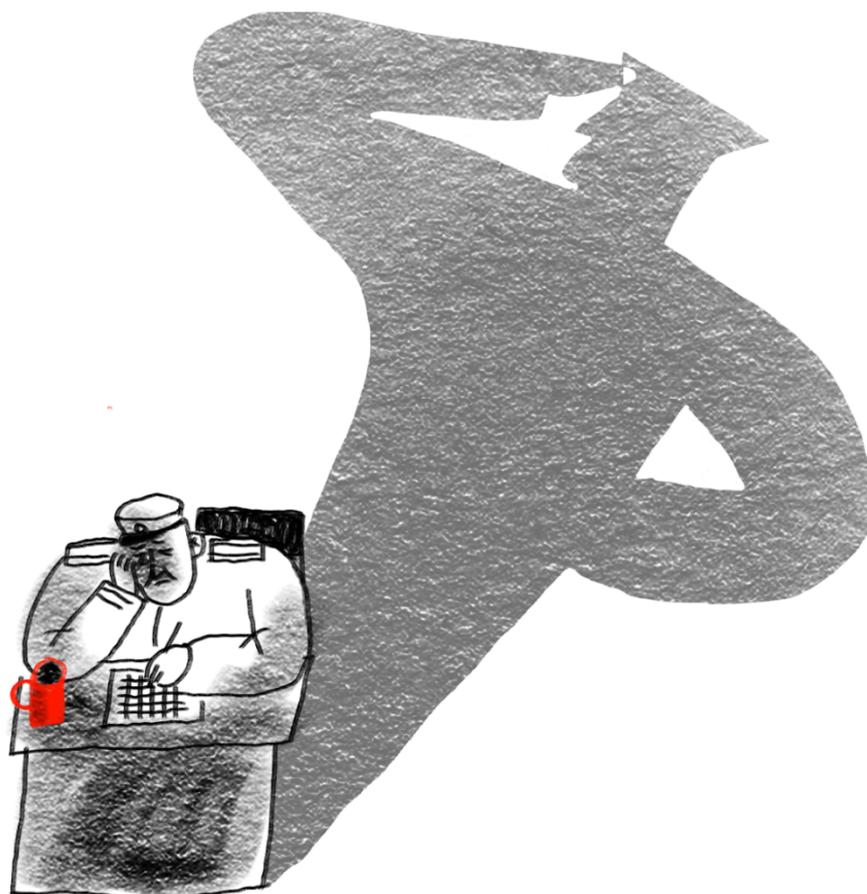
Трудно найти человека, который ничего не слышал бы о «палках». Некоторые в «зарабатывании палок» видят главный мотиватор деятельности каждого конкретного человека в погонах, ключевой момент его жизни.

«Их роль получается, в том, чтобы выполнять приказ вышестоящего начальника, а его в свою очередь – делать то же самое. То есть такая некая цепочка из структуры, которая держится друг за друга, прикрывает сама себя и при этом делает то, что хочет».

Леонид, участник фокус-групповой дискуссии

«Они загружены рутинными этими бумажными делами, зарплаты у них низкие. И мотивации что-то либо делать, людям помогать, мне кажется, у них абсолютно нет. Я уверена, что если, не дай бог, что-то у меня случится и я обращусь в полицию, я сомневаюсь, что мне кто-то чем-то поможет».

Вероника, участница фокус-групповой дискуссии

Неудивительно, что многие респонденты в попытках восстановить логику применения силы с готовностью предлагали аргументы, связанные с плохими условиями работы, необходимостью выполнять нормативы и распоряжения начальства.

«Я думаю, что это единственный их способ, соответственно, выбить показания. А им нужны показания, чтобы заполнить анкету, чтобы была видимость их деятельности, чтобы они потом получили премию. Потому что, если бы они соблюдали рамки закона, заполнили анкету, а она от всего отказывается, данных нет, их потом по головке бы за это не погладили. То есть это их способ добывать информацию, представлять отчеты руководству».

Полина, участница фокус-групповой дискуссии

Этот способ объяснения также встречается среди тех, кто сам пострадал от государственного насилия или был его свидетелем.

«Уже просто пропала надежда, да и [в СИЗО] тоже говорили: «Дай бог, чтобы тебя выпустили, освободили, оправдали. Но надежды очень мало». Говорят, скорее всего, тебя посадят. Говорят, это им на руку. Говорят, если сейчас тебя освободят, у них погоны полетят. У них головы с плеч полетят. И опера, и следствие, и прокуратура тоже полетит. Как я полтора года отсидел ни за что? Они ж теперь и качают на то, чтобы меня снова прикрыть. Сделать виновным».

Даниил, имеет опыт заключения

«Любой начальник колонии – достаточно уязвимое лицо, потому что он в силу своих должностных обязанностей несет ответственность за то, что у него происходит. И иногда, возможно, смерть заключенного – меньшая проблема, чем проблемный заключенный».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Как же работает логический мир «палок» с точки зрения наших собеседников? В этом мире любой человек в погонах представляется винтиком в большом конвейерном механизме силовой системы. Главная цель этого конвейера не связана напрямую с борьбой с преступностью и заключается в поддержке и оправдании собственного существования, в частности, в получении государственного финансирования и удержании большого количества сотрудников.

Поскольку наличие подобной системы в большей степени зависит от управляющих государством, чем от «обычных людей», то «начальниками цеха», которые решают, что именно будет производить конвейер, люди называют политические элиты.

«Я думаю, что правоохрнительные органы работают не на людей как на граждан России, а на чиновников. А мы – это что-то, что ходит рядом, и оно еще может быть агрессивное».

Филипп, участник фокус-групповой дискуссии

«Знаете, какое складывается ощущение? Что государство платит им бабки за то, чтобы они пытали людей. Вот! Вот это мое мнение. То есть президент Российской Федерации платит бабки им за то, чтобы они пытали людей, убивали, насильовали, потому что у нас в колонии людей насильовали в прямом смысле слова. Вот за это платят им деньги. Плюс они потом уходят на пенсию, им платят пенсию еще поэтому».

Павел, имеет опыт заключения

«Ну как можно к этому относиться? Это си-сте-ма! Тут же не интересы полиции, на самом деле, на первом месте. Рыба с головы гниет. Живем в полицейском государстве, тоталитарном, поэтому больно им [полицейским] от бумажных стаканчиков, а судьям больно от восьми звездочек на плакате».

Камиль, бывший прокурор

По-военному четкое и беспрекословное выполнение спущенных сверху разнарядок обеспечивает казарменная дисциплина, объединяющая все винтики конвейера, от

самых маленьких и незначительных до самых больших. При этом основными способами связи между разными частями и действующими лицами этого мира становятся формальная отчетность, выполнение нормативов, раскрываемость. По этой логике названные способы связи настолько захватывают повседневную жизнь правоохранителей, что приобретают особый смысл, полностью оторванный от жизни других групп людей, почти религиозный.

«Приказы начальства стоят над [присягой и] клятвами Гиппократов, над Библией даже. Если нужно будет, они переступят любую из десяти заповедей, если им прикажут».

Филипп, участник фокус-групповой дискуссии

Если наверху такой индустриальной иерархии находятся генералы, генеральный прокурор и политическая власть, то на самом нижнем ярусе, ниже рядовых сотрудников и охранников, находятся «правонарушители», «жалобщики» и другие представители широкой общественности, с которыми входят в контакт правоохранители. При этом для «человека системы» неважно, насколько справедливо и законно обвиняемому присвоили статус правонарушителя: само попадание человека на конвейерную ленту – уже достаточное основание для того, чтобы взять его в рутинную работу.

«Заводской конвейер... молодые приходят заряженные, потом тускнеют, когда прозревают. Это реально утомительно все. Плюс профдеформация сильная в этих профессиях [т.к. даже язык деформируется]: «не заявитель, а жалобщик»... Вера в людей начинает хромать. Наверное, как у продавцов в круглосуточном ларьке».

Камиль, бывший прокурор

«Правонарушители» являются неизменной частью силовой машины. Задержанным и заключенным отведена своя роль в механизме воспроизводства силовой индустрии, в соответствии с которой они должны подчиняться правилам, установленным правоохранителями: «давай уже подписывай, и все пойдем домой», «забери заявление, и всем будет лучше». В этой логике применение силы и манипуляций настолько рутинизируются, что винтики-исполнители могут потерять к ним чувствительность, перестать видеть в них нечто недозволенное. Это может, например, касаться фабрикования дела с подбросом наркотиков.

«Им кажется, возможно, что это какая-то мелочь, потому что он же не сидит в тюрьме, это просто административное дело, а им удастся получить, может быть, бонус или, наоборот, не лишиться части зарплаты...»

Алена, участница фокус-групповой дискуссии

Также приведенное утверждение касается случаев физического насилия, когда правоохранитель словно хочет продемонстрировать, что произошедшее – всего лишь работа, и ожидает понимания и лояльности от только что пережившего пытки человека.

«Я документы забрал от врача, выхожу на улицу. Смотрю, едет Нива полицейская. Смотрю – он [участковый, перед этим наносивший удары электрошокером в течение нескольких часов] сидит. Останавливается передо мной. «Здравствуйте». Он такой: «Здарова». «Куда, – говорит, – идешь?» Говорю: «Из больницы только вышел». «Что, – говорит, – ходил?» Я: «Побои снимать». Говорит: «Жаловаться будешь?»

Он меня посадил в машину. Говорит: «Куда везти?» Я: «В смысле, куда меня везти? Я домой поеду». Он говорит: «В прокуратуру». Я: «Зачем мне в прокуратуру?» «Чтобы, – говорит, – тебя посадили». «А за что меня сажать?» «Ну за то, что ты ходишь жаловаться».

Я говорю: «Не надо меня никуда везти. Я домой поеду». В итоге он меня довез до дяди. И я остался у дяди.

По дороге, мы выезжали с района, и он такой: «Куришь?» Я говорю: «Нет». Он говорит: «Правильно». Пошел в магазин, купил мне два сырка. Он говорит: «Это для тебя».

В качестве извинений, я думаю [купил]. «Вот тебе, на, два сырка, и все будет чики-пуки».

Геннадий, имеет опыт задержания

При всем осуждении, часто даже презрении, которое демонстрируют респонденты по отношению к представителям «силового конвейера», важно отметить, что эта логика аргументации оставляет место для гуманного отношения к конкретным правоохранителям. Ответственность за их действия как будто несут не они сами, а вся правоохранительная система.

«Они сказали правду. Но правду в каком плане? Они и себя не оговорили, и меня не обвинили. Я с ними разговаривал. Говорю: «Ребят, **вас уже система начинает давить**, а вы еще даже никто. Вы простые граждане. Вам это надо?». И, кстати, много кто из них задумался, кроме одного».

Петр, имеет опыт заключения

«Со мной прекрасно все обращались. Всегда. У меня никаких претензий к ФСИН, МВД в плане удобства и т.д. Только те неудобства, которые **сама система выстроила**. У них есть определенный набор инструкций ДСП, за который им не выйти. И поэтому я всегда различала: где инструкции, а где люди. Безусловно, нет смысла конфликтовать с сотрудниками СИЗО, поскольку у них такая жизнь».

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Иногда респонденты выражают сочувствие плохим условиям труда правоохранителей, иногда осуждают и исключают из числа мыслящих людей, но и в этих случаях подчеркивают внешние причины их ожесточения или потери критического мышления.

«Да те, которые проводили эти пытки, им же предоставили, что это террористы. Они же **биороботы**. Им сказали: «Террористы». Значит, террористы, все, и мы с ними будем делать то, что мы считаем нужным. Где там голову включать? Зачем?»

Вероника, участница фокус-групповой дискуссии

*«Вы же слышали, была речь о том, что это указивка свыше. Когда им сверху дают приказ, что можно творить беспредел, они вытворяют, они не боятся, что они творят и что им что-то будет, потому что они знают, что их прикроют. Вот и все. Безднаказанность полнейшая. **Они в своей системе, и никто против системы не поперет.** Народное выражение – против системы не поперешь. Это именно тот случай».*

Марина, участница фокус-групповой дискуссии

Если подытожить, то система аргументации, которую мы относим к миру индустрии, или «конвейера» правоохранителей, строится прежде всего на постоянной апелляции к системе, в которой работают сотрудники силовых ведомств. Эта система заставляет выбивать показания или задерживать для того, чтобы соответствовать числовым параметрам, которые планово необходимо выполнить в определенный срок. Именно отсюда, по мнению респондентов, отсылающих к этому миру, возникает и насилие, и расчеловечивание как сотрудников полиции, так и пострадавших от их насилия.

Мир психического здоровья

При разговоре об истоках насилия и возможностях его пережить нередко используются аргументы, которые можно описать как наличие или отсутствие «психологической грамотности», степени индивидуального «психологического развития», способности выдержать стрессовую ситуацию или сдержаться в ее условиях, владение навыками общения, наличие достаточно развитых эмоционального или социального интеллектов и т.п. В рамках этой логики каждый психически здоровый человек способен полностью контролировать все, что с ним происходит, а следовательно, происходящее – это всегда результат его выборов. В этом смысле мир психического здоровья противоположен миру силовой индустрии, где нежелательные проявления человеческой личности связывают с существованием внешней системы «палок».

К психологическим аргументам мы относим желание «сохранить себя», внимание к себе вместо внимания к государственному насилию.

– Надо улучшать все, что можно, вокруг. И не следить ни за какими негативными новостями, чтобы не тратить свою энергию на что-то лишнее, а развиваться. Я вот так подытожил бы.

– Абсолютно согласна, потому что существует такая поговорка: хочешь изменить мир – начни с изменения себя. Поэтому не надо во все это лезть.

Руслан и Марина, участники фокус-групповой дискуссии

Образец для подражания в мире психологизма – сильная личность, человек, который работает над собой и может положиться на себя. На первый план выдвигают именно индивидуальное развитие и психологическое здоровье. Отклонения от нормы, нездоровье должны быть скорректированы. Нежелательное и неодобряемое поведение объясняется психологическим нездоровьем, ненормальностью.

Неправ в этой системе аргументов тот, кто потерял выдержку и самообладание, человек в ситуации психологического помрачения.

*«Я спрашиваю: «Почему люди становятся такими злыми – сотрудники, администрация? Зачем они избивают? Зачем насилуют?» А он говорит, что «это как у вас, когда бунт идет, так и у нас – кураж». Он так сказал. «Просто, – говорит, – один начал, другой подхватил, третий, четвертый, и вся смена избивает одного». У них **крыша едет** настолько от этой системы, что они начинают и бутылки в задний проход пихать. А потом, когда они в себя приходят, они готовы просто в петлю лезть».*

Петр, имеет опыт заключения

Такой человек находится на низшей ступени в логике психического здоровья: он отошел от облика спокойного твердого самостоятельного человека. Если это правоохранитель, то он *«стал волком, почувствовавшим вкус крови», «поймал кураж»*. Граждане, кидающие снежки в правоохранителей, *«поддались инстинкту»*.

«Когда создается толпа, есть определенные психические явления, бесконтрольные. Как вам сказать, человек легче заводится. Есть понятие стадных инстинктов».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Девушка, проявившая страх в отделении полиции, – «несерьезный человек», от испуга отказавшийся от своих целей.

*«Она рассказывает, как ее поймали. Девочке примерно 20-21 год, и она такая: «Они махали передо мной пакетом из «Пятерочки», сказали, что на меня его наденут. Я так испугалась, отдала им свой Айфон и сказала пароль». Это просто несерьезно. **Когда общаешься с человеком серьезным, его пакетом, не испугаешь, его бутылкой не испугаешь.** Понимаете? Серьезный человек, если его пугают насилием, понимает, что против него ничего нет. И поэтому можно наехать на какого-то щегла. Понимаете, вот так на него замахнуться, пару раз, лещей дать, **прибить, поорать – он испугается и расскажет все.** В данном случае с девочкой просто **психологически поработали, перед ней помахали пакетами, сказали, что наденут.** Все. Целеустремленный, принципиальный человек, который твердо стоит на своих позициях, и политических, и в личном плане, просто сказал бы: «Надевайте. И посмотрим, что дальше будет».*

Матвей, бывший сотрудник МВД

В интервью также звучали предположения, что карьеру в правоохранительной системе выбирают люди с «неполноценной» или «травмированной» психикой.

«Думаю, туда люди, наверное, идут работать, может быть, из-за каких-то психологических травм, возможно, в детстве, которые не залечены».

Евгений, имеет опыт задержания

«В УФСИН идут работать только ущербные личности, маньяки и ущербные личности, обиженные на жизнь, которых в детстве обижали, били. Они пришли, чтоб теперь расквитаться. На людях отыграться. В основном там такие. В основном садисты, извращенцы, больные люди».

Вениамин, имеет опыт заключения

Психологическую систему аргументации часто применяют, когда говорят о ситуациях близости к полицейскому или сотруднику ФСИН, соседства с ним. В этой логике идеальный правоохранитель должен обладать характером хорошего соседа или родителя – быть уравновешенным, «не взрываться», «не придирается», «не поддаваться куражу». Для информантов важно, что в момент конфликта правоохранитель сдерживается, «не заводится», «справедлив» – не портит атмосферу общежития.

Многие отмечают некоторую корреляцию добрых отношений и небольшого размера учреждения: это более благоприятные условия для здорового психологического климата. Как жители многоквартирных домов мечтательно говорят о небольших подъездах на несколько квартир, где соседи знакомы друг с другом, так и столкнувшиеся с системой могут объяснять ее неприятный характер крупным размером учреждения, большим коллективом.

Некоторые считают, что путь к здоровью для правоохранителей может лежать через внедрение элементов психологического образования. Например, один из респондентов остро ощутил недостаток психологической профилактики в колонии, чем объяснил произошедший крупный конфликт, закончившийся применением грубой силы.

«Я начал разговаривать лично с начальником колонии, то есть здороваться с ним каждое утро <...> И вот мы с ним разговариваем и он говорит: «Знаешь, как мне сложно было принять это решение, чтобы завести ОМОН? Как я только с ними [заключенными] ни пытался разговаривать. Что я им только не предлагал – все не устраивает. Им уже ничего не надо, они ажиотаж подхватили». Я говорю: «Здесь я согласен, это ваше упущение. У вас здесь нет хорошего психолога». Не поверите, но после этого пришел первый хороший психолог, которого я вообще встретил. Я до сих пор с ним общаюсь».

Петр, имеет опыт заключения

Узникам в психологической логике объяснений также советуют обратить внимание на психологическую адаптацию.

«Любое место пугает человека. Допустим, ребенок идет в первый раз в пионерский лагерь. Ему страшно, ему непривычно, атмосфера непривычная. И бывает, что на первой же неделе дети просят домой, просят их забрать. <...> В колонии то же самое. Когда человеку произносят приговор, человек очень этого пугается, потому что это незнакомая для него территория,

*он еще не знает, как себя вести, особенно когда человек в первый раз сюда попадает. И здесь такой момент, пока человек не адаптируется. Есть у нас, слава богу, храм, люди приходят в храм, плачут, почему тяжело как-то все. «Да, я понимаю, что я сама виновата, все равно от этого не легче». Но я всем всегда говорю: «Потерпи немного, потому что это состояние, которое тебе сейчас не привычно. Но если себя как-то проявишь, покажешь, то втянешься в коллектив, найдешь общий язык». Допустим, я попал в колонию. Какие у меня представления о колонии? Там меня могут обидеть, там будут надо мной издеваться, будут меня обижать. И когда **я туда прихожу, естественно, я всего боюсь. Но там, допустим, есть психолог, который спрашивает: чем ты занимался, чем ты любишь заниматься. То есть там ищут, куда тебя направить, чтобы ты на что-то другое переключился.***

Лука, священнослужитель

Психологическая устойчивость, советы и объяснения, с ней связанные, – базовый элемент объяснения нормы и не нормы. К нему обращались и пострадавшие, и правоохранители, и эксперты, и «обыватели». Это объяснение, однако, как ни парадоксально, работает не в пользу действительного разрешения проблемы насилия. Напротив, такое сильное и распространенное среди всех групп объяснение справедливости ситуации позволяет практикам насилия (и невозможности противодействовать им) сохранять текущее положение. В случае апелляции к психологической нестойкости, незрелости или болезни вопрос о справедливости как будто переходит в поле эмоций, здоровья, личностного роста, способности «прекратить неприятные отношения». Однако правоохранители, задержанные и заключенные – не вполне свободные люди, соответственно, их работа над собой в заключении не может быть калькой с работы над собой на воле.

Для принципиального переустройства отношений правоохранителей с задержанными и заключенными, а не только для сглаживания конфликтов здесь и сейчас необходимо нечто большее, чем психологические *soft skills* (мягкие навыки, такие как умение презентовать себя, работать с конфликтом и т.п.). Как отмечает правозащитник Федор, для значимых перемен требуется системная долговременная работа.

*«[Допустим, вокруг вас] 2500 человек. Из них 500 выберется тех, кто будет за остальными **надзирать**. <...> Что сделать для того, чтобы эти 500 не били остальные 2000? Обучение какое-то пройти? Какое обучение, какие курсы помогут человеку, у которого нет базового интеллекта, базовых гуманитарных понятий? **Базовые человеческие ценности в него просто не внесены.** Знаете, как курсы женской самообороны, например: давай ты недельку походишь, ну две, месяц походишь на эти курсы женской самообороны и пойдешь к насильнику какому-то. Эти курсы – абсолютно чушь, как и все эти курсы для сотрудников ФСИН. **Чтобы курсы смогли подействовать, нужна база.** То есть, если женщина хочет отбиться от насильника действительно своими руками, ей нужно три-пять лет заниматься какими-то базовыми единоборствами, любой борьбой, любым ударным видом. А потом уже пойти и поучиться у мастеров».*

Федор, правозащитник

Прежде всего аргументы из мира психологизма – это попытка описать реальность исходя из представления о том, что социальный мир делится на психически здоровых и нездоровых людей. Определения могут проистекать как из учебников по психопатологии, так и (чаще) из тренингов личностного роста или социальных медиа известных психологов.

Другим свойством этой аргументации является подчеркивание способности управлять собой. Такое управление часто раскрывается через языковые клише из сферы популярной психологии наподобие «осознанность», «забота о себе», «провести личностные границы», «ресурс», «агрессия».

Насилие в данной системе аргументации – это проблема психологического здоровья и слабости индивидов, причем как применяющих насилие, так и подвергающихся ему. Можно сказать, что эта система аргументации нивелирует значимость больших структурных проблем, сводит все до поломок в психике и поведении конкретных людей и не предлагает никаких структурных решений и преобразований.

Мир легализма

В мире легализма справедливым представляется то, что соответствует нормам права. По мнению одного из наших собеседников, аргументировать свою точку зрения законом стоит в любой ситуации вне острого конфликта.

*«Если ты сталкиваешься с какими-то трудностями судьбы, то, во-первых, не нужно эмоционально реагировать, нужно их встретить с достоинством, с максимально холодной головой. То есть просто найти в себе силу духа и в моменте это пережить, минимизировать вредные последствия. То есть уйти от острого конфликта, не провоцировать, не раздражать другую сторону. **Когда ситуация хотя бы в части нормализуется**, вернуться к разговору и к обсуждению ситуации, и к попыткам ее решения уже в правовом поле».*

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

В то время как реальная сфера юриспруденции обращается к разным аспектам права – законотворчеству, истории, правоприменению и др. – мир легализма как система аргументации, как правило, воспринимает закон как данность. Приведем фрагмент фокус-групповой дискуссии, в которой участники апеллируют к лагелизму.

- *Вы сейчас говорите про санкционированные или про несанкционированные митинги?*
 - *Не бывает несанкционированных митингов.*
 - *Бывает.*
 - *По Конституции у нас есть свобода собраний, поэтому по факту могут собираться где угодно и как угодно. Потому что есть уже насилие... статья за несанкционированные митинги.*
 - *Нет. Читайте закон. У нас митинги должны быть санкционированы, в городе Москве как минимум.*
- <...>

- Святослав говорит, что закон в целом есть закон, его надо выполнять; если он нам не нравится, нужно это как-то иначе решать, но все равно его выполнять, пока он есть. Правильно я поняла?

- Верно.

Святослав и Ирина, участники фокус-групповой дискуссии

В этом смысле прибегание к легалистской аргументации может означать некоторое отстранение от обсуждаемого вопроса, попытку найти четкий ответ, защищенный от дальнейшей дискуссии. Так, люди, знакомые с законом, говорят о ситуациях насилия и пыток через его призму: *«нарушение закона группой лиц по предварительному сговору, по приказанию начальствующего над ними на данный момент сотрудника полиции», «грубое нарушение», «нарушение УК и УПК».*

Отказ рассуждать о дозволенности или справедливости насилия, оформленный через легалистскую аргументацию, не всегда означает нежелание погружаться в тему. В ряде случаев респонденты делали это, чтобы объяснить, что такие важные для всего общества, сакральные вещи, как боль, испытания, смерть, неправильно обсуждать один на один – данные вопросы должны решаться всеми вместе.

«[Какое наказание должно быть тем, кто был неправ, если кто-то был неправ?] У нас же есть закон. Ну, а как я должен сказать, какое должно быть наказание? Я кто?»

Лука, священнослужитель

«Мы не можем это решать. Это только суд может решать. Нормальный».

Анастасия, участница фокус-групповой дискуссии

Особый случай здесь представляют специалисты, которые привыкли ориентироваться на закон в своей работе и с готовностью им оперируют.

«[Действия правоохранителей, которые можно назвать пытками, – это] то, что прописано в Конвенции».

Мирон, правозащитник

При этом их логика принятия решений может в реальности руководствоваться другой системой аргументации, например, этической.

«Деятельность членов ОНК не оплачивается. Она волонтерская, поэтому у членов ОНК нет никаких обязанностей. Если бы мы не хотели, мы бы никакие ни акты, ни заключения не писали и в журнале тоже не отмечались бы. Это все не обязанность. Обязанности члена ОНК минимальны. Каждый член ОНК, с моей точки зрения, сам определяет свои цели, потому что Федеральный закон «Об общественном контроле» и другой закон «Об основах общественного контроля» довольно широкий выбор возможных законных целей предполагает».

Василиса, бывший член ОНК

Люди, не относящиеся к юридической профессии, тоже часто оформляют этические доводы, используя легализм.

«Мы как граждане не имеем права на насильственное действие, если это не связано с угрозой нашей жизни. Мы тут связаны по рукам и ногам, закон есть закон, если мы не будем его соблюдать, кто тогда его будет соблюдать?»

Константин, участник фокус-групповой дискуссии

Из таких примеров можно сделать вывод о том, что как эксперты, так и обыватели при осуждении насилия часто ожидают, что закон сработает именно потому, что это общий инструмент, доступный всем гражданам.

Особенно важен этот механизм в речи пострадавших от насилия и пыток. Легалистские формулировки и термины помогают им избежать стыда и уязвимости при рассказе о своем опыте. Получая от правозащитников или из собственных знаний представления о недозволенном как о незаконном, они возвращают себе силу и контроль над ситуацией.

«Если отталкиваться от буквы закона, то... вы сами, наверное, можете понять, что это ненормально, если человека задержали и держат на территории подразделения, которое занимается охраной месторождения. В правовом государстве это нонсенс. Это просто что-то нереальное, такое невозможно, но [у нас] возможно».

Карим, брат без вести пропавшего после задержания

«Просто когда им говоришь, что у меня есть права, а у вас есть обязанности, и не путайте две разные вещи. Это у меня есть права, а вы обязаны. Я приехал в исправительное учреждение, где мне должны создать все условия для отбывания наказания. Если я буду нарушать условия отбывания наказания, тогда вы будете спрашивать, почему я нарушил, и тогда это будет нарушение».

Павел, имеет опыт заключения

Легалистская лексика позволяет на практике провести черту между дозволенным и недозволенным, описать на суде или в документах то, что произошло, и дает пострадавшим от пыток язык, на котором о пытках возможно говорить.

«Был когда первый суд по мере пресечения, я уже на суде судье сказал, что я не виноват, меня били, пытали, у меня побои – ноги все синие и грудь вся синяя была, у меня ожог имелся на затылке, на щеке».

Даниил, имеет опыт заключения

Однако мир легализма не предполагает обязательного сочувствия тем, кто нарушил закон. В этих случаях насилие могут оправдывать или объяснять.

«По веселой толпе я бы вызвал подкрепление с водометами и смыл всех. Совершены противоправные действия против сотрудников полиции, соответственно, у полиции есть право принять меры».

Андрей, участник фокус-групповой дискуссии

Легализм помогает критиковать конкретные моменты в реальности правоохранительной системы в целом, соотносить их с законом и определять как недозволённые.

«Автозаки. Почему заключённых перевозят в автозаке? Почему-то это считается естественным. Я не считаю, что такая позиция правильная. Почему невиновный человек (в СИЗО они пока ещё невиновны, до приговора) перевозится в какой-то «жесть-машине»?

Алия, активистка, имеет опыт заключения

«Самое элементарное. При задержании останавливается машина, сразу всех вытаскивают и мордой в пол. Это реальность, от этого никуда не уйти. Они не скажут: «Дайте, пожалуйста, мадам, Вашу ручку, я такой-то сотрудник, я хочу оцупать Ваши карманы». Ну, кто так скажет? Никто не говорит».

Кристина, мать задержанной

Суждения из мира легализма в рамках критики указывают и понятные пути решения проблем.

«Соответственно, я могу начальнику тюрьмы сказать: «А почему у вас нет, например, где питание для людей с тяжёлыми хроническими заболеваниями?» Положено же по закону? Положено».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

Аргументацию, апеллирующую к миру легализма, с одинаковой готовностью используют пострадавшие, правоохранители, эксперты и не сталкивавшиеся с насилием со стороны представителей правопорядка люди. Мир, где действует закон, представляется понятным и желательным. С точки зрения мира легализма все будто бы просто: существуют дозволенные и недозволённые формы взаимодействия с задержанными и заключёнными, и за использование недозволённых предполагается ответственность. Кроме того, апелляции к закону часто говорят о надежде человека на решение некоторой высшей инстанции, отличной от того социального мира, в котором с кем-то обошлись несправедливо, а потому достойной доверия.

Тем не менее при соотнесении этой системы аргументации с реальностью возникают проблемы, например, в том, насколько говорящий согласен с существующими законами, во множественности интерпретаций одного и того же закона, в непрозрачности судебной системы, и, главное, в том, что любой закон можно обойти, о чем многие говорят.

Мир профессионализма правоохранителей

И сами правоохранители, и другие группы нередко объясняют насилие «дефицитом профессионализма» силовиков. Так, неоднократно правозащитники сетовали на то, что сотрудники силовых органов далеко не всегда имеют достаточную квалификацию для работы с людьми.

«Сотрудники тоже, собственно, их не знают, относятся к ним как к опасным людям, и вообще такой контингент в этом полку, такая работа даже среди милиционеров считается дном дна. Люди, которые там работают, как правило, необразованные, не особо культурные, которые приехали в Москву ради того, чтобы получать чуть большую зарплату, чем у себя в регионе, живут в общежитиях и просто, как сказать, физическая сила какая-то тупая».

Владимир, правозащитник

Из таких суждений тем не менее неясно, какие именно профессиональные навыки должны запрещать насилие. Скорее, подразумевается общая культура общения. Нельзя сказать, что сами правоохранители совпадают во взглядах на профессию. Они по-разному описывают свое профессиональное кредо. В примере ниже Элина видит задачами правоохранителя поддержание порядка и заботу о благополучии граждан.

«Граждане должны сохранять спокойствие, чувствовать себя в безопасности, чтобы они наслаждались праздником, чтобы у них все было хорошо. Понимаете? Зачем людей лишней раз пугать, запугивать? Пусть они занимаются своими делами, все чтоб хорошо у них было. <...> Те люди, которые здоровые, приходят в полицию из благородных побуждений, они хотят защищать людей от зла, восстанавливать порядок, социальную справедливость».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Есть и другой взгляд на профессиональное призвание полицейского, отличающийся от мнения выше. Это не неприметный охранник на празднике, а активно проявляющий себя воин⁶². Такой сотрудник с большей вероятностью будет применять насилие.

«Вы еще не забывайте, что мужчина – как бы воин. Если он нормально себя в этой ипостаси ощущает, то, естественно, при столкновениях у него все это работает. Главное – не зайти дальше».

Матвей, бывший сотрудник МВД

⁶² Развилка между ориентирами на «охранника» и «воина» активно обсуждалась в связи с предложениями реформирования полиции в США. См., например, Kyle McLean, Scott E. Wolfe, Jeff Rojek, Geoffrey P. Alpert, Michael R. Smith. Police Officers as Warriors or Guardians: Empirical Reality or Intriguing Rhetoric? Justice Quarterly, 2019; 1 DOI: 10.1080/07418825.2018.1533031

Некоторые аргументируют так: правоохранителей и вовсе нельзя назвать профессиональной группой, поэтому взывать к их профессионализму бесполезно. Низкий уровень профессионализма или вовсе отсутствие профессионализации – расхожая характеристика для правоохранителей.

*«В основном во ФСИН идут, чтобы получить что-то, потому что кто-то кого-то в жизни обидел. И сейчас мстит <...> Люди должны быть людьми своего дела. Вот, **например, токарь идет на завод – он токарь. По призванию, проще говоря. А сейчас у нас идут во ФСИН по принуждению, либо [когда] деваться некуда** <...> Есть населенные пункты с исправительными учреждениями. Все они работают кланами. Мама у него бухгалтер, папа в карауле, он инспектор, потом все меняются. Клановая система. Нельзя так. Уже просто корни пускают, идет круговая порука».*

Павел, имеет опыт заключения

Если сами правоохранители судят о профессионализме коллег по их компетенциям работы в системе «защитник-**преступник**», то представители широкой общественности оценивают навыки правоохранителя скорее в системе «защитник-**гражданин**». В этом смысле защиту предлагается приземлить в плоскость квалифицированного предоставления услуг населению.

«Мой последний опыт был полгода назад: я потерял паспорт и восстанавливал его [в отделе МВД]. Там были двое мужчин, и кабинет этот занимался только выдачей паспортов. Не скажу, что это было прямо как-то очень грубо, но изначальная позиция была, что я пришел, мне что-то нужно, и все остальное происходящее – это мои проблемы. То есть в принципе, если даже сравнить с госуслугами в МФЦ, то там это все происходит аккуратно, тебе всегда объяснят, подскажут и пр. А здесь мне несколько раз пришлось переписывать документы, заполнять нужно было только черной гелевой ручкой, которую нужно было приносить с собой (на счастье, она была у меня). Спустя 20 минут я вышел оттуда (может быть больше, может быть 40), но при этом с крайне неприятными ощущениями».

Артем, участник фокус-групповой дискуссии

Схожее отношение звучало и у тех, кто оценивает работу правоохранителей положительно.

«Их не за что ненавидеть. Они в основном, в общем, делают свою работу, и делают нормально, сейчас по крайней мере. Любить их тоже, в общем, не за что. Они такие же служащие, как контролеры в метро, продавцы, кто угодно, обеспечивающие Интернет, телефонисты, телефонная компания».

Святослав, участник фокус-групповой дискуссии

Отношение к работе силовых органов как к ориентированной на клиента государственной услуге особенно четко проявляется при анализе отзывов на отделения полиции в онлайн-картах. Такие отзывы по форме мало отличаются от

рецензий на коммерческие заведения. Ниже мы приводим некоторые из них с сохранением авторского написания.

«Украл велосипед из подъезда в 2014 камеры на подъезде есть на доме еще 2 до сих пор ищут пока не нашли велосипед Peugeot классный на дисковые гидро тормозах алюминий срезали противоугонку и кинули на лестничной площадке простоял после покупки всего 5 дней надежду не теряю думаю найдут а пока только одна звезда за прием заявления и проведение в теплом помещении отдела 2.5 часа».

«В нашем дворе, постоянно кутеж пьяня после 21:00, звонила не раз с жалобами но все обходилось игнором! Совсем не хотят работать менты!»

«Поймали на улице в пивом. Доставили в отделение. Оформили, выписали штраф 500 рублей, буквально минут 15 посидел и то не в клетке, а около дежурки на стуле. Попросил сделать копию бумаг на штраф, все без проблем сделали, вежливо общались. Всегда бы так».

«Научите общаться своих сотрудников. А то как дикари».

Отзывы на ОВД «Братеево» на «Яндекс.Картах»

В главе, посвященной тотальным институтам, мы уже говорили о том, что тема низких зарплат правоохранителей настолько актуальна, что является наиболее обсуждаемой в профессиональных пабликах. В примере ниже показательно, что заявительница апеллирует к миру профессионализма с точки зрения навыков корректного госслужащего: требует надлежащего исполнения работы правоохранителя, в том числе вежливого обращения. Правоохранитель отвечает, также ссылаясь на свое профессиональное поле, однако его аргумент – низкая зарплата как определяющий поведение следователей фактор.

*«Я ему и сказала: «Вы чего сидите как в баре? **У Вас поведение, как будто Вы в баре сидите, пиво попиваете и со мной беседуете**». «Вообще-то, я Вас не вызывал. Вы сами пришли». Я говорю: «А меня не надо вызывать, я сама прихожу. Я сюда хожу уже 2,5 года как к себе на работу, заставляю вас работать. Я плачу налоги государству». «Не знаю, какому государству Вы платите какие налоги. **Я получаю смешную зарплату. Как Вы думаете, следователи хотят работать за 30 тыс.?**» Я говорю: «Я не пришла сюда с Вами обсуждать вашу зарплату, и хотят ли ваши следователи работать за 30 тыс. Я говорю вам то, что я хочу. Я требую от вас расследования уголовного дела по убийству моего сына. **Я плачу государству налоги не для того, чтобы такие, как Вы сидели, “яйца раскатывали” по креслу, так со мной разговаривали, так сидели передо мной. Мне неприятно, что Вы так сидите передо мной и раскачиваетесь, на кресле катаетесь и в игры играете спокойно. Это не поведение исполняющего обязанности**».*

Анна, мать убитого правоохранителями

И внешние наблюдатели, и сами сотрудники полиции и ФСИН сходятся на том, что проявление профессионального мастерства не поощряется менеджментом, важнее «униформа», то есть универсальные формальные требования.

«Я бы немножко, конечно, по-своему работала. Я бы комплексный подход использовала <...> у нас задача – быть единообразными. Если ты такой весь выдающийся, тебе не дадут проявиться, потому что будешь сильно отличаться от всех остальных».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Привыкая подчиняться и не иметь своего мнения, правоохранители, особенно если они на невысоких должностях и должны общаться с людьми, не могут выходить самостоятельно из трудных ситуаций, чего от них требует профессия.

«В этот момент там был генерал, или кто он там... начальник этой полиции. Ему, значит, звонили из корпуса, где заключенные все сидели, задержанные. Я слышал, как они по телефону ему кричат: «Они у нас стучат в стекла, трясут решетки. Что нам с ними делать? Я не понимаю. Их можно крутить, нельзя?». Видимо, ему звонил участковый обычный. Тот говорил ему: «Слушай, ну разберись с ситуацией, ты полицейский или вообще кто? Если будут плохо себя вести, крути их нафиг всех в автозак куда-нибудь, чтобы бардака не было».

Василий, имеет опыт задержания

Для самих правоохранителей индустриальный мир и конвейер, ориентирующийся на нормы выработки, часто оказывается приоритетнее профессионализма в ежедневных практиках. В условиях дефицита кадров и времени руководство видит приоритет в производстве «палок», а не профессиональных решений.

«В представлениях граждан полицейский – это супермен, это человек бесстрашный. Это человек, который молниеносно принимает самостоятельное решение, который не по протоколу работает, не по алгоритму, а именно исходя из целесообразности, правильности, корректности своих действий и решений на месте. Это человек доброжелательный, у которого есть, знаете, такая нотка сервиса, который имеет чистую, красивую, грамотную речь. К нему подошел человек, он ему с улыбкой вежливо ответил, радостно помог. Конечно, изнутри взгляд совершенно другой. Изнутри это на все готовый, выходящий по выходным, праздникам человек, который даже на инвалидном кресле приедет на работу. Это тот, кто беспрекословно выполняет все, даже самые марзаматические приказы своего руководства. Это тот, кто просто неубиваемый абсолютно. И тот, кто абсолютно податлив. Тот, кто дает механизму работать по привычке, даже если это старая ржавая машина».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Таким образом, можно говорить скорее о дефиците убедительных системных аргументов из мира профессионализма внутри силовых институтов, чем о дефиците значимых навыков. Цех профессиональной этики кажется опустевшим, если не

недостроенным. Это представляет проблему для общественного запроса – его «некуда» предъявить. Возможно поэтому, объясняя действия правоохранителей, многие сразу обращаются к критике «силового конвейера» – он заменяет профессиональную этику.

Есть, однако, точка зрения, которая подразумевает, что сотрудник, совершающий насилие, делает это осознанно, и в этом заключается его профессионализм. Эта цель – получить показания или задержать потенциально опасного человека. Профессионал использует силу только тогда, когда это необходимо, с его профессиональной точки зрения. В этом подобная логика схожа с миром легализма – все происходит согласно закону.

«У тебя долг, тебе надо его доставить, тебе надо его задержать, он не хочет, он тебе противодействует, ты его предупреждаешь, после этого применяешь приемы при задержании, если этого не хватает, если видишь, что он продолжает сопротивление, может продолжить сопротивление, может скрыться, может причинить вред, надеваешь наручники и т.д.»

Матвей, бывший сотрудник МВД

В случае когда применение силы объясняется профессиональным выбором, акцент делается на том, что это не беспричинное насилие, а либо адекватная реакция профессионала на обстоятельства (например, как в цитате выше про опасность потенциального преступника), либо рабочий метод (например, давление для дачи показаний).

Иногда говорят о профессионале, который «пальцем не тронул», а получил показания. Подразумевается применение психологического насилия, которое в среде правоохранителей не считается нарушением прав человека.

«Нормальный опер – это тот, кто в течение трех минут может человека раскатать несколько раз без физического насилия, без ничего, просто на эмоциях».

Матвей, бывший сотрудник МВД

В системе аргументации, восходящей к профессионализму, эмоциональное насилие могут считать дозволенным (в то время как физическое – устаревшим методом). Если для того, чтобы «расколоть жулика», требуется психологическое давление, то оно может быть оправдано. Это прибавляет эффективности сотруднику, он получает уважение от начальства и коллег, а это в данной системе аргументов ключевые ценности.

Патриархальный мир

На [карте ценностей](#), предложенной Рональдом Инглхартом, Россия из года в год занимает положение страны, для жителей которой ценности, связанные с безопасностью, оказываются важнее, чем ценности самовыражения. Если знать это, не кажется удивительным, что патриархальная логика аргументации или апелляция к

силе и порядку, оказалась одной из самых распространенных в наших данных. Для нас представляет интерес то, как именно она строится и используется.

В патриархальном мире сила (как физическая, так и моральная) носит характер главной добродетели и обеспечивает ее обладателю власть и безопасность. При этом патриархальная вертикаль может быть такой же жесткой, как «конвейерная», но есть важное отличие: в патриархальном мире ответственность человека, наделенного властью, двойная: она распространяется и вверх, и вниз по властной иерархии.

Если говорящие критиковали государственное насилие через логику патриархального мира, то, как правило, они связывали ее с нарушением принципа двойной ответственности. Патриархальный мир критикует тех, кто наделен правами, за проявления слабости. Порицанию в числе прочего могут быть подвергнуты и люди, пережившие насилие, как не способные защитить свои права. Показательной иллюстрацией может стать одно из рассуждений в фокус-группе.

«Обращаться куда-то за помощью, особенно в полицию, это неприемлемо, ты должен все свои проблемы решать сам, причем посредством того, что у тебя есть. Руки, нож, пистолет – неважно. Может быть, в Москве или Питере культ силы уже ушел, но в провинциях он процветает».

Алексей, участник фокус-групповой дискуссии

«Можно я добавлю по поводу культа насилия, я могу на своем личном опыте сказать по поводу поликлиник. <...> У меня сложилось абсолютно стойкое впечатление, что в поликлинике люди должны на тебя орать. Я, честно говоря, это связывала пока именно с возрастом своим, типа я стала постарше, поэтому на меня боятся кричать, а когда ты маленький ребенок... Мне кажется, что у нас есть такой момент, что на человека беззащитного больше кричат».

Оксана, участница фокус-групповой дискуссии

Как следствие, люди, которые рассуждают в логике патриархального мира, нередко винят самого пострадавшего в том, что он недостаточно вложил в достижение результата.

«Я считаю, правильно, что она [пострадавшая от избиения полицейскими] документы сфотографировала, но при этом неправильно то, как она себя вела. Человек был под алкоголем. Потому что полиции изначально было больше, и подобное сопротивление вызывает только агрессию, что она и получила. Может быть, так она попробовала бы с ними поговорить, хотя бы понять, куда везут ее ребенка изначально, попробовать наладить контакт, что вообще происходит. А она сразу пошла на агрессию, ничего не добилась в общем-то».

Оксана, участница фокус-групповой дискуссии

В то же время в патриархальной логике много говорят про всеобщую безопасность и про ответственность сильных перед слабыми: если слабые не смогли стать

сильными, о них следует позаботиться при условии, что слабые откажутся при этом от части своих прав. В нашем исследовании мы видели, как подобная аргументация патриархального мира формирует образ идеального милиционера Дяди Степы, который обладает качествами храбрости, неподкупности, надежности. От него ожидают не столько уважительного отношения, сколько защиты.

«Мы жили все-таки еще в старой идеологии, когда государство защищает каждого гражданина без исключения. Патерналистские моменты Советского Союза еще очень сильно были в головах».

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

«Неправильное» использование силы и власти правоохранителем – это особое преступление в патриархальном мире, поскольку подрывает его основной принцип – сохранение порядка и безопасности («никогда не думал, что меня будут бить электрошокером, **тем более** полиция»). Некоторые респонденты с возмущением говорили о том, что вместо того, чтобы защищать «слабых» граждан, правоохранители защищают «сильных». Контраст между образом Дяди Степы и поведением конкретных правоохранителей не вызывает в патриархальном мире, в отличие от мира конвейера, сочувствия, если ради зарплаты и пенсии правоохранители соглашаются применять пытки. В этом случае они теряют свой почетный статус в патриархальной иерархии.

*«Кроме **набития кошельков** у них еще есть, конечно, одна миссия. Это они **оберегают этот режим**. Политический. Силовыми методами. Это **псы режима**».*

Вениамин, имеет опыт заключения

В аргументации патриархального мира оказывается допустимо нарушить закон, если кажется, что других способов бороться с нарушением порядка уже не осталось, то есть мир порядка оказывается сильнее не только мира конвейера, но и мира легализма. Так, участники одной фокус-групповой дискуссии говорили о случае, когда «в подъезде поселился наркоман», и двое из них сошлись во мнении, что, если полиция не реагирует, приемлемым действием будет «дать в морду». Третья участница, хоть и не согласилась с ними, позднее сказала, что считает допустимым кидать снежки в полицейских на митинге («если ты не кинешь в них снежком сегодня, ты получишь от них дубинкой завтра»). Некоторые пострадавшие также говорили о том, что ожидали, что подвергнуться незаконному насилию могут только те, кто этого «заслуживает».

«Я слышал, что беспредел бывает, но я думал: «Наверное, маньяков, злодеев». А если ты простой нормальный человек оступился, попал туда, думаю – там все нормально».

Артур, имеет опыт заключения

В патриархальной логике критике также может подвергаться не столько государственное насилие вообще, сколько насилие, направленное против порядка

подчинения, например, когда дочь наказывает не ее собственная мать, а правоохранитель.

«Я сама голову кому угодно разобью, но моего ребенка не трогай. Если я сочту нужным, я сама ее трону, но другому не позволю этого сделать».

Кристина, мать задержанной

Важно отметить, что под порядком мы не подразумеваем конкретный общественный порядок (например, действующий или отличный от него политический режим, или традиционные ценности, или тюремную культуру чести). Нет у патриархального мира и какого-то особенного (пожилого или юного, мужского или женского) лица. Обращаясь к патриархальной аргументации, люди лишь утверждают, что этот порядок должен быть, хотя при этом представлять его они могут по-разному.

Показателен здесь известный случай, произошедший в ОВД «Братеево», когда Александру Калужских, которой вменяли административную статью о нарушении порядка проведения митинга, полицейские избивали во время анкетирования. У Александры был включен диктофон на запасном телефоне, и диктофонная запись впоследствии попала в СМИ.

Рисунок А. Калужских, сделанный во время задержания (издание [«Холод»](#)), и фотография, сделанная несколькими годами ранее для издания [«Петровка, 38»](#)

Во время допроса и Александра, и пытающие ее полицейские, несмотря на асимметрию власти и различия в политической позиции и возрасте, прибегают тем не менее к одной и той же патриархальной логике аргументации. Ожидаемо, что полицейские воспринимают выход на митинг как покушение на общественный порядок. Но задержанная в свою очередь тоже обращается к представлениям о порядке, в котором сильные не должны бить слабых (в данном случае, мужчина – девушку).

*«Сотрудница полиции: Е***утые вы. Вы е-б*-н*-т*-е.*

*Задержанная: Меня мужчина при вас избивает, и я е***утая, да?
Сотрудница полиции: Да. ДА! Вы б***ь живете в этой стране».*

Фрагмент расшифровки аудиозаписи из «Братеево»

В этом примере видно, что в отличие от более узких систем аргументации, таких как миры «конвейера», легализма и профессионализма, аргументация с позиций силы не столько свойственна выражению каких-то конкретных позиций, сколько представляет некий ценностный фон, который проникает почти во все рассуждения.

*«Я не знаю, как вежливо перефразировать фразу **«всем все пофиг»**. Примерно так: никто не задумывается об этом. Потому что если **есть какая-то накатанная колея**, то по ней и ездят. Да, автозак – это еще с темой «воронков» по ночам. <...> И Москалькова, которая говорит: «Ох, автозаки с кондиционерами!» У меня нет претензий к Москальковой, **у нее погоны на плечах**, и я понимаю, что **она человек системы**. У нее нет других вариантов, кроме как сказать, что кондиционер в автозаке – это хорошо. А почему вообще автозак? Ей в принципе такая мысль не может прийти в голову. Поэтому **просветительская деятельность – это самое главное**. Я хочу, чтобы люди удивлялись, видя человека в наручниках и автозаки на улице. Как раньше наказание кнутами и водить по улицам голым в перьях, это такая же дикость. И наручники, и автозаки».*

Алия, активистка, имеет опыт заключения

Мир этики, духовности

Еще одна логика аргументации при обсуждении насилия – мир этики. Это аргументы, подразумевающие духовное начало в человеке и ценность совместной жизни в одном мире с другими. Для таких аргументов важно отсутствие иерархии, симметричность в отношении оппонента, принцип «он такой же человек».

«С любимыми людьми так особо не хочется поступать. Мне же их жалко. А с другими людьми тоже не хочется, они же тоже чьи-то любимые люди».

Алена, участница фокус-групповой дискуссии

Этические аргументы апеллируют к ценности равного обращения ко всем (что не характерно, например, для аргументов мира патриархальности).

«Просто они над нами смеются как хотят. То есть они – люди, мы – не люди. Мы так, отбросы общества. Вот, что меня смущает. Они ведут себя поганно, честно сказать. Там начальник ехидничает, смеется. То есть мы уже не люди. Да, мы бедно живем, у нас нет дома, ничего. Если у нас дома нет, то, значит, над нами можно издеваться».

Мария, мать задержанного

Критикуется «недостойное», «несправедливое», «бесчеловечное» поведение, нравственность становится основным мериллом.

«Это жажда публичного унижения, и это их точно не делает никакими ни смельчаками, ни героями тем более. Это делает их варварами. А видите ли, в чем дело: в нашей стране до сих пор используются варварские методы воспитания. У нас до сих пор бьют детей в семьях, а это преступление. Просто это такое же преступление, как когда муж лупит свою жену».

Элина, бывшая сотрудница МВД, психолог-криминалист

Человечность в практиках правоохранителей проявляется, согласно суждениям прошедших через систему, чаще всего в бытовых вопросах, мелочах: подать руку при выходе из автозака или принести лимонада с воли. Это доступные проявления добрососедства в условиях тотального института. Таким образом, суждения о справедливости, лежащие в поле этики, чаще относятся к низовому уровню взаимодействия. Иногда говорящие прямо указывают, что правоохранители на более низких должностях проявляют себя более гуманно.

«[Соблюдает закон всегда] младший состав. Нормальные человеческие [законы]. Душа у человека. Когда просишь его что-нибудь, он тебе: «Ладно, на». Просто просьбу выполнить. Надо тебе попить, к примеру... Надо мне письмо отправить, а почтовый ящик он подойдет, ключом откроет. А другой скажет: «Не положено». Как не положено?! Я не на зоне, я свободный человек по закону. Почему я не могу сказать? Например, в санчасть не могу за таблетками или посудой сходить. «Не положено!» И все. Вот хотя бы эти вещи соблюдали».

Артур, имеет опыт заключения

Этичный подход к окружающим способствует выстраиванию соседских отношений, основанных на принципах общежития. Для некоторых заключенных этичное отношение не только к своим сокамерникам, но и к охранникам и администрации, максимизирует комфорт. Этика в данном случае – это осознанно используемый инструмент. Например, в цитате ниже Серафим описывает, как он добивался диетического питания в СИЗО. Вместо того чтобы идти на конфронтацию с начальником СИЗО, он солидаризируется с ним, соглашается, что проблема действительно существует, а затем предлагает конкретное решение и апеллирует к закону.

<...> Я говорю: «Начальник тюрьмы, ну неужели, Иван Иванович, вам это интересно, вам это нужно?». Он говорит: «Мне денег же не дают». Я говорю: «Так понятно, что не дают. У нас никогда денег не дают, их нужно брать всегда». Я говорю: «Ну, сколько вы рапортов написали за последний год с просьбой выделить вам деньги на обеспечение тех требований, которые к вам предъявляет закон?»

Серафим, бывший сотрудник уголовного розыска, имеет опыт заключения

В связи с более значимыми событиями, например, в ситуациях насилия, воззвание пострадавшего к человеческому отношению остается без внимания. Поэтому часто в аргументах мира этики активно используется экспрессивная лексика и восклицательные предложения. Самые частые маркеры мира этики – это такие

выражения, как «аморально», «бесчеловечно», «не по-человечески», «жизнь ломаете», «что же вы делаете». Это отчаянная апелляция к человеческому равенству в обращении к правоохранителю, обращение за помощью к тому, кто готов услышать.

«Есть мораль, я так считаю, она выше. И внутри, например, уже есть какой-то выбор человека. Хорошо, мы занимаем одну позицию, они занимают другую позицию, но мораль-то выше! <...> То есть, если ты за Путина и за это мнение, тебе это не дает никакого права бить человека, который стоит по другую сторону, если даже он, правда, какой-то плохой, он что-то там не то делает. Нет! Это все равно тебе не дает права бить человека или же производить какое-то насилие над ним. Это выше этого! Собственно говоря, так и зарождаются войны, нацизм. Если так рассуждать, что, если они – не люди, как мы решили, то мы можем с ними делать все, что хотим. Нет! Если мы их даже не считаем за людей, либо у нас с ними расходятся очень важные моменты, они все равно люди со своим мнением, а мы с другим мнением, и мы не можем как-то над ними издеваться или бить. Мораль выше, я так считаю».

Оксана, участница фокус-групповой дискуссии

В этической логике аргументации, как и в патриархальной, многие люди описывают идеал правоохранителя, схожего с милиционером Дядей Степой. Разница в том, что при обращении к этике акцент делается не на протекторате от милиционера, а на его деятельном желании обеспечивать благополучие людей.

«Если ты человек в погонах, ты должен людям помогать, помогать, а не так вот делать. Я не знаю, как таким людям объяснить что-то. Вот ты милиционер, у тебя тоже семья, ты должен пример показывать нашим мальчишкам. Да, ребяташки, вы неправильно что-то сделали, но не так же вот, например издеваться, чтобы бить по коленкам, по ушам или еще что-то. Это неправильно. Ну избili парней – все, нормально, дурь свою сбросили и нормально, как короли ходят. Это что, нормально что ли? Это, конечно, ненормально».

Мария, мать задержанного

Сложность построения отношений «человек – человек» между гражданином и правоохранителем эксперты как раз и объясняют наличием погон и мундира. Порой правоохранителям нужно выбрать между поддержкой порядка (мундиром) и помощью несправедливо пострадавшему. Это решение лежит в плоскости морали и нравственности, поэтому мы считаем его аргументом из мира этики.

*«Вот моральная деградация и пошла. Ты умом понимаешь, что **человек не виноват**, но надо спасать дело. Надо спасать **честь мундира**. Это сплошь и рядом, к сожалению. И нужно обладать большим мужеством, чтобы сказать: «Я пришел к выводу о невиновности этого человека, его надо освободить, его надо реабилитировать».*

Борис, адвокат, бывший сотрудник МВД

Логика этической аргументации подразумевает личную человеческую ответственность за происходящее. Насилие не объясняется психологией или системой работы, это именно личностный выбор.

*«В ИК был человек, начальник ЕПКТ непосредственно, который со мной вместе, как говорится, пайку ломал, и один последний патрон у нас с ним был, мы в один бушлат укутывались. Но в режим он, значит, меня забивал бейсбольной битой. А когда начальник убежал, он остался в колонии. «Пашк, ты прости меня, ты пойми». Я говорю: «Как я тебя могу понять?». «Приказ был, начальник». «Причем тут приказ? Ты, прежде всего, человек. И ты делаешь выбор сам». Мы сами делаем свой выбор, как нам жить.<...> Тебя никто не заставляет. **Когда на тот свет мы придем, нам всем зададут один вопрос: почему ты так поступил? Ты не скажешь, что меня заставил он. Тебе зададут правильный вопрос: почему [именно] ты так поступил? То есть ты сам должен делать выбор. И вот это прежде всего должно быть».***

Павел, имеет опыт заключения

Этические аргументы часто обозначаются как идеалистические, не применимые к жизни. Однако в них верят (как, например, в образ полицейского, помогающего всем одинаково), к ним апеллируют, так что это обоснование справедливости является востребованным. Более того, на уровне повседневных практик этические принципы способствуют облегчению давления и созданию очагов локальной соседской справедливости, добрососедства.

Вероятно, дефицит практического использования этических аргументов обусловлен сложностью производства «пособий» – материалов, помогающих лучше понять аргументы, взять их себе на вооружение (статьи и выступления в медиа, учебники, продукты популярной культуры и т.п.). В то время как в остальных выделенных нами мирах уже сложился определенный язык и довольно устойчивые логические конструкции, мир этики чаще оперирует восклицаниями и риторическими вопросами.

Аргументы мира этики, встречаясь с аргументами других миров, способны образовать перспективные союзы. Так, критика с позиций этики необходима легалистским позициям, чтобы закон отражал общественную норму и представления о морали. При совмещении аргументов из мира профессионализма и этики может выкристаллизироваться профессиональная этика, может появиться этический кодекс организации. Если противопоставлять аргументы из мира этики аргументам из мира «конвейера», можно показать, что человек важнее производственного процесса. Концепт сильной личности из мира психологизма может быть сглажен. При этом аргументы из мира этики, как уже было сказано, во многом подпитываются патриархальными установками.

Аргументы из мира этики и духовности зачастую респонденты используют как способ преодолеть те структурные социальные ограничения, которые они сами на себе чувствуют, и выйти к пониманию и солидарности. Насилие с точки зрения этики категорически неприемлемо, поскольку противоречит и угрожает его базовым ценностям.

Выводы

Отнесение ситуации насилия к полюсу дозволенного или недозволенного не может объясняться лишь принадлежностью респондента к той или иной социальной группе и степенью толерантности к насилию, присущей этой группе. Для выявления причин отнесения ситуации к полюсам дозволенности требуется понимание логики аргументации, которой пользуется респондент.

Из этой главы видно, насколько фрагментирована дискуссия о государственном насилии. Единого взгляда на пытки и на справедливость насилия в той или иной ситуации нет, вместо них мы выделили шесть различных логик аргументаций: индустриальную, психологическую, легалистскую, профессиональную, патриархальную и этическую.

Мир индустрии правоохранителей объясняет насилие «палочной» системой: правоохранитель ориентирован на достижение показателей любой ценой, в том числе насилием. Такой практический подход к объяснению государственного насилия «палками» позволяет относиться к нему как к обыденному явлению. При этом, если сам «конвейер» не способен различать людей в задержанных, заключенных и собственных сотрудниках, «обычные люди» нередко готовы увидеть людей в правоохранителях, сочувствуя бездушности их рабочих условий. Аргументы из мира индустрии описывают (не)справедливость, заданную этими рабочими условиями извне.

Есть и, напротив, внутреннее объяснение – аргументы из мира психического здоровья оказались довольно популярными в высказываниях. Психическое здоровье понимается в индивидуалистском ключе: как сила и целостность личности. Этот мир предполагает ценность психического здоровья и выбора моделей поведения, позволяющих «сохранить себя». В этих суждениях субъекты пыток нездоровы, то есть не способны себя контролировать. Но этот аргумент работает и против пострадавших: они «дрогнули». В рамках этой логики, если доводить ее до предела, люди, которые пережили пытки, сами виноваты в том, что попали в такую ситуацию, которая считается производным от индивидуальной воли, ряда неправильных индивидуальных выборов, независимых от обстоятельств.

Мир легализма апеллирует к четкости и всеобщности законов. Случаи с потенциальным насилием рассматриваются в соответствии с внешними определениями. Высшая ценность мира легализма – исчерпывающее определение события, позволяющего квалифицировать его как насилие или пытку. Однако соответствие закона внутренним установкам человека, а также принципы, по которым законы должны приниматься, остаются за скобками.

Логику аргументации, которую мы обозначили как мир профессионализма правоохранителей, можно назвать отчасти противостоящей логике мира «конвейера». Если в последней правоохранитель – это винтик в системе, то в мире профессионализма он обладатель навыков и квалификаций, а также тот, кто потенциально причастен к профессиональному сообществу. Физическое насилие часто порицается респондентами, использующими эту логику, как низкая

квалификация, которая плохо продается на рынке правоохранительных услуг. Умение обойтись только психологическим насилием многие маркируют как профессионализм. Суждения о профессиональном цехе правоохранителей как точке сборки профессиональной этики отсутствуют, по-видимому, проигрывая по популярности высказываниям об условиях труда и отчетности правоохранителей.

Мир патриархальных ценностей, то есть безопасности общественного порядка, обнаруживается в высказываниях крайне часто. Патриархальные установки и стремление к общественному порядку нередко проникают и в другие логики аргументации. Обращение к патриархальной логике аргументации, с одной стороны, наделяет силой тех, кто готов воспринимать критические суждения этого мира, а с другой – исключает из поля зрения тех, кто не укладывается в общий порядок, не хочет или не может ему соответствовать. Особенно ощутимо это становится в ситуации, когда «патриархальной линейкой» измеряют пострадавших. Этим патриархальный мир отличается от мира этики. Несмотря на свою энергичность, укорененность и вездесущность, патриархальный мир не заменяет мир этических аргументов, хотя, вероятно, способен их усилить.

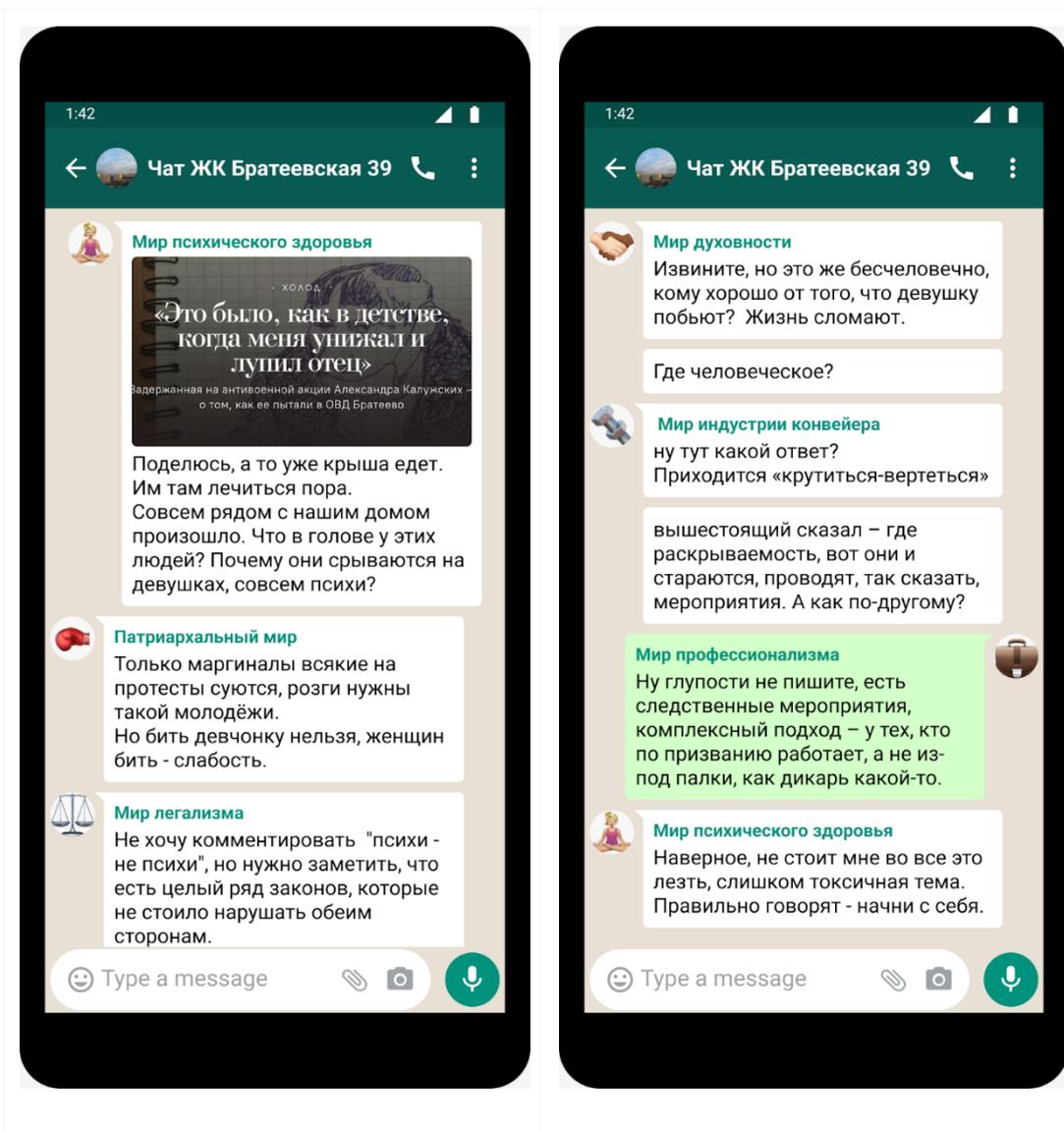
Последняя система аргументации обозначена нами как мир этики и духовности. Если предельно упростить, ее аргументы состоят в том, что высшей ценностью объявляется человеческая жизнь и достоинство вне зависимости от социальной роли и статуса человека. Ценность аргументов мира этики в том, что их применение – это своеобразная вера в будущее, причем совместное с оппонентом. Применяющий этическую логику аргументации видит в оппоненте полноценную личность и обращается к ней для совместной работы, действия. Это отличает аргументы этики от аргументов других миров, которые апеллируют в первую очередь к тому или иному порядку.

Уверенно о практически полном консенсусе респондентов можно говорить лишь в том случае, когда люди говорят о невозможности ничего изменить, о поломанности всей структуры, будь то какие-то конкретные институты или же социальные отношения, в которые включены те или иные социальные группы, о символической контаминации закона и правоохранительной системы и т.д. Кажется, что отчасти чувство невозможности что-либо изменить связано с отсутствием «социального клея» как между теми, кто придерживается разных логик аргументаций, так и между людьми в целом. Так, с одной стороны, патриархальный мир справедливости способен образовывать устойчивые союзы со всеми другими мирами, а с другой – в этом мире достаточно часто оправдывают насилие по отношению к «неправильным людям». Мир легализма, напротив, является универсальным, но часто не предполагает эмпатии и солидарности, а также оказывается в некотором смысле контаминированным действиями законотворческой, правоохранительной и судебной систем, и в результате доверие к нему ставится под вопрос.

Перспективным, с нашей точки зрения, является мир этики, который предполагает одновременно просветительское и критическое начало в отношении других миров. Он имеет солидаризирующую функцию исходя из предположения об универсальной ценности человеческой жизни и достойном отношении к каждому. Аргументы из мира этики тем не менее не очень популярны, возможно, из-за неутилитарности,

которую легко критиковать с позиций любого другого мира. Для того чтобы действительно использовать этику как инструмент построения солидарности, профессиональным сообществам необходимо увеличить репрезентацию этой логики аргументации и сделать ее нормативной.

Для облегчения задачи читателя мы представили, как могли бы работать миры справедливости в «концентрированном виде» в чате:

Заключение

В результате нашего исследования можно сделать вывод, что рутинность государственного насилия, то есть укорененность практик насилия в работе и структуре правоохранительных институтов, а также устойчивость аргументов, подтверждающих дозволенность насилия, действительно представляет собой проблему. Насилие и пытки усугубляют уязвимости в обществе, лишают широкий круг людей ресурсов и способности действовать самостоятельно, загрязняют идентичности непосредственных участников ситуации и за ее пределами. В результате ситуаций насилия и пыток обостряется оппозиция человека и правоохранительной системы, что снижает шансы продуктивного взаимодействия, а насильственные практики еще больше рутинизируются.

Можно выделить несколько механизмов такой рутинизации. В частности, переживание опыта насилия влияет на самовосприятие человека и выстраивает невидимый барьер между ним и окружающим миром (в том числе семьей, коллегами, привычной повседневностью). Многие люди, столкнувшиеся с пытками, чувствуют себя сломанными, навсегда измененными, потерявшими контроль над собственной жизнью. Насилие и пытки также влияют на тех, кто не участвовал в ситуации: родственников и близких, профессиональных помощников пострадавшим, на самих правоохранителей – все сталкиваются с моральной контаминацией. Свое бесправие, бессилие, неспособность бороться с несправедливой системой могут испытывать на себе даже те, кто столкнулся с пыткой только в тексте новостей.

Степень уязвимости перед правоохранителями может зависеть от характеристик человека: возраста, пола, внешности, национальности, сексуальности, политической позиции и др. При этом трудно указать на какую-то единую систему, поскольку уязвимости могут пересекаться и работать по-разному в зависимости от внешних обстоятельств.

Возможность пережить государственное насилие с наименьшими потерями зависит от шансов проявить агентность, то есть решать за себя и действовать. Проявлять ее человеку, столкнувшемуся с системой, тяжело, поскольку на стороне системы всегда есть преимущество силы. В результате столкновения скудеют ресурсы человека: может пропасть работа, ухудшается физическое и психологическое здоровье, теряются социальные связи и т.п. И бороться становится сложнее.

При этом проблема государственного насилия отражается не только на задержанных и заключенных, но и на сотрудниках силовых органов. Функционирование тотального института правоохранительной системы, что наиболее заметно в СИЗО и колониях, представляет общую проблему для всех ее участников. Обе группы вынуждены существовать в закрытой от внешнего мира среде, в условиях жестких иерархий и нехватки материальных ценностей, а их жизненные шансы часто ограничены. В результате пребывания в тюрьме в любой роли человек приобретает стигму, отделяющую его от «нормальных» людей.

Возвращение в «нормальность» после столкновения с государственным насилием, тем более после пребывания в тотальном институте, – сложная задача. Однако даже в тех случаях, когда успеха в изменении ситуации, выражающегося в продвижении

дела, улучшении условий содержания, прекращении истязаний и т.д. достичь не удастся, само ощущение права на успех и восприятие государственного насилия как ненормального, или недозволенного, помогают сохранить агентность человеку. Восприятие насилия как недозволенного может присутствовать у человека и до столкновения с системой, а может быть получено, например, из бесед с правозащитником, другим заключенным, чтения каких-либо материалов и т.п. Важно, чтобы различные аргументы о несправедливости государственного насилия были слышны. Мы считаем, что для борьбы с государственным насилием и его эффектами может быть полезным, чтобы взгляды с наибольшей «чувствительностью», то есть способностью аргументированно указать на ту или иную границу между дозволенным и недозволенным, могли находить общественную поддержку и распространяться.

Определения недозволенного и аргументы о несправедливости насилия значительно варьируются.

Так, например, определяя пытку, люди обращают внимание на широкий спектр черт: от наличия цели получить показания до продолжительности воздействия на человека.

Что можно сказать про перспективы общественной дискуссии о государственном насилии в ситуации многообразия определений? Уже сейчас существуют истории насилия, которые на слуху, вызвали резонанс в обществе. Это актуальные примеры, которые вспоминают в связи с данной темой (независимо от позиции поддержки или порицания), что говорит о наличии общего поля для спора и обсуждения.

Необходимость обсуждать недозволенность насилия направляет нас в область понятий о справедливости и их публичного представления. Мы обнаружили несколько наборов аргументов о справедливости и несправедливости государственного насилия, которые обозначили как различные миры справедливости. Например, популярным оказался мир психологизма, где справедливость связана со способностью к самоконтролю. Переход за грань дозволенного здесь объясняется психологической слабостью либо агрессора, либо пострадавшего. Такое объяснение, однако, эффективно работает на сохранение статуса-кво, что предполагает «индивидуальное лечение», а не системную работу над проблемой насилия.

Другой популярный мир – легализм, где вопрос справедливости решается ссылкой на закон. Такая ссылка позволяет четко препарировать случившиеся ситуации, но сужает возможность для дискуссии: с определениями сложно спорить. Кроме того, есть аргументы из мира профессионализма правоохранителей, где справедливость или несправедливость приравнивается к соответствию или несоответствию профессиональным качествам. При этом понимание желательных качеств кардинально различается. Некоторые хорошим профессионалом считают того, кто без лишних шума и пыли добивается своего, даже если для этого приходится использовать насилие, тем более такое «гуманное», как психологическое. Другие, напротив, видят профессионализм правоохранителя в его соответствии образу незаметного охранника граждан. В любом случае аргументы из мира «конвейера» правоохранителей о необходимости много и работать и «делать палки» звучат намного чаще, чем апелляция к профессиональным навыкам кадрового корпуса. Соответственно, нельзя говорить о проблематизации профессиональной этики правоохранителей – по сравнению с «палками» к ней практически не обращаются.

В то же время можно говорить о вакантном месте общего основания для диалога выделенных нами миров – это место мира этики, межчеловеческого общения. Справедливость в выделенных нами этических аргументах постулируется не той или иной ролью или порядком (профессионал, прилежный работник, здоровая личность, закон, безопасность), а способностью выстроить отношения «человек – человек». Использование аргументов из мира этики предполагает наличие общей ценности человеческой жизни у оппонентов даже в ситуации насилия. Несмотря на то что люди часто апеллируют к этому пониманию справедливости, его пока трудно назвать нормативным, поскольку по сравнению с другими мирами этика не прибегает к утилитарности и разумности, так что аргументы из этого мира многим могут казаться излишне идеалистическими. В результате к ним прибегают скорее в форме крика о помощи или восклицания «в никуда», и на данный момент более приемлемым объяснением является принадлежательство к любому другому миру.

Аргументы из разных миров не высказываются обособленно. Каждый человек, как правило, использует несколько систем аргументации. К тому же существуют широко распространенные ценности: так, почти с любым типом аргумента идет объяснение из патриархального мира, апеллирующее к безопасности и поддержанию иерархически устроенного общественного порядка. Сейчас подобная аргументация понятна и привычна в обществе, что делает ее утилитарным инструментом для налаживания доверия в общественном диалоге. Однако адекватным языком обсуждения насилия в ближайшее время, по-видимому, будет этика, хотя сейчас эти аргументы довольно маргинальны, связаны с ностальгией и почти не используются экспертами-правозащитниками.

Реализации этических аргументов на практике, их принятию противоположными сторонами спора могут способствовать ситуации соседства – пространственной, ролевой и социально-экономической близости. Мы показали, что, хотя тотальный институт правоохранительного учреждения работает на воспроизводство разделения, внутри него можно обнаружить некоторые формы добрососедских отношений между правоохранителями и задержанными/заклученными, предпосылки к взаимопониманию. На правоохранителей, занимающих невысокие должности, и на задержанных и заключенных можно смотреть как на людей с противоположными ролями, но в то же время обладающих общей человечностью и похожими условиями жизни. Ростки солидарности, реализующиеся на уровне «человек – человек», стоит бережно изучать, делать видимыми и поддерживать.

Приложение

Методология исследования

Исследовательский инструментарий

Гайды

Для каждой группы респондентов составлялся отдельный гайд интервью, который состоял из 4–5 блоков тематических вопросов. В случае если отдельные вопросы или блок вопросов оказывался нерелевантным для респондента (например, наш собеседник не содержался в ИВС), то такие вопросы пропускались. Так как исследовательская команда работала в рамках глубинных интервью, то вопросы могли корректироваться по ходу беседы – исследователи могли видоизменять конкретные формулировки, пропускать и уточнять общие вопросы или задавать дополнительные.

Далее приведены гайды интервью с респондентами, по отношению к которым было применено насилие со стороны сотрудников правоохранительных органов (то есть с пострадавшими), их родственниками и близкими, а также экспертами. В гайдах обозначены тематические блоки вопросов, в рамках которых проходило интервью. В качестве примеров приведены конкретные вопросы, которые звучали в беседе. Гайд интервью с экспертами использовался и в личных, и в групповом интервью (фокус-групповой дискуссии).

Гайд интервью с пострадавшими от насилия со стороны сотрудников правоохранительной системы

Биография, среда социализации.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, о себе. Сколько вам лет, чем вы занимаетесь, в каком городе сейчас живете? Расскажите про вашу семью. Какие у вас отношения с родителями? Есть ли у вас братья, сестры? Есть ли у вас дети? Где вы учились или работали? Случалось ли вам прежде иметь дело с правоохранительными органами?

Обстоятельства взаимодействия с правоохранительной системой, в рамках которого произошла ситуация насилия.

Задержание.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы были задержаны? Где вы находились? Что больше всего запомнилось из окружающего пространства?

Отделение полиции.

Примеры вопросов. Что происходило в отделении? Как с вами обращались сотрудники? Помните ли, какие ощущения вы испытывали тогда? Было ли что-то, что больше всего вас удивило или показалось странным, ненормальным?

ИВС.

Примеры вопросов. Когда вы оказались в ИВС, был ли какой-то разговор с сотрудниками МВД в начале? Как он проходил? Сколько людей находилось с вами в одной камере? Какие были условия внутри? Какие

отношения складывались между вами? Что вы можете рассказать про сотрудников ИВС? Что они делали? Как вели себя?

СИЗО.

Примеры вопросов. Что вам больше всего запомнилось из камеры/камер, в которых вы находились? Предметы мебели? Освещение? Запахи? Как вам кажется, от чего зависит то, насколько трудно человеку в СИЗО? Можно ли сделать что-то, чтобы избежать чрезмерных трудностей? От чего это зависит?

Колония.

Примеры вопросов. Расскажите о том, что происходило, когда вы приехали в колонию. Как вас встречали? Какие процедуры вам пришлось пройти? Был ли какой-то разговор с сотрудниками колонии? Есть ли у сотрудников ФСИН какие-либо способы воздействия на заключенного? В каких случаях они их чаще всего применяют?

Обстоятельства насилия.

Примеры вопросов. Кто осуществлял насилие? Как они оправдывали свои действия? Как вы думаете, почему на самом деле сотрудники совершают насилие? Кто был свидетелем происходящего? Как вели себя окружающие? Как вы думаете, произошедшее сказалось на отношении ваших сокамерников к вам? Сотрудников к вам? Вы считаете произошедшее пыткой? Недозволенным отношением? Почему да/нет?

Освобождение из отделения полиции/ИВС/СИЗО/колонии.

Примеры вопросов. Сложно ли было вернуться к обычной жизни? Если да, то что было сложно? С какими препятствиями сталкивались? Что вам помогало? Рассказывали ли вы свою историю семье, друзьям, знакомым?

Обращение за помощью или правовой защитой.

Примеры вопросов. Обращались ли вы за помощью? Если да, то в какой момент вы задумались о том, чтобы обратиться куда-то? Что побудило вас обратиться?

Заключительные вопросы.

Примеры вопросов. Что еще помогло бы вам в той ситуации, которая случилась с вами? Какая поддержка, на ваш взгляд, необходима тем, кто пережил подобное? Как вы считаете, полиция сейчас лучше или хуже обращается с задержанными, чем раньше? Почему вы так считаете?

Гайд интервью с родственниками и близкими пострадавших от насилия со стороны сотрудников правоохранительной системы

Биография, среда социализации.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, о себе. Расскажите немного о вашем близком. Кем он(а) вам приходится? Где он(а) живет (жил/жила), какая у него (нее) семья, образование, работа? Какие у вас отношения? Нормально ли для вас обращаться друг к другу за помощью?

Обстоятельства взаимодействия с правоохранительной системой, в рамках которого произошла ситуация насилия.

Обстоятельства насилия.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, что вы знаете об этой истории: что тогда произошло? Как и от кого вы узнали о

произошедшем? Вы обсуждали эту ситуацию с самим(ой) пострадавшим(ей)?

Задержание.

Примеры вопросов. Как задержали вашего близкого? Как вы об этом узнали?

Полицейский участок.

Примеры вопросов. Как ваш близкий описывал отношение к себе со стороны правоохранителей в месте, куда его (ее) привезли?

ИВС, СИЗО, колония.

Примеры вопросов. Насколько вы и ваш близкий были готовы к тому, что ему (ей) объявят такую меру пресечения? Обращались ли вы к кому-то на этапе начала следствия, например, к правозащитникам? Если да, то по каким вопросам? Расскажите, когда после заключения вы в первый раз увиделись. Общались ли вы с членами семьи других заключенных?

Освобождение из участка/ИВС/СИЗО/колонии.

Примеры вопросов. Изменились или ваши отношения после этой истории? Как вы думаете, почему? Как вели себя окружающие: родственники, знакомые, коллеги? Насколько вашему близкому было сложно вернуться к обычной жизни? Что ему (ей) помогало?

Обращение за помощью или правозащитой.

Примеры вопросов. Расскажите, что побудило вашего близкого обратиться за помощью? Опишите, как это происходило. Были ли вы вовлечены в это? Знали ли вы до этого случая про правозащитные организации? Проводилось ли судебное разбирательство?

Заключительные вопросы.

Примеры вопросов. Что еще помогло бы вам в той ситуации? Какая поддержка, на ваш взгляд, необходима тем, кто пережил пытки? Как, по вашему мнению, сотрудники правоохранительных органов должны обращаться с заключенными в идеале? Если бы у вас была возможность что-то поменять в системе, что вам кажется важным сделать, учесть?

Гайд интервью с экспертами

Бэкграунд, сфера экспертизы.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, о себе. Сколько вам лет? Какое у вас образование? Как давно Вы работаете в этой сфере?

Взаимодействие с людьми, находящимися в контакте с правоохранительными органами (задержанные, обвиняемые, заключенные, их родственники и т.д.).

Общие вопросы о работе.

Примеры вопросов. В чем заключается сейчас ваша работа? Кто ваши подопечные/клиенты? Как для вас выглядит результат успешной работы? Есть ли у вас возможность выбирать кейсы, с которыми вы работаете? Если да, то на что вы смотрите? Есть ли кейс, который вы никогда не возьмете? Почему? Есть ли кейс, который возьмете даже с полной загрузкой? Взаимодействуете ли вы как-либо с сотрудниками правоохранительных органов?

Случаи работы с задержанным/заключенным, прошедшим через применение насилия.

Примеры вопросов. Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь кейсе работы с задержанным/заключенным из вашей недавней практики, в котором происходило насилие со стороны сотрудников правоохранительных органов. С чем человек к вам обратился? В чем заключалась ваша помощь этому человеку? Была ли в данном случае какой-то особенной цель вашей работы? Как проходила ваша работа? Через какие процедуры вы проходили с подопечным? Какие отношения у вас сложились с подопечным?

Общие вопросы о случаях применения насилия.

Примеры вопросов. Как вам кажется, от чего зависит то, насколько трудно человеку в СИЗО? Можно ли сделать что-то, чтобы избежать чрезмерных трудностей? От чего это зависит? Могут ли сотрудники повлиять на то, как задержанные/заключенные относятся друг к другу, как себя ведут? А наоборот? Могут ли задержанные/заключенные как-то изменить положение дел? Если да, они пытаются? Если нет, то почему, как вы думаете?

Обсуждение медиа-кейсов (см. гайд для фокус-групповых дискуссий).

Заключительные вопросы.

Примеры вопросов. Как вы оцениваете ситуацию с применением силы в полиции/ФСИН сегодня? Что влияет на эту ситуацию? Изменились ли за последние годы причины обращений по поводу пребывания в полиции/системе ФСИН? Есть ли у вас ощущение, что система меняется?

Как подбирались и составлялись кейсы для интервью и фокус-групп

Фокус-групповые дискуссии с людьми, которые не обладают непосредственным опытом столкновения с правоохранительными органами, строились вокруг обсуждений пяти медиа-кейсов⁶³, которые были подобраны таким образом, чтобы отразить ситуации применения насилия в разных контекстах (на улице, при задержании, в полицейском отделении, СИЗО, колонии), разными методами (психологическое давление и физическое насилие), по отношению к людям из разных социальных слоев и в разных ситуациях. Кроме этого, один из обсуждаемых случаев демонстрировал случай применения насилия по отношению к полицейским. Все случаи, кроме одного, доступны в публичном пространстве. Один случай был заимствован из рабочего протокола Команды против пыток, который составлялся на базе слов потерпевшей от насилия.

Для ознакомления с кейсами всем участникам фокус-группы в реальном времени демонстрировался текст, видео- или аудиозапись, после чего исследователь задавал вопросы по каждому кейсу в отдельности. Гайд фокус-групповых дискуссий, как и остальные гайды, предполагал возможность подстройки под конкретные ситуации взаимодействия с собеседниками. Как и в случае индивидуальных интервью, исследователь имел право корректировать, добавлять и пропускать отдельные вопросы.

Общий список кейсов по типам случаев (рабочие названия):

1. “Снежки в правоохранителей”
2. “Насилие по причине сопротивления: женщина с ребенком”
3. “Пытка в колонии: дыба”
4. “Недозволенное обращение в отделе полиции: Братеево”
5. “Случай, где может быть реальное правонарушение: терроризм”

Кейсы и вопросы одинаковы для 4 категорий респондентов:

1. Эксперты
2. “Обыватели”
3. Правоохранители
4. Пострадавшие/Родственники – исходя из ситуационной возможности

Общий блок вопросов для всех кейсов

Цель: Отношение к ситуации, что/кого в ней выделяет, как интерпретирует, с кем ассоциирует себя, как видит аргументы обеих сторон

1. Как вы на это реагируете? Что вы хотите с этим делать?
2. Что вы думаете об этом отрывке? Что для вас здесь наиболее значимо? Почему?
3. Что и почему там происходило, на ваш взгляд?
4. Почему ... (гражданин/гражданка/граждане/заключенный/задержанный - выбираем нейтральное по контексту) вел(-и) себя так?
5. Почему полицейские/... вели себя так?
6. Могли ли участники как-то избежать этой ситуации?
7. Часто ли такие вещи происходят? Почему?
8. Насколько справедливо происходящее со всеми участниками? Почему?
9. Как бы вы действовали на месте каждого из участников?
10. Какие последствия такие случаи могут иметь для общества?

Доп. вопросы для правоохранителей:

11. Проявляются ли здесь навыки идеального полицейского (см. записанное при ответах на блок “Работа с задержанными/заключенными”)?
12. Правоохранитель здесь следует совету... (см. совет новичкам)?
13. Если в ходе беседы интервьюер записал какие-то принципы, правила, ценности и т.п. - то:
Вы сказали, что... В этой ситуации это применимо?

Вопросы для обсуждения после представления всех кейсов:

14. Можно ли назвать произошедшее насилием? Недозволенным отношением? Пытками?
15. Что именно из всего произошедшего является таковым?

16. Почему вы так считаете?

Гайд фокус-групповых дискуссий с людьми, которые не имеют опыта взаимодействия с правоохранительными органами

Биография участников.

Примеры вопросов. Какая ваша профессия и образование? Где вы живете, сколько вам лет?

Опыт общения и отношение к правоохранительным органам в целом.

Примеры вопросов. Случалось ли вам когда-либо иметь дело с полицией? Когда и при каких обстоятельствах это происходило? Как вам кажется, в чем заключается роль полиции и правоохранителей сегодня? Насколько они справляются с этой ролью? Вы всегда так думали или ваше отношение к полиции раньше было другим? Если так, то что его изменило?

Опыт ситуаций насилия и отношение к насилию.

Примеры вопросов. Опишите свое отношение к насилию в целом. Как вам кажется, в современной России какое у людей отношение к насилию, если брать в среднем? Были ли вы когда-либо непосредственным свидетелем каких-то неприемлемых форм обращения со стороны полиции? Как и что происходило? К кому применялось насилие? Как вам кажется, почему они так делали? Что вы делали в этой ситуации? Считаете ли вы, что они правильно поступили в той ситуации?

Обсуждение медиа-кейсов.

Примеры вопросов. Как вы думаете, что происходит? Что вы думаете об этом? Как вам кажется, насколько адекватно/правильно повели себя все участники? Как вы думаете, кто-то жаловался на произошедшее? Что бы вы могли посоветовать человеку, который не хочет быть избитым при задержании/в отделе/в месте отбывания наказания? Есть ли какие-то способы избежать этого?

Отношение к людям, имеющим опыт заключения.

Примеры вопросов. Как вы считаете, нужно ли помогать людям, когда они находятся в местах лишения свободы? Если да, то почему? Если нет, то почему?

Заключительные вопросы.

Примеры вопросов. Как, на ваш взгляд, сотрудники правоохранительных органов должны обращаться с задержанными/заключенными в идеале? Как вам кажется, нужно ли что-то менять в работе правоохранительной системы? Что именно и почему?

Схема сбора данных (рекрутинг) и получение доступа к полю

Подбор информантов с опытом инкарцерации и их близких осуществлялся в несколько итераций и с помощью разных каналов рекрутирования. На первом этапе респонденты рекрутировались благодаря содействию некоммерческой организации в области борьбы с пытками. К участию в исследовании приглашались люди, которые самостоятельно обращались в государственные органы и некоммерческие организации, обозначая обращение с собой со стороны органов правопорядка как насилие/пытки/неподобающее (недозволенное, недопустимое, незаконное) отношение. Задачей этого первого этапа состояла в том, чтобы не ограничивать отбор респондентов заранее заданными характеристиками и предположениями относительно них, а отталкиваться от полевого опыта таким образом, чтобы

включить в исследование наиболее полный набор встречающихся случаев (для достоверного описания явления).

Далее информанты рекрутировались посредством метода снежного кома – с использованием социальных связей исследователей и путем размещения приглашения участию в исследовании в социальных сетях. Этим способом привлекались респонденты с опытом пребывания в правоохранительной системе (ОВД, СИЗО, исправительные колонии), вне зависимости от того, заявляли ли они о пытках, жестоком обращении в отношении них. Таким образом, предполагалось снизить степень смещения выборки в пользу тех задержанных, которые сотрудничают с правозащитными организациями, и тем самым расширить выборку исследования. Однако этим путем удалось рекрутировать лишь небольшое число информантов, так что выборка исследования существенно смещена в сторону тех пострадавших и их родственников, которые заявили о факте пыток и недозволенного отношения со стороны сотрудников правоохранительной системы, и добиваются признания этого факта в суде.

Информанты с опытом работы в правоохранительной системе также рекрутировались посредством личных социальных связей исследователей, методом снежного кома и через размещение приглашения к участию в исследовании в социальных сетях, тематических сообществах, форумах сотрудников полиции и ФСИН. Важно отметить, что при рекрутинге этой группы информантов мы столкнулись с наибольшим количеством отказов от участия в исследовании, из чего можно сделать вывод о крайней закрытости этого профессионального сообщества от посторонних.

На начальной стадии рекрутинга экспертов составлялся перечень сфер, в которых могут быть заняты другие профессионалы, работающие с людьми, пережившими насилие от сотрудников полиции и/или системы исправительных учреждений. Затем эксперты рекрутировались напрямую, через содействие правозащитных организаций, социальные связи исследовательской команды и социальные сети.

Перечень регионов, представленных опрошенными респондентами, отображен ниже.

Пострадавшие от насилия (обратившиеся к правозащитникам) и люди с опытом задержания, заключения и их близкие	Сотрудники МВД, ФСИН	Обыватели	Эксперты
г. Москва и Московская область	г. Москва и Московская область	г. Москва и Московская область	г. Москва и Московская область
г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область
Кабардино-Балкарская Республика	Волгоградская область	Владимирская область	Владимирская область

Краснодарский край	Вологодская область	Волгоградская область	Краснодарский край
Нижегородская область	Ивановская область	Красноярский край	Нижегородская область
Оренбургская область	Краснодарский край	Оренбургская область	Новосибирская область
Республика Башкортостан	Мурманская область	Республика Татарстан	Оренбургская область
Республика Дагестан	Республика Адыгея	Саратовская область	Пермский край
Республика Татарстан	Тамбовская область	Свердловская область	Ростовская область
Челябинская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Челябинская область	
Чеченская Республика	Челябинская область		
	Ямало-Ненецкий автономный округ		

Схема анализа данных

Говоря о соотношении теории и эмпирического материала, мы следовали абдуктивному подходу к сбору и анализу данных, согласно которому мы развивали новые концепты и идеи, способы объяснения, опираясь на находки в ходе полевой работы, не ограниченные уже существующим знанием. При работе с теорией мы, с одной стороны, определяли, как собранные данные поддерживали уже существующие теории, а с другой стороны, рассматривали, в чем эти теории ограничены и как они могли бы быть развиты в целях расширения знания об изучаемом феномене. Таким образом, итоговые выводы и интерпретации были получены в результате множественных итераций между существующими теориями и собранными данными в целях поиска наиболее адекватного объяснения реальности.

Данные интервью и фокус групп (транскрипты) кодировались несколькими членами исследовательской команды. При разработке кодов использовался абдуктивный подход: сначала разрабатывалась общая структура кодов, затем происходило кодирование, затем происходила корректировка кодов и т.д. Всего было сделано три итерации «коды – данные», также проводились сессии для согласования интерпретаций кодировщиков.

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–30.

2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / под ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
3. Бочаров Т.Ю., Моисеева Е.Н. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017. 278 с.
4. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. Часть 2. Контроль над информацией и социальная идентичность / пер. М.С. Добряковой. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf
5. Гоффман Э. Тотальные институты / под ред. А. Корбута. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.
6. Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Кочергина Е.В. Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме. М.: Левада-Центр, 2019. URL: https://pytkam.net/wp-content/uploads/2020/09/analiticheskiy_otchet_final-2.pdf
7. Коул Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека. Пособие для тюремного персонала. Лондон: Международный центр тюремных исследований. URL: <https://www.prisonstudies.org/sites/default/files/resources/downloads/russian.pdf>
8. Пэллот Дж. ГУЛАГ как горнило российской пенитенциарной системы XXI века // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст / под ред. М. Дэвида-Фокса. СПб.: Academic Studies Press, 2020. 632 с.
9. Рунова К.А. «Неуместная» гуманность: как работают врачи в пенитенциарной системе России // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 345–358.
10. Урусов А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 141-146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-osuzhdennyh-otbyvayuschih-nakazaniya-v-ispravitelnyh-koloniyah>
11. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2016. 383 с.
12. Blakeley R., Raphael S. Accountability, denial and the future-proofing of British torture. *International Affairs*, 2020, vol. 96, iss. 3, pp. 691–709. URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa017>
13. Caliandro A. Digital methods for ethnography: Analytical concepts for ethnographers exploring social media environments. *Journal of Contemporary Ethnography*, 2018, vol. 47, iss. 5, pp. 551–578. URL: <https://doi.org/10.1177/0891241617702960>
14. Crozier B. Torture: Cancer of Democracy. France and Algeria 1954–62. *International Affairs*, 1963, vol. 39, iss. 4, p. 598. URL: <https://doi.org/10.2307/2609237>
15. De Waal C. Peirce: A Guide for the Perplexed. London, Bloomsbury, 2013, 200 p.
16. Ellis R. Prisons as porous institutions. *Theory and Society*, 2021, vol. 50, iss. 2, pp. 175–199.
17. Hajjar L. Torture: A Sociology of Violence and Human Rights. Routledge, 2013, 96 p.
18. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, iss. 3, pp. 252–264. URL: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1003_4

19. Keene D.E., Smoyer A.B., Blankenship K.M. Stigma, housing and identity after prison. *The Sociological Review*, 2018, vol. 66, iss. 4, pp. 799–815. URL: <https://doi.org/10.1177/0038026118777447>
20. Maček I. (ed.). *Engaging Violence: Trauma, memory and representation* (1st ed.). London, Routledge, 2014, 214 p. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203490778>
21. McLean K., Wolfe S.E., Rojek J. et al. Police Officers as Warriors or Guardians: Empirical Reality or Intriguing Rhetoric? *Justice Quarterly*, 2020, vol. 37, iss. 6, pp. 1096–1118. URL: <https://doi.org/10.1080/07418825.2018.1533031>
22. Morgan D.L. Focus groups and social interaction. In: *Gubrium J.F., Holstein J.A. (eds.) The SAGE Handbook of Interview Research* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA, SAGE, 2012, pp. 161–176.
23. Paavola S. Abduction as a logic and methodology of discovery: The importance of strategies. *Foundation of Science*, 2004, vol. 9, pp.: 267–283. URL: <https://doi.org/10.1023/B:FODA.0000042843.48932.25>
24. Pallot J. Russia's Penal Peripheries: Space, Place, and Penalty in Soviet and Post-Soviet Russia. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 98–112.
25. Pallot J., Piacentini L. *Geography, Gender, and Punishment. The Experience of Women in Carceral Russia*. Oxford, Oxford University press, 2012, 290 p.
26. Rejali D. *Torture and Democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2009, 880 p.
27. Tavory I., Timmermans S. *Abductive Analysis: Theorizing Qualitative Research*. Chicago, IL, The University of Chicago Press, 2014, 176 p.
28. Traianou A. The Centrality of Ethics in Qualitative Research. In: *Leavy P. (ed.) The Oxford Handbook of Qualitative Research*. Oxford, Oxford university press, 2014, pp. 62–79.
29. Vagle M.D. *Crafting Phenomenological Research*. Walnut Creek, CA, Left Coast Press, 2014, 176 p.

О материале

Авторы: Мария Бунина, Мария Василевская, Дарья Рудь, Анна-Мария Филиппова, Юрий Шубин, Дарья Ш.

Иллюстрации: Ася Киселёва

Визуализации: Любовь Захарова

Текст актуализирован по состоянию на октябрь 2022 года и опубликован 23 августа 2023 года

Для цитирования: Дозволенное-недозволенное: исследование государственного насилия в России и представлений о нём. – Нижний Новгород: Команда против пыток, 2023.

© Команда против пыток, 2023

Распространяется по лицензии [Creative Commons «Attribution» 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)